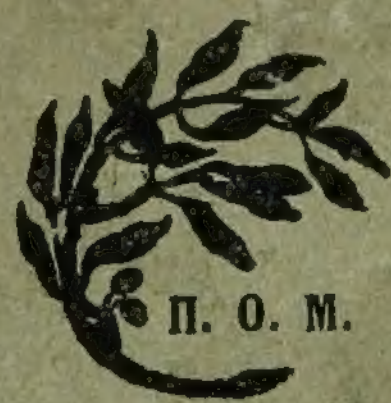
С.-Петербургское Общество Мира.—Выпускъ I.
Société de la Paix de S.-Pétersbourg.—Vol. I.

П. Н. МИЛЮКОВЪ.

Вооруженный миръ и ограниченіе вооруженій.

P. N. MILIOUKOV.

(La Paix Armée et la Limitation des Armements).



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Б. М. Вольфа. Невскій, 126 (уг. Суворов. пр.).
1911.

Акп № 1

Индекс	ИА.		Шифр хранения
Авторский знак	3-М.60-В		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

					√

Картотип. ГУРКВМФ. Зак. 1453—150000

Проверено-85

ПРОВЕРЕНА
1.952 г.

ПРОВЕРЕНА

С.-Петербургское Общество Мира.—Выпускъ I.
Société de la Paix de S.-Pétersbourg.—Vol. I.

Инвентарь
19 3/IX 21
№ 217.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

П. Н. МИЛЮКОВЪ.

Вооруженный миръ и ограниченіе вооруженій.

P. N. MILIOUKOV.

(La Paix Armée et la Limitation des Armements)

36125

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Б. М. Вольфа. Невскій, 126 (уг. Суворов. пр.).
1911.

ОТЪ АВТОРА.

Въ образованномъ русскомъ обществѣ нѣтъ недостатка въ симпатіяхъ къ движенію въ пользу мира. Въ этихъ симпатіяхъ авторъ имѣлъ возможность лично убѣдиться во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ ему пришлось прочесть публичныя лекціи, положенныя въ основу настоящей брошюры (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Екатеринославѣ, Таганрогѣ, Астрахани, Вильнѣ и Ригѣ). Яростное сопротивленіе идеямъ пацифизма идетъ изъ немногочисленныхъ круговъ профессіоналовъ и фанатиковъ воинствующаго „націонализма", и нѣтъ основаній опасаться, чтобы хищническая психологія идеологовъ „націонализма" могла когда-нибудь сдѣлаться психологіей образованнаго общества. Но и въ кругахъ, сочувствующихъ идеѣ мира не всегда замѣчается та твердость убѣжденія, какую можетъ дать только знаніе фактовъ и доводовъ, на которыхъ основано ученіе сторонниковъ мира. За отсутствіемъ этого знанія довольно распространено даже мнѣніе о крайней отвлеченности и теоретичности движенія въ пользу мира.

Цѣль этой брошюры—разрушить это предвзятое и одностороннее мнѣніе. Авторъ хотѣлъ показать, до какой степени проповѣдь мира тѣсно связана съ реальными требованіями жизни, съ какой неизбѣжностью она вытекаетъ изъ психологіи цивилизованнаго чело-

вѣчества и какъ неудержимо она входитъ въ жизнь, побѣждая стихійное сопротивленіе отживающихъ предразсудковъ и заинтересованное противодѣйствіе круговъ, живущихъ войной и военными настроеніями. Реальныя основы цацифизма — таково основное содержаніе предлагаемой брошюры.

Быть можетъ, такое направленіе аргументаціи встрѣтитъ возраженія и оговорки въ средѣ самихъ сторонниковъ пацифизма. Я разумѣю тѣхъ изъ нихъ, которые главную силу своего ученія полагаютъ въ абсолютизмѣ моральнаго требованія. Съ этимъ направленіемъ проповѣди авторъ не боится разойтись, по соображеніямъ, изложеннымъ въ самой брошюрѣ. Авторъ позволяетъ себѣ думать, что не только въ интересахъ широкой популяризаціи пацифистскаго движенія, но и по существу дѣла реалистическая аргументація должна занять свое законное мѣсто рядомъ съ моральными доводами.

Съ удовольствіемъ и благодарностью авторъ принялъ предложеніе С.-Петербургскаго отдѣленія Общества Мира—выпустить эту брошюру, какъ первый выпускъ трудовъ общества. Выступая подъ знаменемъ организаціи, имѣющей свои отдѣлы въ разныхъ мѣстахъ Россіи, авторъ почерпаетъ въ этомъ увѣренность, что голосъ его не одинокъ, что важность вопроса о мирѣ уже широко сознается въ русскомъ обществѣ и что его скромный вкладъ въ небогатую пока литературу о пацифизмѣ послужить большому и важному общему дѣлу.

С.-Петербургъ,
10 августа 1911.

I. Введеніе.

Мм. Гг.

Тема, составляющая предметъ этой лекціи, не принадлежитъ у насъ къ числу тѣхъ, интересъ и значеніе которыхъ были бы видны изъ самаго заглавія. Въ русскомъ обществѣ проповѣдь мира является новинкой, къ которой еще не успѣли пріучить публику наши русскіе „пацифисты“. Да и о заграничномъ движеніи пацифизма мнѣнія европейскаго общества рѣзко расходятся. Если тамъ постоянно растетъ число сторонниковъ пацифизма, то и его противники не складываютъ оружія. Не такъ еще давно пропагандистъ идеи мира даже и среди европейской образованной публики считался существомъ, въ достаточной степени несноснымъ и скучнымъ,—чѣмь-то вродѣ проповѣдника прописной морали. Что война дурна и безнравственна, кто этого не знаетъ? И несмотря на то, что это всѣмъ извѣстно,—такъ же извѣстно и несомнѣнно и то, что война всегда будетъ существовать, „пока люди останутся людьми“. Какая же польза, какой смыслъ призывать человѣчество къ вѣчному миру? Если люди, проповѣдующіе это, не обман-

щики и не лицемѣры, сами не вѣрящіе въ то, о чемъ говорятъ, то въ лучшемъ случаѣ, это—утописты и мечтатели, праздные болтуны и ограниченные люди. Такъ судятъ еще и до сихъ поръ о пацифизмѣ и о пацифистахъ многіе и многіе не только у насъ, но и въ Западной Европѣ.

И, однако же, движеніе противъ „вооруженнаго мира“ не только не умираетъ и не глохнетъ подъ тяжестью общественнаго скептицизма и равнодушія, а, напротивъ, съ каждымъ годомъ дѣлаетъ все новые и новые успѣхи. Широкіе круги публики изъ газетъ могутъ узнать, какъ изъ году въ годъ во всѣхъ парламентахъ цивилизованнаго мира все настойчивѣе и настойчивѣе раздаются требованія о сокращеніи вооруженій. Министры военные и иностранныхъ дѣлъ, сперва просто отмахивавшіеся отъ подобныхъ парламентскихъ заявленій, въ настоящее время уже считаютъ долгомъ прикрывать и смягчать свои отказы выраженіемъ принципіальнаго согласія. Наиболѣе передовые изъ нихъ уже сами принимаютъ на себя иниціативу международнаго обсужденія вопроса, и недалеко то время, когда вопросъ о сокращеніи вооруженій окончательно сдѣлается вопросомъ практической политики.

Очевидно, не одни только побужденія отвлеченной морали заставляютъ современное человѣчество все болѣе задумываться надъ способами ликвидаціи вооруженнаго мира. Болѣе реальной причиной быстро растущаго интереса къ вопросу служитъ огромный ростъ тяжести военныхъ вооруженій. Въ наше время

вопросъ о пріостановкѣ вооруженій въ особенности является настоятельнымъ, послѣ того какъ правительства всѣхъ передовыхъ странъ вступили, или вступаютъ на почву заботы о благосостояніи широкихъ массъ населенія. Быстрое развитіе соціальнаго законодательства сопровождается и чрезвычайно быстрымъ ростомъ расходовъ на обезпеченіе слабыхъ, больныхъ и старыхъ. Абсолютныя цифры этого расхода пока еще не очень велики. Но ихъ огромное увеличеніе въ самое короткое время заставляетъ цивилизованное человѣчество задуматься и сдѣлать, наконецъ, общій подсчетъ—и выборъ. При общемъ напряженіи средствъ плательщиковъ совершенно невозможно увеличивать заразъ и расходы на оборону страны, и расходы на соціальную политику. Въ какой бы бюджетъ великой державы мы ни заглянули, вездѣ мы найдемъ слѣды растущихъ финансовыхъ затрудненій этого рода. Въ Германіи необходимость поднять доходы имперскаго бюджета сразу на огромную цифру привела къ паденію канцлера (ф. Бюлова). Въ Англіи демократическая реформа бюджета вызвала кризисъ законодательныхъ учрежденій и поставила вопросъ о бытіи верхней палаты. Въ Италіи, во Франціи, въ Австро-Венгріи, теперь въ Турціи,—вездѣ ростъ вооруженій и расходовъ на нихъ сопровождался серьезными внутренними конфликтами и кризисами. И понятно, почему вопросъ о сокращеніи вооруженій теперь стоитъ передъ старымъ и новымъ свѣтомъ, не какъ вопросъ чувства, вопросъ религіи и морали, а какъ вопросъ правильно понятаго общаго интереса. Сообразно этому

должна измѣнить свой общій характеръ и проповѣдь пацифизма.

Передъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ вопросъ о вооруженномъ мирѣ и о сокращеніи вооруженій становится не съ меньшей настоятельностью. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ касается тѣхъ областей, которыя до сихъ поръ наименѣе интересовали общественную мысль. Такіе вопросы, какъ вопросъ о конституціи, о политическихъ свободахъ, о соціальныхъ отношеніяхъ и классовыхъ интересахъ можно считать окончательно вошедшими въ умственный обиходъ нашего образованнаго общества. Другое дѣло—тѣ три области государственной жизни, которыя, какъ въ узлѣ, сходятся въ этомъ вопросѣ о разоруженіи. Я разумѣю область бюджета и финансовъ, область внѣшней политики и область государственной обороны. Еще недавно, выборъ этихъ темъ для публичной лекціи могъ-бы представляться рискованнымъ, не только съ точки зрѣнія цензурной, но и просто вслѣдствіе равнодушія широкой публики къ этого рода вопросамъ. Въ настоящее время, мнѣ кажется, это положеніе дѣла должно измѣниться. И оно уже мѣняется. Съ того момента, когда русское общество призвано вліять на ходъ общественныхъ дѣлъ не только непосредственно черезъ правительство, но и черезъ избранныхъ имъ членовъ законодательныхъ палатъ, наступило время, когда общественная мысль обязана овладѣть цѣлымъ рядомъ темъ, до сихъ поръ бывшихъ для нея чуждыми. Какъ разъ эти области государственной дѣятельности, внѣшняя политика, обо-

рона, финансы особенно нуждаются въ общественномъ вниманіи и контролѣ. Иначе и впредь они будутъ обслуживаться немногими лицами и тѣсно замкнутыми кругами, привыкшими вести свои дѣла подъ покровомъ глубокой тайны. Въ результатѣ, важнѣйшіе интересы государства будутъ по-прежнему зависѣть отъ случайнаго усмотрѣнія и даже каприза отдѣльныхъ представителей вѣдомствъ,—представителей смѣняющихся и временныхъ. Только та страна можетъ вести постоянную, послѣдовательную политику, независимую отъ этихъ случайныхъ личныхъ усмотрѣній, въ которой національные интересы поняты и проникли въ сознаніе широкой массы. Только въ такой странѣ и правительство можетъ разсчитывать на поддержку общественнаго мнѣнія, основанную не на минутной смѣнѣ паники и воинственныхъ настроеній, вспыхивающихъ и гаснущихъ по мановенію закулисныхъ режиссеровъ, а на постоянномъ, ровномъ и неослабѣвающемъ интересѣ общества къ своимъ общественнымъ дѣламъ. Надо прибавить, что только при такой поддержкѣ общественнаго мнѣнія національная политика можетъ быть сильной и удачливой во всю ту мѣру, въ какую она явится устойчивой и будетъ основана на дѣйствительныхъ нуждахъ народа.

Вотъ почему мнѣ казалось особенно важнымъ—содѣйствовать подъему интереса въ широкихъ общественныхъ кругахъ къ тремъ областямъ государственной жизни, перечисленнымъ выше. Но этого мало. Нужно, чтобы общественный интересъ не только пробудился къ каждой отдѣльной изъ этихъ областей, къ финан-

самъ, къ оборонѣ, къ внѣшней политикѣ. Еще болѣе важно, чтобы сознана была неразрывная связь между всѣми тремя областями; чтобы понято было, что только на этой связи можно построить правильную систему національной политики. Порознь въ каждой области—общественный интересъ уже не разъ обнаруживался. Мы имѣли недавно сильную вспышку общественнаго интереса къ внѣшней политикѣ, въ годъ, когда совершилась аннексія славянскихъ земель Австріей. Бюджетная работа Г. Думы начинаетъ все болѣе привлекать вниманіе и къ этой области государственной жизни. Вопросы обороны, взятые подъ спеціальную опеку руководящей партіей третьей Г. Думы, теперь, послѣ неудачи опекуновъ, поневолѣ вызываютъ заботу въ средѣ другихъ общественныхъ группъ. Но одного пока не замѣчается—не только въ общественныхъ кругахъ, а даже и въ рядахъ самихъ отвѣтственныхъ вѣдомствъ. Не замѣчается сознанія тѣсной взаимной зависимости между финансами, обороной и внѣшней политикой. Мы недавно видѣли примѣръ—и онъ только-что повторился, когда наша внѣшняя политика забѣжала впередъ нашихъ мѣръ по государственной оборонѣ—и принуждена была съ большимъ ущербомъ для достоинства государства ретироваться на позиціи, совсѣмъ не заготовленныя заранѣе. У насъ есть въ послѣднее время планъ усиленія обороны, но онъ не стоитъ ни въ какой связи ни съ выясненіемъ тѣхъ финансовыхъ источниковъ, изъ которыхъ можетъ быть удовлетворенъ, ни съ точнымъ опредѣленіемъ порядка очередныхъ задачъ нашей внѣшней

политики. Вслѣдствіе этой несогласованности и размѣръ этого плана, его точныя очертанія пока теряются въ туманѣ. Наконецъ, у насъ есть рядъ проектовъ новыхъ налоговъ, но, въ противоположность германской реформѣ 1906 и 1909 гг., вовсе не установлена связь этихъ новыхъ рессурсовъ съ новыми государственными потребностями. Цѣлый длинный списокъ этихъ потребностей, списокъ, постоянно пополняемый, виситъ пока на воздухѣ въ ожиданіи, пока счастливый случай не подведетъ подъ нѣкоторыя изъ нихъ прочный финансовый фундаментъ. „Объединенному“ нашему правительству, очевидно, некогда заниматься объединеніемъ всѣхъ этихъ разрозненныхъ отраслей государственной жизни около одной національной задачи. Ибо подъ „національной политикой“ у насъ разумѣется политика возбужденія розни между національностями, населяющими россійское государство.

Нужно признаться, однако, что не только „объединенному“ правительству не хватаетъ единства государственной мысли. Не хватаетъ этого единства и въ самомъ нашемъ обществѣ. Само общество, въ цѣломъ, не представляетъ отчетливо и дружно ни своихъ національныхъ задачъ, ни тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ эти задачи могутъ быть осуществлены.

То, что я хочу предложить въ этой лекціи, разумѣется, не можетъ имѣть цѣлью — замѣнить недостающее и пополнить пробѣлъ. Сдѣлать то и другое можетъ лишь коллективная работа многихъ людей на протяженіи болѣе или менѣе продолжитель-

наго времени,— и притомъ при условіи постояннаго взаимодѣйствія общества и правительства. Все, чего я хотѣлъ бы достигнуть на этотъ разъ, это ввести въ обиходъ общества одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, знакомство съ которыми составляетъ необходимое предварительное условіе для плодотворной работы общественной мысли въ указанномъ направленіи. Русской дѣйствительности я буду очень мало касаться въ моемъ изложеніи, такъ какъ цѣль моя— набросать ту общую рамку, въ которой подобные вопросы ставятся и рѣшаются образованнымъ мнѣніемъ Европы. Безъ связи съ этой общей постановкой и чисто-русскіе вопросы разрѣшены быть не могутъ, Это соображеніе и даетъ мнѣ право предложить на этотъ разъ лишь нѣкоторыя общія „пролегомены“ къ рѣшенію русскихъ вопросовъ о войнѣ и мирѣ.

Вооруженный миръ.

II. Вооруженный миръ—особенность нашего времени.

Что такое „вооруженный миръ“? Понятіе это во всей своей полнотѣ, свойственно именно нашему времени. Оно тѣсно связано съ тѣмъ моментомъ, который мы теперь переживаемъ въ исторіи вооруженій. Если угодно, понятіе „вооруженнаго мира“ существовало и на противоположномъ полюсѣ, въ самомъ началѣ историческаго развитія народовъ. Но тамъ оно имѣло существенно другое содержаніе. Въ тѣ времена, когда исторія состояла, если не въ войнѣ „всѣхъ противъ всѣхъ“, то въ постоянной междуусобной борьбѣ племенъ и ордъ, то родственныхъ, то чуждыхъ другъ другу, „миръ“, по необходимости, былъ всегда „вооруженнымъ“, потому что между состояніемъ войны и мира не было большой разницы. Когда война была чуть не ежедневнымъ будничнымъ занятіемъ, то спеціально готовиться къ войнѣ было не нужно. Да и некому было заниматься этими спеціальными подготовленіями, потому что хозяйство государственное не успѣло еще обособиться въ ту

пору отъ хозяйства народнаго, стать надъ нимъ и выше его. Связь войны и экономіи была самой элементарной и примитивной. Она выражалась въ томъ, что „война кормила войну". Другими словами, средства на войну брались изъ самого процесса войны. Чего не хватало въ добычѣ, то приходилось покрывать непосредственно самому населенію изъ средствъ собственнаго народнаго хозяйства. Впрочемъ, война въ то время могла считаться даже выгоднымъ предпріятіемъ, ибо, не требуя дорогихъ приготовленій, сама служила источникомъ дохода. Такая война, правда, могла грозить непосредственной катастрофой не только народному хозяйству, но и существованію самого населенія. Но „государству" она ничего не стоила, ибо и самого государства, въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова, не существовало.

Положеніе измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ явились зачатки центральной государственной организаціи. Въ этомъ, тоже очень долгомъ періодѣ, война становится профессіей, ремесломъ и привилегіей спеціальнаго правящаго класса. Вновь складывающаяся государственная машина беретъ войну въ свои руки и даруетъ миръ подчиненному населенію. Такъ какъ въ этомъ раздѣленіи занятій заключался главный raison d'être примитивнаго государства, то все, чѣмъ населеніе жертвовало для поддержанія государственной машины, могло быть расматриваемо исключительно, какъ страховая премія, вносимая населеніемъ за сохраненіе мира. Но премія эта вносилась не въ видѣ податей. Центральная власть еще не

успѣла создать органы управленія, необходимые для того, чтобы регулярно выжимать изъ кармановъ населенія нужныя для нея средства. Народное хозяйство еще оставалось независимымъ отъ государственной машины. Возлагаемыя на него жертвы служили не столько для подготовки войны, сколько для ея веденія. Во время войны страна оплачивала все, что было можно, натуральными повинностями. Во время мира расходъ на подготовку войны покрывался такими же экстренными средствами, какъ экстренна была и самая потребность въ расходѣ. Сегодня правительство фальсифицировало деньги, замѣняя дорогія дешевыми; завтра оно продавало государственныя имущества. Только мало по малу и медленно появляются первые прямые налоги, обыкновенно непосредственно связанные съ войной. Связь войны съ финансами и съ устройствомъ управленія въ этотъ періодъ народной жизни ясна и прозрачна, доступна прямому наблюденію, такъ какъ каждая экстренная военная потребность вызываетъ и чрезвычайныя мѣры для ея удовлетворенія.

Насъ, однако, интересуютъ не эти двѣ первыя ступени въ развитіи вооруженнаго мира, а та третья ступень, которою характеризуется современное положеніе. На этой ступени государство уже лишается возможности непосредственно эксплуатировать для войны народъ и его хозяйство въ натурѣ. Натуральныя повинности замѣняются денежными. Вслѣдствіе этого война становится несравненно дороже прежняго. Въ противоположность времени, когда „война кормила

войну", приходится за все платить—не только своему собственному населенію, но, въ концѣ концовъ, даже населенію непріятельской страны, противъ которой ведутся военныя дѣйствія. Съ другой стороны, государство является уже во всеоружіи цѣлой сложной системы податей и налоговъ, и основаннаго на ней государственнаго кредита. По мѣрѣ того, какъ государство вырабатываетъ и совершенствуетъ тотъ прессъ, при помощи котораго доходы плательщика переходятъ въ карманъ казны, оно получаетъ возможность располагать все болѣе значительными матеріальными средствами. Въ этомъ положеніи война и подготовка къ ней принимаютъ новую форму. Война перестаетъ быть тѣмъ кустарнымъ предпріятіемъ, которымъ она была въ первомъ періодѣ народной жизни, и перестаетъ служить той непосредственной цѣли—самовозвеличенія власти—какой служила во второмъ періодѣ. Война является своего рода промышленнымъ, капиталистическимъ предпріятіемъ, веденіе котораго мотивируется насущными интересами націи.

Если въ первомъ періодѣ „война кормила войну", то теперь она начинаетъ кормить крупныя отрасли промышленности, которыя развиваются на счетъ войны при непосредственной поддержкѣ и покровительствѣ государственной власти. Первый толчекъ для выдѣленія этихъ отраслей военной промышленности въ особую спеціальность дается быстро растущей военной техникой. Техника эта требуетъ дорогихъ приспособленій, постоянно мѣняющихся по мѣрѣ появленія

новыхъ изобрѣтеній. Тратить средства на эти приспособленія можетъ только предприниматель, расчитывающій на постояннаго и щедраго закащика—казну. Такимъ образомъ, естественно создаются отношенія покровительства, рано или поздно ведущія къ монополіи крупныхъ предпріятій военной промышленности.

Владѣя всѣми секретами военной техники, привлекая къ изобрѣтенію лучшія, наиболѣе талантливыя силы страны, этого рода предпріятія неизбѣжно устраняютъ возможность конкурренціи, и покрываютъ свою дѣятельность атмосферой тайны. Такое выгодное положеніе прежде всего отражается на исключительной доходности этихъ предпріятій. Тогда какъ обыкновенныя отрасли производства, открытыя для свободной конкурренціи, довольствуются 20—30% прибыли,—тѣ предпріятія, которыя служатъ военной промышленности, не удовлетворяются даже и 100%; по разсчету одного нѣмецкаго изслѣдователя, они стремятся получать до 200—300% прибыли *).

Когда рѣчь идетъ о такомъ огромномъ барышѣ, то тутъ есть чѣмъ дѣлиться, есть изъ чего вознаграждать посредниковъ и привлечь нужныхъ людей. Около предпріятій военной промышленности создается такимъ образомъ та нездоровая атмосфера злоупотребленій, съ которой трудно сладить какими бы то ни было ревизіями.

Но зло идетъ далѣе. Промышленность, вскормлен-

*) См. Ludwig Quellmann, Kriegsgeist, Dresden, 1909, I, 35, 121—134; III, 80.

36125
Центральная Военно-Морская Библиотека РКВМФ СССР

ная войной, начинаетъ въ свою очередь толкать на войну и на постоянное увеличеніе военныхъ приготовленій. Пріостановить или хотя бы сократить расходы—значило бы подвергнуть кризису цѣлую отрасль промышленности, выбросить на улицу цѣлую армію рабочихъ. Государство принуждено поддерживать эту промышленность все новыми и новыми заказами уже для одного того, чтобы сохранить въ странѣ тѣ средства, которыя способны удовлетворять ея потребность въ самообороне.

Такимъ образомъ, высоко развитая военная индустрія сама становится пружиной, автоматически дѣйствующей въ сторону войны. Пугать войной, рисовать перспективы грядущихъ военныхъ столкновеній становится профессіей обширнаго и вліятельнаго класса людей. Промышленники заинтересованы въ войнѣ и военныхъ осложненіяхъ, потому что это даетъ имъ возможность сбыть залежавшіеся товары, вышедшія изъ моды военныя орудія и получить новые заказы. Только на этихъ дняхъ, на примѣрѣ марокскаго инцидента, вы могли видѣть, какъ заинтересованная печать стремится раздуть международное столкновеніе въ интересахъ королей металлургической промышленности. Но не одни Шнейдеры, Круппы и Армстронги являются инспираторами воинственныхъ настроеній. Часто и правительство заинтересовано въ томъ же. Только что затративъ огромныя суммы на вооруженія, чувствуя себя въ данную минуту сильнѣе противника и рискуя потерять это преимущество при дальнѣйшемъ ходѣ вооруженій, правительство можетъ стремиться

искусственно вызвать столкновеніе, чтобы предупредить слабѣйшаго соперника. Этого рода побужденія приписывались французскому правительству въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка. Теперь въ томъ же подозрѣваютъ Англію. Наконецъ, и общественное мнѣніе можетъ добровольно и сознательно броситься въ столкновеніе, только для того, чтобы наконецъ прекратить непрерывный ростъ расходовъ на поддержаніе вооруженнаго мира. Плательщикъ ожидаетъ себѣ отъ побѣдоносной войны — сокращенія налоговъ. Обыкновенно эти надежды кончаются разочарованіемъ, ибо объявленіе войны сопровождается новыми „временными“ налогами, которыя затѣмъ, по окончаніи войны, неизмѣнно становятся постоянными.

III. Вооруженія и бюджеты Англіи и Германіи.

Остановимся на нѣсколькихъ примѣрахъ и цифровыхъ данныхъ, которыя нагляднѣе и лучше всего покажутъ, до какихъ ужасающихъ послѣдствій доводитъ ничѣмъ не ограниченное соревнованіе націй въ области вооруженій. Мы выберемъ для примѣра тѣ двѣ націи, между которыми происходитъ въ настоящее время главная борьба за всемірное преобладаніе. Я разумѣю Англію и Германію.

Въ 1863 г. появился извѣстный памфлетъ Кобдена; „Три паники". Рѣчь шла о трехъ моментахъ (1847—48, 1851, 1859—60), когда въ общественномъ мнѣніи Англіи намѣренно распространялись слухи о воинственныхъ замыслахъ и вооруженіяхъ Франціи,—большей частью преувеличенныхъ или мнимыхъ. Подъ вліяніемъ этихъ толковъ алармистамъ удавалось вырывать у законодательныхъ палатъ новыя и новыя ассигновки на увеличеніе вооруженій. Очень рано, однако, мы встрѣчаемся съ протестами противъ этого роста военныхъ расходовъ. Уже въ 1841 г. сэръ Робертъ Пиль ставилъ передъ палатой общинъ вопросъ: „не наступило-ли время для военныхъ державъ Европы сократить свои вооруженія? Не пора ли заявить, что въ подоб-

ныхъ гипертрофированныхъ учрежденіяхъ нѣтъ никакой нужды? Въ самомъ дѣлѣ, какая польза въ томъ, если одна какая-нибудь нація значительно усилитъ свою армію и флотъ? Развѣ не ясно, что другія державы послѣдуютъ ея примѣру? Въ результатѣ, ни одна держава не получитъ никакого увеличенія своей относительной силы. А доходы всѣхъ странъ будутъ истрачены на военныя приготовленія. Вѣдь эти приготовленія лишаютъ миръ половины его выгодъ и вынуждаютъ заранѣе тратить усилія, которыя могутъ понадобиться для войны... Истинный интересъ Европы заключался бы въ томъ, чтобы придти къ какому-нибудь общему соглашенію, которое дало бы возможность каждому государству сократить тѣ изъ военныхъ вооруженій, которыя скорѣе свойственны военному, чѣмъ мирному положенію. Я искренно желаю, чтобы учрежденія каждой страны (а если не учрежденія, то общественное мнѣніе) взялись за распространеніе подобнаго взгляда". Въ 1850 г. Роб. Пиль еще разъ убѣждалъ въ томъ же палату общинъ. „Никакихъ доходовъ не хватитъ, если въ мирное время вы захотите имѣть въ полномъ составѣ всѣ гарнизоны всѣхъ вашихъ колоніальныхъ владѣній и держать въ полной исправности всѣ ваши укрѣпленія во всѣхъ частяхъ свѣта. Если вы послушаетесь мнѣній военныхъ спеціалистовъ, которые, естественно, заботятся о полной безопасности всѣхъ слабыхъ пунктовъ, желая свалить на васъ всю отвѣтственность за потерю какихъ-нибудь цѣнныхъ владѣній въ случаѣ неожиданнаго объявленія войны, то вы въ мирное время раздавите страну подъ

тяжестью налоговъ... Вмѣсто расточительныхъ тратъ на средства обороны, лучше было бы ввѣриться скрытой энергіи націи, въ разсчетѣ, что правое дѣло объединитъ великій и славный народъ около національнаго знамени"... И Р. Пиль возвращался къ своей идеѣ—соглашенію націй. „Нельзя было бы оказать большей услуги человѣчеству, какъ если бы великія державы согласились сохранить свои взаимныя отношенія другъ къ другу, причемъ каждая свела бы свою армію къ тому размѣру, содержаніе котораго не истощало бы ея силы и не подкапывало бы основъ ея благосостоянія. Когда наступитъ время суровой борьбы, то финансовое испытаніе будетъ не менѣе трудно, чѣмъ физическое. Если бы правительства Россіи, Пруссіи, Франціи и Австріи обнаружили столько здраваго смысла, чтобы, не нарушая равновѣсія своихъ сравнительныхъ силъ, пожертвовать частью огромнаго расхода, необходимаго для поддержанія огромныхъ армій, то они не ослабили бы своей національной безопасности, но чрезвычайно содѣйствовали бы благосостоянію своихъ народовъ". Когда, въ 1861 году, успѣхи морской техники покончили съ старыми деревянными кораблями, и Франція, а за ней Англія перешли къ постройкѣ первыхъ броненосцевъ, то Кобденъ предложилъ правительству воспользоваться этимъ переворотомъ въ судостроеніи, чтобы войти въ соглашеніе съ Франціей о ликвидаціи старыхъ судовъ. На каждые 7 судовъ, вычеркнутыхъ Франціей изъ списковъ, Англія вычеркивала бы, пропорціонально силѣ своего флота, 13-ть. Кобденъ вообще предлагалъ отказаться отъ ста-

рой системы—основывать конкурренцію на секретахъ и тайнѣ—неудачный методъ, отъ котораго давно уже отказались частные предприниматели. Своевременный обмѣнъ свѣдѣній и обѣщаній между государствами могъ бы свести къ рамкамъ техническихъ испытаній то, что теперь разростается въ страшныя военныя приготовленія".

Всѣ эти мысли и совѣты, какъ увидимъ, возрождаются въ наше время и начинаютъ оказывать свое дѣйствіе. Но нельзя сказать, чтобы и въ то время агитація Кобдена противъ алармистовъ осталась совсѣмъ безплодной. Напротивъ, какъ разъ годъ появленія его памфлета, 1863, является началомъ единственнаго въ исторіи Англіи двадцатилѣтія, когда ростъ военныхъ расходовъ пріостанавливается и военный бюджетъ даже уменьшается. Это двадцатилѣтіе связано съ дѣятельностью Гладстона. Не останавливаясь на реформахъ Кардвелля въ арміи и Чайльдерса во флотѣ, скажу только, что за все это двадцатилѣтіе, 1863—1884 гг., удалось удержать расходъ на флотъ, въ среднемъ, на высотѣ 100 милліоновъ рублей ежегодно, а расходъ на армію на высотѣ 140—160 милліоновъ рублей. Въ результатѣ явилась возможность понизить налоги и поднять благосостояніе широкихъ круговъ населенія. Число тарифныхъ ставокъ на предметы ввоза и вывоза было уменьшено съ 419 до 48. Въ числѣ товаровъ, освобожденныхъ отъ таможеннаго обложенія, были такіе предметы общаго потребленія, какъ масло, сыръ, яйца, сало. Позднѣе отмѣненъ налогъ на бумагу, на древесные матеріалы, на сахаръ, на хлѣбъ. Подо-

ходный налогъ, повышенный временно до 10 пенсовъ съ фунта стерлинговъ, пониженъ до 3 пенсовъ, а пошлина на чай уменьшена съ 15 пенсовъ до 4-хъ. О благодѣтельныхъ экономическихъ послѣдствіяхъ всѣхъ этихъ финансовыхъ мѣръ Кобденовскій клубъ, переиздавшій памфлетъ Кобдена *), свидѣтельствуетъ слѣдующее:

„Потребленіе хлѣба, мяса, сахара, масла, яицъ, чая и т. д. на каждую душу населенія—чрезвычайно возросло. Сбереженія поступали въ усиленномъ количествѣ въ сберегательныя кассы. Пауперизмъ и преступленія противъ собственности постепенно уменьшались какъ абсолютно, такъ еще въ большей степени пропорціонально количеству населенія. Торговля развилась и заработная плата поднялась съ безпримѣрной быстротой. Доходы казны, не смотря на уменьшеніе налоговъ, росли скачками. Кредитъ такъ сильно улучшился, что найдено было возможнымъ значительно понизить процентъ платежей за государственный долгъ. Значительная часть долга была погашена изъ свободныхъ остатковъ. Большія субсидіи были выданы изъ государственнаго казначейства въ помощь мѣстному самоуправленію. Разумѣется, ничего этого нельзя было бы ожидать, если бы военные и морскіе расходы возростали такъ, какъ они росли въ послѣдніе 5 лѣтъ (т. е. съ 1900 года)“.

Дѣйствительно, уже начиная съ 1884 года картина

*) The Burden of Armaments, a plea for retrenchment, by the Cobden club, L. Fisher Unwin, 1905.

мѣняется. Мы снова присутствуемъ при періодическомъ возвращеніи военной паники и соотвѣтственномъ ростѣ военныхъ вооруженій и расходовъ. Главнымъ пугаломъ въ первое время остается Франція. И только съ 1905 г. глаза англійскаго общественнаго мнѣнія открываются на новую, неожиданную опасность: ростъ германскаго флота.

Какъ повліяла эта перемѣна настроенія на ростъ военныхъ расходовъ, видно будетъ изъ сопоставленія слѣдующихъ цифръ (въ тысячахъ фунтовъ стерлинговъ).

	Армія.	Флотъ.	Всего.
1884—5	16.980	11.049	27.979
1894—5	19.256	18.070	37.326
1899—1900	22.155	27.742	49.897
1910—11	27.760	40.604	68.364

Какъ видимъ, военный и морской бюджетъ Англіи неудержимо и быстро растетъ сравнительно съ тѣми цифрами, которыя въ 1841 г. Роб. Пиль считалъ уже невыносимыми и которыя въ 1863—84 г.г. Гладстону удалось задержать втеченіе 20 лѣтъ на старомъ уровнѣ. Гладстонъ прожилъ еще достаточно времени, чтобы видѣть начало новаго безумнаго роста, который онъ рѣзко осуждалъ, рѣшительно разойдясь по этому вопросу съ товарищами по своему послѣднему кабинету *).

Естественно, что и финансовые, и экономическіе результаты усиленнаго роста вооруженій во всемъ оказались противоположны результатамъ сбереженій

*) Morley, Life of Gladstone, II, 53.

эпохи Гладстона. Уже въ 1905 году Кобденовскій клубъ свидѣтельствовалъ объ этомъ. Налоги увеличились, а съ тѣмъ вмѣстѣ ослабѣла финансовая готовность страны на случай войны. „Съ подоходнымъ налогомъ въ размѣрѣ 1 шиллинга съ фунта, съ чайной пошлиной въ размѣрѣ 8 пенсовъ съ фунта, съ тяжелымъ акцизомъ на сахаръ, табакъ, алкоголь и пиво, доведенный уже до той точки, за которой дальнѣйшіе прибавки не могутъ принести никакого добавочнаго дохода, мы серьезно подорвали то, что всегда считалось нашей главной силой: нашу финансовую способность выдержать напряженіе долгой войны, усилить обложеніе и сдѣлать значительные займы въ дополненіе къ налогамъ". Вмѣсто погашенія старыхъ долговъ были сдѣланы новые. Положеніе рабочаго класса ухудшилось, что доказывается увеличеніемъ числа лицъ, получающихъ помощь въ качествѣ бѣдныхъ, усиленіемъ бродяжничества, ростомъ преступленій противъ собственности, уменьшеніемъ потребленія пива, спиртныхъ напитковъ, табака и чая, пріостановкой роста сбереженій, уменьшеніемъ вкладовъ капитала въ промышленность, усиленіемъ безработицы. Какъ извѣстно, въ послѣдніе годы понадобилось, наконецъ, для изысканія дальнѣйшихъ средствъ на усиленіе вооруженій, прибѣгнуть къ новымъ источникамъ обложенія съ высшихъ классовъ, къ налогамъ, падающимъ на землю, на переходъ имуществъ по наслѣдству и т. д. Это — тотъ знаменитый бюджетъ Ллойдъ-Джорджа, который только что привелъ къ кризису парламентскихъ учрежденій Англіи.

Германія, по причинамъ, къ которымъ вернемся позднѣе, сравнительно недавно вступила на путь состязанія съ Англіей въ области міровой политики. Тѣмъ не менѣе, въ короткое время, и ея вооруженія увеличились въ такой пропорціи, которая давно перегнала естественный ростъ имперскаго бюджета. Выраженіе Мирабо, что „война есть національная промышленность Пруссіи", пріобрѣло особый смыслъ въ наше время. Тогда какъ въ 1872—75 г.г. средній расходъ на германскую армію составлялъ 324 милліона марокъ, въ 1906 г. онъ поднялся до 752 милл., въ 1908—до 855 милл. Флотъ стоилъ Германіи въ 1872—75 г. ничтожную сравнительно сумму 36 милл. марокъ. Въ 1910 г. этотъ расходъ предполагался въ цифрѣ 443 милл., т. е. въ 12 разъ большей *). Въ противоположность англійскимъ публицистамъ, германскіе публицисты часто стараются доказать, что этотъ чрезвычайный ростъ расходовъ на военныя вооруженія вполнѣ окупился промышленнымъ развитіемъ Германіи. Указываютъ на то, что морская торговля Германіи за десять лѣтъ 1897—1907 поднялась съ 6,6 милліардовъ марокъ до 11,2 милліардовъ, что общій оборотъ внѣшней торговли увеличился въ десять лѣтъ на 60%, тогда когда англійская внѣшняя торговля въ тѣ же годы поднялась лишь на 38%, а французская на 41%; что перевозная способность торговаго флота усилилась за десять лѣтъ

---

*) Цифры даны по разсчетамъ банкира Генр. Ганса см. его рѣчь: Les finances de l'empire allemand, въ сборникѣ: La politique budgétaire en Europe, les tendances actuelles, Alcan, 1910.

(1900—1909) на 87%, тогда какъ англійскаго флота только на 32% *). Мы еще вернемся къ вопросу, какъ повліялъ этотъ быстрый ростъ германской производительности на субъективное настроеніе, поддерживающее въ націи готовность къ вооруженіямъ. Но чтобы усиленіе производительныхъ силъ Германіи стояло въ прямой связи и зависимости отъ усиленія ея вооруженій, этого, конечно, доказать невозможно. Напротивъ, та излишняя тяжесть, которая легла на населеніе, вслѣдствіе необходимости дѣлать займы и увеличивать налоги на покрытіе новыхъ военныхъ потребностей всѣмъ ясна, въ особенности со времени финансовыхъ реформъ 1906 и 1909 года. Въ прежнее время, правда, германскіе изслѣдователи (напр. Адольфъ Вагнеръ, Рено **) утѣшали себя тѣмъ, что абсолютныя цифры германскихъ расходовъ на душу населенія сравнительно ниже, и государственная задолженность сравнительно меньше, чѣмъ у другихъ военныхъ державъ Европы. Но, не говоря уже о томъ, что, какъ намъ хорошо извѣстно по собственному примѣру, низкія цифры по-

---

*) См. Nauticus, Jahrbuch für Deutschlands Seeinteressen, Zwölfter Jahrgang, 1910, ретроспективная статья: Zehn Jahre Flottengesetz.

**) A. Wagner, Die Flottenverstärkung und unsere Finanzen (въ Handels-und Machtpolitik, II). Dr. Ioseph Ritter v. Renauld. Edler v. Kellenbach, Lpz. 1901. Die finanzielle Mobilmachung der deutschen Wehrkraft, Leipz, 1901. Послѣдній указалъ впрочемъ, что сравнительно невысокая абсолютно цифра расхода на душу можетъ въ одной странѣ быть гораздо тяжеле, чѣмъ высокая цифра въ другой. Стр. 22, A. I.

датной тягости иной разъ могутъ обозначать гораздо большее отягощеніе народа,—даже и абсолютныя цифры быстро прогрессируютъ въ Германіи. Въ 1878 г. всѣхъ государственныхъ доходовъ приходилось тамъ по 32 марки на душу населенія, тогда какъ англичане платили 47, а французы даже 57 марокъ. А въ 1906 г. германская казна получала уже по 118 марокъ на душу, т. е. почти вчетверо, тогда какъ доходы Франціи поднялись только до 75 марокъ (меньше, чѣмъ на одну треть) и доходы Англіи до 98 марокъ (вдвое). Правда, благодаря численности населенія и его быстрому приросту, собственно военный и морской расходъ падаетъ на душу германскаго населенія все еще въ меньшей цифрѣ (въ 1906 г. 17 марокъ, тогда какъ во Франціи 21, въ Англіи даже 31 марка на душу *). Но эти цифры все же растутъ, и ростъ ихъ тѣмъ ощутительнѣе и нагляднѣе, что разсчитываться за него приходится изъ общеимперской казны. Ни тѣхъ косвенныхъ налоговъ, которые были предоставлены имперской казнѣ при учрежденіи имперіи, ни дополнительныхъ взносовъ отдѣльныхъ государствъ не хватало съ самаго начала. Любимымъ средствомъ германскихъ канцлеровъ сдѣлалось—покрывать дефициты займами. Но это средство не было ни безгранично, ни безопасно. Въ 1878 г. германскій государственный долгъ составлялъ 72 милліона марокъ. Теперь онъ доходитъ почти до 5 милліардовъ. Государственныя имущества, служащія обезпеченіемъ этого долга, по самымъ оптимистическимъ

*) Zahn, Die Finanzen der Grossmächte, Berlin, 1908.

разсчетамъ, стоятъ лишь половину этой суммы, $2^1/_2$ милліарда. Въ результатѣ кредитъ Германіи стоитъ ниже французскаго и англійскаго кредита. Трехпроцентная рента котируется на 15 единицъ дешевле французскихъ трехпроцентныхъ бумагъ, и только на 1—2 единицы выше двухъ-съ-половиной процентныхъ англійскихъ *). Приходилось покончить съ системой покрытія дефицитовъ займами и найти въ карманахъ плательщовъ новые полмилліона ежегоднаго дохода для имперской казны. Фонъ-Зидовъ попытался ввести налогъ на наслѣдства,—какъ Лойдъ Джорджъ — налогъ на землю. Аграріи и крестьяне обѣихъ странъ встрѣтили обложеніе недвижимости одинаково недружелюбно. Пусть лорды строютъ броненосцы на свои деньги, если броненосцы имъ нужны, говорила англійская сельская демократія. Пусть промышленники, купцы и банкиры оплачиваютъ расходы на флотъ, вызванные, какъ они говорятъ, расцвѣтомъ германской производительности: намъ, земледѣльцамъ, отъ этого очень мало пользы, жалуются германскіе крестьяне. Какъ извѣстно, недовольство обѣими финансовыми реформами создало въ той и другой странѣ большія затрудненія правительству. Обѣ реформы были проведены съ большими урѣзками, и нельзя сказать, чтобы новыхъ средствъ, ими доставленныхъ, могло хватить на всѣ нужды. Напротивъ, уже при самомъ введеніи реформъ германскій статсъ-секретарь финансоваго вѣдомства предупредилъ,

---

*) La Politique budgétaire en Europe, статьи Ганса и Блонделя.

что до 1913 г. понадобится новыхъ займовъ не менѣе чѣмъ на милліардъ марокъ.

Не будемъ останавливаться на финансахъ другихъ странъ, точно также переживающихъ затрудненія вслѣдствіе роста расходовъ на военныя и морскія вооруженія. Достаточно будетъ показать, какъ въ результатѣ этого роста увеличилась стоимость вооруженій во всей Европѣ. Въ 1870 году вооруженія стоили европейскимъ державамъ 2,3 милліарда марокъ, цифра, которая казалась тогда огромной. Но къ 1883 г. она поднялась до 3 милліардовъ. Въ 1893 г. вооруженія Европы обходились уже въ 3,7 милліарда, а въ 1903 г. они достигли 6 милліардовъ. Въ настоящее время они составляютъ почтенную цифру около 9—10 милліардовъ марокъ. Надо прибавить, что здѣсь включены лишь непосредственные расходы на вооруженія, показанные въ военныхъ бюджетахъ Но очень значительная часть расходовъ связана съ военными приготовленіями лишь косвенно, и показывается по другимъ статьямъ бюджета или даже вовсе не можетъ учтена въ предѣлахъ бюджета. Если прибавить всѣ такія косвенные и не поддающіеся точному учету расходы, то общая стоимость вооруженій должна составить цифру въ 2—3 раза больше: 19—30 милліардовъ марокъ ежегодно *). Чтобы еще нагляднѣе показать, во что обходится каждому европейскому обывателю „страховая премія“ за воору-

*) Alfr. Fried, Die moderne Friedensbewegung, Lpz, 1907 (Aus Natur-und Geisterwelt), стр. 44—5. Его же: Handbuch der Friedensbewegung, 2 Aufl. Lpz. 1911, I Theil, p. 55.

женный міръ, приведу разсчетъ двухъ нѣмецкихъ изслѣдователей, Пфейфера и Рено *). Въ среднемъ, каждому европейцу „премія“ эта ежегодно обходится въ 22 марки. Содержаніе одного солдата падаетъ, въ среднемъ, на 25 обывателей, т. е. въ годъ это содержаніе оплачивается $22 \times 25 = 550$ марокъ. Между тѣмъ, судя по послѣднимъ войнамъ, содержаніе солдата въ военное время стоитъ въ день около 6 марокъ. Такимъ образомъ на тѣ деньги, которыхъ стоитъ поддержаніе арміи въ мирное время, можно содержать солдата во время кампаніи втеченіе $550 : 6 = 92$ дня. Другими словами, мы получаемъ поразительный выводъ, что на уплачиваемую Европой страховую премію за сохраненіе мира можно вести каждый годъ хорошенькую войну втеченіе трехъ мѣсяцевъ или цѣлой четверти года. Если и дольше „премія“ будетъ увеличиваться такъ же, какъ увеличивалась до сихъ поръ, то легко представить себѣ наступленіе времени, когда „вооруженный миръ“ будетъ стоить немногимъ менѣе или столько же, во сколько обходится настоящая война.

*) Pfeiffer, o. c. I, стр. 139—141 и Renauld, c. c., стр. 55 и слѣд.

IV. „Эра дреднотовъ“. Послѣдній моментъ состязанія.

На самомъ дѣлѣ, и въ нашемъ двадцатомъ вѣкѣ расходъ на вооруженія не только не уменьшается и не останавливается въ своемъ развитіи, но, напротивъ, растетъ въ такихъ размѣрахъ, какъ этого никогда не было раньше.

Прежде новыя капитальныя затраты на вооруженія обыкновенно производились по мѣрѣ того, какъ военныя столкновенія обнаруживали недостатки тѣхъ или другихъ способовъ вооруженія или защиты. Нужны были опыты войны, чтобы что-нибудь существенно измѣнить въ состояніи вооруженій. Въ настоящее время, вооруженія испытываются не во время войны, а во время мира. Это объясняется тѣмъ же, о чемъ говорилось выше—спеціализаціей военной промышленности, которая, пользуясь высокими доходами, привлекаетъ къ себѣ лучшія силы изобрѣтателей.

Военныя изобрѣтенія создаются, примѣняются, становятся устарѣлыми, выходятъ изъ моды, и замѣняются все новыми и новыми изобрѣтеніями, раньше

чѣмъ какой нибудь военный опытъ дастъ возможность примѣнить ихъ на дѣлѣ. Тѣ фирмы, которыя занимаются производствомъ предметовъ, необходимыхъ для войны, одновременно работаютъ, какъ надъ новыми средствами обороны, такъ и надъ новыми средствами нападенія. Съ одной стороны напр., постоянно улучшается качество брони военныхъ судовъ: изобрѣтаются и замѣняютъ другъ друга новые составы стали, литой, компаундъ, гомогенной, гарвеизированной никкелевой, никкелехромистой. Съ другой стороны, точно также совершенствуются, тѣми же фирмами, и средства нападенія: увеличиваются калибры и длина пушекъ, усиливается начальная скорость движенія снарядовъ, значительно поднимается при этомъ вѣсъ и стоимость ихъ, ускоряется вмѣстѣ съ тѣмъ и изнашиваніе орудій, измѣняется размѣщеніе орудій на кораблѣ, увеличивается сила, дальность и мѣткость огня. Въ свою очередь усовершенствованные способы нападенія вызываютъ рядъ новыхъ приспособленій для защиты судовъ. Усиливается бронировка—или увеличивается быстрота хода, дающая возможность командовать разстояніемъ, принимаютъ мѣры противъ подводныхъ ударовъ, самый корпусъ корабля устраивается такъ, чтобы наименѣе страдать отъ послѣдствій артиллерійскаго огня и наиболѣе противиться потопленію и крену. Въ результатѣ, быстро мѣняются условія и типъ судостроенія, и корпусъ броненосца обходится все дороже и дороже.

По разсчету Пфейффера, въ 1905 году броненосецъ стоилъ Германіи 30 мил. марокъ, въ 1907 году—

40 мил., въ 1908—(старые дредноты) 50 мил., въ 1909—(новые англійскіе дредноты) 60 мил., *).

Благодаря только-что охарактеризованному развитію техники, мы вступаемъ въ новую эру соревнованія державъ—преимущественно въ дѣлѣ морскихъ сооруженій: такъ наз. „эру дреднотовъ". Я остановлюсь нѣсколько на той поразительной картинѣ, въ которую развертывается эта новая стадія вооруженнаго соперничества націй. Вы увидете, что никогда еще, въ теченіе всей исторіи человѣчества, не было примѣра такого напряженія „мирной" борьбы, какъ то, при которомъ мы присутствуемъ въ теченіе послѣдняго, не вполнѣ еще закончившагося десятилѣтія со времени нашей послѣдней войны.

Что такое „дредноты", имя которыхъ послужило символомъ этого новѣйшаго соперничества? Dreadnought, „безстрашный", есть названіе перваго броненосца, давшаго свое имя всему новому типу. Дредноты—это суда съ самымъ большимъ водоизмѣщеніемъ и съ самой тяжелой артиллеріей. Цѣль ихъ—держать противника на извѣстной дистанціи итакимъ образомъ командовать разстояніями во время боя. Изъ опыта морской войны въ послѣднее время былъ сдѣланъ выводъ,—что побѣдителемъ оказывается тотъ, кто является хозяиномъ этихъ разстояній. Первоначальные англій-

*) Pfeiffer, III, 29 По другимъ свѣдѣніямъ впрочемъ, цѣны англійскихъ дреднотовъ нѣсколько понизились за послѣдніе годы: Dreadnought — 1.736.000 фунтовъ, Superb — 1.637.000 фунтовъ Vanguard—1.605.000 фунтовъ. См. Chiozza-Money, въ Westminster Gazette, March 6, 1911.

скіе дредноты и являются такими гигантскими лафетами для установки гигантскихъ орудій, которые грозятъ потопить судно противника съ небывалыхъ до сихъ поръ разстояній.

Первые чертежи „дреднотовъ“ появились въ 1904 г., когда не былъ еще извѣстенъ и принятъ во вниманіе опытъ нашей войны съ Японіей. Въ результатѣ этого опыта оказалось, что потопить судно съ большой дистанціи не есть единственный способъ побѣды надъ непріятелемъ. Японія побѣдила той дезорганизаціей, тѣмъ физическимъ и нравственнымъ состояніемъ разрушенія, въ которыя она привела наши экипажи. А для этого нужна не самая тяжелая, а средняя артиллерія. Это измѣненіе цѣли, вмѣстѣ съ другими техническими усовершенствованіями, быстро отодвинуло на второй планъ первоначальный дреднотъ. Понадобились „сверхдредноты“. А въ самое послѣднее время быстро развивается еще болѣе новый типъ: гигантскіе крейсера, съ такимъ же и даже большимъ водоизмѣщеніемъ, чѣмъ дредноты, съ такой же артиллеріей, но съ меньшей тяжестью брони и за то съ гораздо большей быстротой передвиженія. Словомъ, даже и съ появленіемъ „дреднота“ вовсе не кончилась исторія развитія типа современнаго броненосца. Тѣмъ не менѣе, появленіе „дреднотовъ“ уже успѣло произвести глубокій переворотъ во всѣхъ флотахъ міра и рѣзко измѣнило ихъ прежнія взаимоотношенія.

Вводя новый типъ судовъ, Англія разсчитывала сразу пріобрѣсти—или, точнѣе, закрѣпить перевѣсъ надъ всѣми другими флотами. Но въ настоящее время,

при космополитизмѣ капитала и изобрѣтеній, технические секреты, даже и военные, не долго удерживаются въ тайнѣ. Раньше, чѣмъ первые дредноты были построены въ Англіи, тайна стала извѣстна и вызвала подражанія.

Но этимъ не ограничились послѣдствія постройки „дреднотовъ". Гораздо важнѣе и опаснѣе для Англіи оказалось то, что съ появленіемъ „дреднотовъ" не только флоты всего міра сразу устарѣли. Устарѣлъ вмѣстѣ съ ними и самъ англійскій флотъ.

До введенія „дреднотовъ" англичане обладали неотъемлемымъ преимуществомъ. Оно заключалось въ томъ, что у нихъ былъ старый флотъ, который по численности и по подготовленности персонала стоялъ на недосягаемой высотѣ. Теперь же, когда, съ момента введенія новыхъ броненосцевъ, на всемъ прошломъ былъ поставленъ крестъ, когда старый флотъ отслужилъ свой вѣкъ и превратился въ старую рухлядь, теперь оказалось, что соревнованіе съ Англіей уже возможно. Теперь всѣ флоты, все равно, должны были начинать съ начала.

Моментъ былъ благопріятный для того, чтобы вступить въ соперничество. Правда, были такія державы, которыя на первыхъ порахъ не нашли нужнымъ гнаться за дорогими броненосцами и находили, что они могутъ ограничиться преимущественно оборонительнымъ флотомъ вмѣсто наступательнаго. Такое положеніе заняла было Франція.

Всѣ средства, которыя теперь рекомендуются у насъ противниками линейнаго флота, были испытаны

Франціей—и крейсера, и подводныя лодки, и миноносныя флотиліи... все, что потомъ получило живописное названіе „морской пыли". Но всѣ отдѣльные эксперименты привели лишь къ тому, что французскій флотъ потерялъ темпъ. Теперь и во Франціи рѣшились, наконецъ, строить первоклассные линейные корабли новаго типа. Но вмѣсто Франціи, до тѣхъ поръ служившей главнымъ пугаломъ для англійскаго общественнаго мнѣнія, въ этотъ моментъ появляется неожиданно на сцену новый могущественный соперникъ Англіи—Германія.

Начатки германскаго флота очень недавняго происхожденія: это—90-ые годы. Въ Англіи не замѣтили первыхъ шаговъ развитія Германскаго флота. Опасность съ германской стороны выяснилась уже тогда, когда приступили къ постройкѣ „дреднотовъ". Но зато съ этого времени мы присутствуемъ при совершенно планомѣрномъ состязаніи въ области судостроенія между Англіей и Германіей.

Прежде всего, какъ только Германія замѣтила, что Англія выпускаетъ свои огромныя суда, она ускорила выпускъ броненосцевъ, ранѣе заказанныхъ. Затѣмъ она изучила новый типъ англійскихъ „дреднотовъ", и немедленно ввела въ немъ улучшенія. „Дреднотъ", первый броненосецъ этого названія, долженъ былъ имѣть 17.900 тоннъ водоизмѣщенія (а имѣетъ 18.190) и былъ вооруженъ исключительно тяжелой артиллеріей, десятью орудіями въ 305 миллиметровъ. Германскій типъ Нассау долженъ былъ имѣть водоизмѣщеніе 18.200 тоннъ; кромѣ 12 большихъ пушекъ

въ 280 миллиметровъ, почти равныхъ англійскимъ 305 миллиметрамъ, онъ имѣлъ еще среднюю артиллерію въ достаточномъ количествѣ: 12 пушекъ въ 150 миллиметровъ и 6 въ 88 m. m. Англія не осталась позади. Въ 1907 г., одновременно съ германскимъ типомъ Нассау, она начала строить свои первые „сверхъ-дредноты“: Беллерофонъ, Témeraire, Superb, водоизмѣщеніемъ въ 18.600 (теперь 18.900). За ними въ 1908 году послѣдовали уже другіе „сверхъ-дредноты“, С. Винцентъ, Коллингвудъ и Vanguard, въ 19.250 тоннъ, (въ дѣиствительности, гораздо болѣе). Сверхъ тяжелыхъ орудій въ 305 милл. тѣ и другіе получили и среднюю артиллерію: 16 и 20 пушекъ въ 102 м.м. Наконецъ, третья серья, начатая въ 1909 году, Нептунъ, Геркулесъ и Колоссъ должны были имѣть уже 20.000 тоннъ.

На этотъ рядъ усилій Германія отвѣтила (1908—9) десятью броненосцами типа Гельголандъ, водоизмѣстимостью въ 22.000 тоннъ, и съ болѣе тяжелой артиллеріей: вмѣсто прежнихъ 280 м.м. въ 300 миллиметровъ (при 14 орудіяхъ въ 150 м.м. и 20 въ 103 м.м.— вмѣсто прежнихъ 88). Англія отвѣтила (1910 и сл.) четырьмя броненосцами (Оріонъ, Громовержецъ, Монархъ и Завоеватель) въ 22.500 т. (въ дѣйствительности, больше), увеличивъ вмѣстѣ съ тѣмъ размѣръ пушекъ до чудовищной величины 343 м.м. (вмѣсто 305). Германія отвѣчаетъ на это постройкой судовъ, которыя, какъ Ersatz Odin, будутъ, повидимому, имѣть 27.000 тоннъ. Что и на этомъ ростъ военныхъ судовъ не остановится, видно изъ того, что уже теперь

для Бразиліи строится броненосецъ (Ріо-де-Жанейро) въ 32.000 тоннъ водоизмѣщенія. Для Англіи уже указываютъ размѣръ броненосцевъ 1911 года въ 30.000 тоннъ съ орудіями въ 14,3 дюйма. Надо прибавить, что происходящій въ настоящее время переворотъ въ въ способѣ отопленія кораблей (двигатели внутренняго сгоранія) обѣщаетъ совершенно измѣнить всѣ заданія военнаго судна и уже черезъ нѣсколько лѣтъ оставить позади всѣ нынѣ строющіеся типы.

Въ послѣдніе годы уже появился и быстро растетъ въ размѣрахъ и въ стоимости типъ новыхъ броненосныхъ крейсеровъ, не уступающихъ дреднотамъ. Заказанныя въ 1905 г. Invincible, Indomitable и Inflexible имѣли уже 26 узловъ и 17.250 тоннъ водоизмѣщенія, при 8 орудіяхъ въ 305 м.м. Германія отвѣтила на нихъ типомъ Von der Thann, въ 28 узловъ и 19.000 тоннъ. Отвѣтомъ Англіи былъ Левъ (Lion), такой же скорости и 26. 530 тоннъ водоизмѣщенія, съ новыми 8-ю орудіями въ 343 милл. Отвѣтомъ Германіи будетъ въ этомъ году крейсеръ, вѣроятно, въ 27.000 тоннъ, и съ новѣйшими пушками еще на полдюйма больше (14 вмѣсто 13,5) *).

Чтобы показать, какъ быстро прогрессируетъ сила новыхъ кораблей, достаточно сказать, что тогда какъ вѣсъ самаго тяжелаго снаряда (для 12 дюймоваго орудія) составлялъ 850 англ. фунтовъ, вѣсъ снаряда для новаго орудія въ 14,3 дюйма будетъ равняться уже 1.600 фунтовъ. Самые сильные корабли до-дредно-

*) Кромѣ морскихъ ежегодниковъ см. Charles Bos, Refaisons une marine Paris, Berger-Levrault, 1910, стр. 149 и слѣд.

товскаго типа выбрасывали по широкому борту заразъ около 5.000 фунтовъ металла. Дреднотъ уже выбрасывалъ 7.000, Оріонъ—13.000; а Ersatz Odin, по предварительнымъ слухамъ, будетъ выбрасывать 16.000, и Ріо-де-Жанейро—20.000 фунтовъ. Надо прибавить, что хотя огромныя новыя орудія портятся уже послѣ нѣсколькихъ десятковъ выстрѣловъ, за то мѣткость стрѣльбы постоянно прогрессируетъ

V. Будущая война и ея стоимость.

Дороговизна новыхъ вооруженій и страшное разрушительное дѣйствіе ихъ, конечно, влекутъ за собой то послѣдствіе, что военное столкновеніе становится все страшнѣе и дороже. Сопоставленныя только что цифры морскихъ вооруженій лишь подтверждаютъ въ этомъ отношеніи то, что давно говорилось о войнѣ сухопутной. Еще въ 1899 г. варшавскій банкиръ Бліохъ написалъ многотомное изслѣдованіе, цѣль котораго была доказать, что война, наконецъ, уничтожитъ сама себя и станетъ невозможна именно въ силу своей дороговизны и разрушительности *).

Съ появленіемъ магазиннаго ружья чрезвычайно увеличилась быстрота, мѣткость и дальнобойность стрѣльбы. Современныя ружья, по разсчету Бліоха, въ сорокъ разъ дѣйствительнѣе, чѣмъ шаспо временъ франко-прусской войны. Съ уменьшеніемъ калибра оружія до 5 миллиметровъ явилась возможность снабжать солдата 270 патронами, вмѣсто 84-хъ, которыя

*) Для нижеслѣдующаго изложенія я пользовался англійскимъ переводомъ послѣдняго 6-го тома, резюмирующаго выводы Бліоха и изданнаго, съ предисловіемъ W. T. Stead'a подъ заглавіемъ: Modern Weapons and Modern War.

онъ имѣлъ при себѣ во время франко-прусской войны. А при дальнѣйшемъ уменьшенiи калибра до 4 м.м. число это выростетъ до 380, при 3-хъ м.м. — до 575 патроновъ. Что касается артиллерiи, ея разрушительное дѣйствiе ко времени Блiоха увеличилось въ 116 разъ сравнительно съ 1870 г. Въ 1870 г. обыкновенная граната при взрывѣ давала отъ 19 до 30 кусковъ. Теперь она даетъ 240. Шрапнель разбрасывала въ 1870 г. 37 осколковъ. Теперь она разбрасываетъ 340. Бомба разрывалась тогда на 42 части. Теперь она даетъ 1.200 кусковъ, которые уничтожаютъ все кругомъ себя на пространствѣ 200 метровъ отъ мѣста взрыва. Разрушенiя, производимыя подобными смертоносными орудiями въ рядахъ, должны оказывать несравненно болѣе устрашающее дѣйствiе, чѣмъ прежде, такъ какъ, дымъ не закрываетъ болѣэ мѣста сраженiя. Опустошенiя производимыя болѣе мѣткимъ огнемъ противника, будутъ виднѣе для всей армiи. Впечатлѣнiе будетъ тѣмъ сильнѣе, что удары эти будутъ идти изъ незримато источника. Въ самомъ дѣлѣ двѣ борющiяся армiи просто не въ состоянiи будутъ видѣть другъ друга въ началѣ боя. Пока дѣйствуетъ артиллерiя, она не позволитъ имъ сблизиться болѣе 4—5 миль. Когда артиллерiя выведена изъ строя, наступаетъ очередь ружья. Но и тогда армiи не смогутъ подойти одна къ другой ближе 1.000 шаговъ. Въ этомъ мертвомъ поясѣ все живое будетъ немедленно истребляться ружейнымъ огнемъ съ двухъ сторонъ. При такихъ условiяхъ, борьба будетъ вестись въ траншеяхъ, а сраженiя будутъ выигрываться не аттакой и штыкомъ, а тактическими движенiями и

обходами противника. Рѣшительнаго пораженія противнику никакая побѣда принести не сможетъ. Война будетъ продолжаться цѣлые годы. Побѣдитъ въ ней, очевидно, не тотъ, кто храбрѣе, даже не всегда тотъ, кто численнѣе, а тотъ, кто окажется выносливѣе и сможетъ долѣе выдержать необходимое напряженіе. Такимъ образомъ, вопросъ о побѣдѣ сводится, въ концѣ концовъ, къ вопросу о финансахъ *).

Что будутъ стоить современныя войны? Бліохъ высчитываетъ цифры, передъ которыми расходы на прежнія войны кажутся совсѣмъ ничтожными. Въ войнѣ между двойственнымъ и тройственнымъ союзомъ обѣ стороны могутъ выставить по пяти милліоновъ солдатъ. Это равносильно ежедневному расходу въ 40 милл. рублей, а въ годъ пришлось бы истратить только на содержаніе солдатъ, не считая другихъ расходовъ, $14^1/_2$ милліардовъ. Между тѣмъ всѣ расходы на европейскія войны, начиная съ битвы при Ватерлоо и кончая русско-турецкой войной стоили, вмѣстѣ взятыя, не болѣе $12^1/_2$ милліардовъ **).

---

*) Выводы Бліоха были цѣликомъ повторены въ статьѣ графа фонъ-Шлиффена, въ Deutsche Revue, получившей громкую извѣстность послѣ того, какъ Импер. Вильгельмъ II прочелъ ее собравшимся у него генераламъ въ день новаго 1909 года и выразилъ свое полное согласіе съ выраженными тамъ взглядами.

** Renauld въ op. cit., стр. 35 и слѣд., повторяя вслѣдъ за Бліохомъ этотъ разсчетъ, даетъ еше болѣе высокія цкфры: $17^1/_2$ милліоновъ солдатъ у тройственнаго союза, 20 милліоновъ у двойственнаго союза, всего 37 милліоновъ, по 6 марокъ въ день, ежедневный расходъ $105 + 120 = 225$ милл. марокъ, а въ

Конечно, для того, чтобы удовлетворить эти современныя колоссальныя требованія на военныя надобности, современное государственное и народное хозяйство обладаютъ такими средствами, о какихъ не имѣли и понятія въ прежнія времена. Наиболѣе развитыя въ экономическомъ отношеніи страны наиболѣе легко и приспособляются къ неожиданному возростанію государственныхъ требованій отъ народнаго хозяйства. Прошло то время, когда накопленіе металлическихъ запасовъ, какой-нибудь секретной „военной казны" на черный день, было единственнымъ способомъ для государей приготовиться къ серьезному военному столкновенію. Только государства, болѣе отсталыя экономически, могутъ чувствовать необходимость въ подобной „свободной наличности" для своихъ военныхъ предпріятій. У насъ министръ финансовъ Вышнеградскій еще въ 1888 г., въ своемъ всеподаѣннйшемъ отчетѣ высказалъ мысль, что истинная боевая готовность народа заключается въ хорошемъ экономическомъ состояніи страны и ея населенія. „Считаю своимъ долгомъ вѣрноподданнаго, заявлялъ министръ финансовъ, выразить передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ твердое, ясное и глубокое убѣжденіе въ томъ, что благосостояніе народа, даже при нѣкоторомъ несовершенствѣ военнаго устройства, принесетъ въ періодъ вооруженнаго столкновенія болѣе пользы, нежели самая полная боевая

годъ $37 + 43 = 78$ милліардовъ марокъ. Р. также признаетъ выводъ о продолжительности современной войны. Ср. другія указанія у Fried a, Handbuch, I, 83—85.

готовность арміи при пошатнувшемся экономическомъ положеніи народа". Дѣйствительно, современные спеціалисты, изучавшіе вопросъ о финансовой боевой готовности, не отрицая значенія извѣстной металлической наличности для быстрой мобилизаціи и для преодолѣнія паники первыхъ дней войны, въ то же самое время очень единодушно указываютъ, какъ на главный или даже единственный вѣрный способъ выдержать требуемое войной внезапное расширеніе платежныхъ средствъ,—на обращеніе къ кредиту, и по возможности не государственному. Главная роль кредитоспособнаго учрежденія отдается центральному эмиссіонному банку *). Что касается непосредственной помощи со стороны населенія, и въ этомъ отношеніи современное государство умѣетъ достигать наибольшихъ результатовъ съ наименьшими пожертвованіями. И однако же, при всей этой, несравненно большей, чѣмъ прежде, эластичности народныхъ рессурсовъ и гибкости государственныхъ требованій, несомнѣнно, что та же сложность современнаго хозяйства грозитъ ему, въ случаѣ войны, несравненно болѣе глубокими разстройствами, чѣмъ это было прежде. Трудно даже опредѣлить, какъ велики потери въ народномъ хозяйствѣ, вызываемыя не прямо, а косвенно, разстройствомъ его правильнаго функціонированія во время войны. Одинъ изъ

*) Вопросъ о финансовой боевой готовности и объ обращеніи къ кредиту въ случаѣ войны обстоятельно разработанъ, съ указаніями относительно литературы, въ книгѣ М. И. Боголѣпова, «Государственный долгъ», Спб., 1910. См. также Renauld, o. c.

новѣйшихъ изслѣдователей вопроса опредѣляетъ для Германіи потерю отъ сокращенія производства въ случаѣ войны „многими милліардами марокъ“ *). Мобилизація арміи и флота отниметъ у земледѣлія, сельскаго хозяйства, промышленности и торговли милліоны рабочихъ рукъ. Эти милліоны лягутъ тяжестью на государственное казначейство и на плательщиковъ налоговъ. Съ уменьшеніемъ производства уменьшится и потребленіе товаровъ; то и другое приведетъ къ сокращенію вывоза и ввоза. Вмѣстѣ съ этимъ сократятся размѣръ и количество предпріятій, уменьшится доходъ предпринимателя, освободится капиталъ и не найдетъ себѣ новаго выгоднаго примѣненія. Доходъ государства отъ желѣзнодорожнаго движенія грузовъ и пассажировъ уменьшится, также какъ и таможенный доходъ и всѣ другіе косвенные доходы. А съ уменьшеніемъ дохода пострадаетъ и поступленіе прямыхъ налоговъ. „Все это, замѣчаетъ цитируемый нами изслѣдователь, чрезвычайно увеличиваетъ отвѣтственность за возбужденіе войнъ. Круги нашего населенія, заинтересованные въ производительномъ трудѣ, стоятъ за сохраненіе мира... Участіе во всемірной торговлѣ, конечно, можетъ привести ко всевозможнымъ треніямъ между народами, но перекрестные торговые интересы, которые завязываются на почвѣ всемірной торговли, въ существѣ дѣла заключаютъ въ себѣ тенденцію къ охранѣ мира“.

---

*) D-r Völcker, Die Deutsche Volkswirthschaft im Kriegsfall, Lpz. 1909.

VI. Реальныя причины вооруженій. Англо-Германское соперничество.

Мы вернемся впослѣдствіи къ высказанной здѣсь, глубоко справедливой мысли. Но прежде всего, приведенныя слова приводятъ насъ къ вопросу, который намъ остается выяснить въ этой части нашего изложенія. Если, дѣйствительно, тенденціи къ охранѣ мира такъ хорошо обоснованы, то что мѣшаетъ державамъ, если не разоружиться совсѣмъ, то хотя бы пріостановить непрерывный ростъ вооруженій, не только продолжающійся, но и все болѣе усиливающійся въ наше время? На вопросъ этотъ отчасти отвѣчаетъ уже сдѣланная нами раньше справка. Кто именно вооружается въ двадцатомъ вѣкѣ всего энергичнѣе? Чьи вооруженія въ настоящій моментъ составляютъ причину или предлогъ для усиленія вооруженій всѣхъ остальныхъ націй? Пополнимъ теперь нашу справку сравнительной таблицей вооруженій главныхъ морскихъ державъ: ибо міровое соперничество ведется теперь на морѣ.

Ростъ флота (въ количествѣ тоннъ водоизмѣщенія).

	1900		1910	Увел. въ число разъ.	Къ маю 1912 г. *)	Увел. съ 1910 въ число разъ.
I. Англія . . .	619.460	I.	1.335.870	**2,1**	1.585.810	**1,19**
II. Франція . .	231.830	IV.	379.750	**1,6**	482.530	**1,27**
III. Соед. Шт. .	129.820	II.	660.210	**5,1**	717.890	**1,08**
IV. Японія . . .	100.750	V.	299.630	**2.9**	376.780	**1,26**
V. Германія .	84.390	III.	456.580	**5,4**	619.590	**1,36**

Какъ видимъ, прежнее соперничество между Англіей и Франціей совершенно стушевалось передъ выступленіемъ новыхъ морскихъ державъ, Германіи, Соединенныхъ Штатовъ и Японіи. Усиленная попытка Франціи вернуть себѣ прежній вѣсъ, пока не увѣнчалась успѣхомъ. Франція остается на четвертомъ мѣстѣ, пропустивъ впередъ себя Соединенные Штаты и Германію. Огромный перевѣсъ Англіи, владѣвшей въ 1900 г. флотомъ, болѣе сильнымъ, чѣмъ всѣ слѣдующія четыре державы, вмѣстѣ взятыя, въ настоящее время уже почти уравновѣшивается двумя слѣдующими по силѣ флотами. Всѣ эти результаты получены вслѣдствіе исключительнаго напряженія военнаго судостроенія въ Германіи, увеличившей свой флотъ въ $5^1/_2$ разъ, въ Соед. Штатахъ, увеличившихъ

*) Послѣднія цифры предположительны. См. Nauticus за 1910 г., стр. 56 и 97 и за 1911 г. Приняты во вниманіе линейные корабли не менѣе 10.000 т. и не старѣе 20 лѣтъ, и бронированные крейсера не менѣе 5.000 тоннъ.

его въ 5 разъ, и въ Японіи поднявшей его втрое, въ то время какъ Англія увеличила свой флотъ только вдвое, а отставшая отъ другихъ Франція только въ $1^1/_2$ раза.

Этихъ цифръ достаточно, чтобы показать, что мы присутствуемъ при быстромъ перераспредѣленіи мірового удѣльнаго вѣса между великими державами. На земномъ шарѣ намѣчаются три новыхъ фокуса мірового соперничества, въ Европѣ, Азіи и въ Новомъ Свѣтѣ. Не останавливаясь на соревнованіи Японіи и Соединенныхъ Штатовъ, которое пока еще все въ будущемъ, мы сосредоточимъ свое вниманіе на европейскомъ фокусѣ соперничества, въ которомъ, какъ уже указано выше, соревнованіе идетъ между Германіей и Англіей.

Характеръ этого соревнованія болѣе всего другого объясняетъ лихорадочный пароксизмъ въ развитіи вооруженій, который охватилъ старую Европу въ такой періодъ ея исторіи, когда, казалось бы, всѣ существенныя условія для водворенія въ ней прочнаго мира можно было считать достигнутыми. Въ самомъ дѣлѣ, соперничество державъ само по себѣ—фактъ совсѣмъ не новый. Оно старо, какъ міръ. Но нельзя отрицать, что за послѣднія 200—300 лѣтъ въ Европѣ это соперничество постепенно приняло новыя, болѣе культурныя формы. Перевѣсъ какой-нибудь одной державы надъ всѣми другими сдѣлался за это время фактомъ невозможнымъ. И претензіи той или другой культурной націи на всемірное преобладаніе, казалось, должны быть отнесены къ явленіямъ прошлаго.

Съ самого начала новой исторіи Европы мы присутствуемъ при развитіи идеи международнаго, по крайней мѣрѣ европейскаго равновѣсія. Разумѣется, идея равновѣсія не могла сама по себѣ получить юридическаго значенія и сдѣлаться основой твердаго международнаго права. Разумѣется, идея эта не мѣшала никакимъ притязаніямъ, и ею ловко прикрывались всевозможные интересы. Тамъ, гдѣ удавалось провести идею равновѣсія въ жизнь, она легко вела къ образованію синдиката сильныхъ противъ слабыхъ. Во имя равновѣсія совершались раздѣлы независимыхъ государствъ, растаптывались права національностей. Идея равновѣсія всегда мирилась съ самымъ несправедливымъ statu quo, и всегда препятствовала самымъ справедливымъ перемѣнамъ въ немъ. Эта идея не могла предупредить серьезныхъ измѣненій въ удѣльномъ вѣсѣ живыхъ государственныхъ организмовъ и лишь считалась съ ними и съ ихъ послѣдствіями, когда они становились совершившимися фактами.

И, тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что идея равновѣсія была первой попыткой внести нѣкоторый порядокъ въ хаосъ и анархію отношеній между государствами и народами. Прежде, чѣмъ дать господство сильнымъ надъ слабыми, она препятствовала перевѣсу сильнѣйшаго надъ сильными. Соединенная сила концерта державъ по временамъ служила орудіемъ для исполненія справедливыхъ рѣшеній. Не говорю уже о томъ, что только подъ защитой идеи равновѣсія могла быть проведена и та самая идея безусловнаго равенства между всѣми независимыми государствами

безъ различія, которая такъ часто нарушалась во имя идеи равновѣсія *).

Въ результатѣ цѣлаго столѣтія дѣятельности европейскаго концерта въ Европѣ, несомнѣнно, установилась извѣстная атмосфера международныхъ привычекъ и приличій, которая сама по себѣ служила оплотомъ противъ черезчуръ неожиданныхъ и слабо мотивированныхъ аппетитовъ отдѣльныхъ государствъ и государственныхъ дѣятелей. Взаимный удѣльный вѣсъ державъ, хотя и составляющій систему постоянно подвижнаго равновѣсія, все же, болѣе или менѣе опредѣлился въ цѣломъ. Одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей вопроса о европейскомъ мирѣ, писавшій въ 1892 году нѣмецкій ученый Шлифъ **) признавалъ тогда, что европейскія державы обладаютъ въ достаточной степени всѣми жизненными условіями, необходимыми для дальнѣйшаго мирнаго развитія, и что это создаетъ благопріятную обстановку для водворенія прочныхъ международно-правовыхъ отношеній между ними. Тотъ, кто попытался бы возобновить устарѣвшую идею первенства и преобладанія, былъ бы „безумцемъ или преступникомъ". И дѣйствительно, весь кругъ нерѣшенныхъ національныхъ вопросовъ и взаимныхъ претензій державъ тогда можно было считать болѣе

*) Объ исторической роли идеи равновѣсія см. обстоятельную работу Charles Dupuy, Le principe d'équilibre et le concert européen de la paix de-Westphalie à l'acte d'Algésiras, Paris 1909, Perrin., pp. 525.

**) Der Friede in Europa, eine völkerrechtlich-politische Studie, vom Dr Jur. Eugen Schlief, Lpz.—1892, Veit. pp. 510.

или менѣе опредѣлившимся и выясненнымъ. Казалось, что установилось извѣстное молчаливое соотношеніе силъ; что каждая держава намѣтила себѣ мѣсто среди другихъ и своимъ мѣстомъ довольна.

Въ этотъ-то моментъ на арену международнаго состязанія является новое государство, зараженное военнымъ духомъ въ самой острой формѣ. Оно является послѣднимъ. Положеніе его—трудное Всѣ мѣста въ Европѣ, всѣ лучшіе куски внѣ Европы уже болѣе или менѣе разобраны. Всемірныя гавани всѣ находятся въ обладаніи великихъ морскихъ державъ.

Новой державѣ, явившейся на состязаніе націй послѣ другихъ, приходится работать локтями, чтобы очистить себѣ „мѣстечко на солнцѣ“, употребляя знаменитыя слова кн. Бюлова. И Германія со всей свѣжестью молодого задора бросается въ борьбу, нарушаетъ установившіяся отношенія, опрокидываетъ вверхъ дномъ сложившіяся условія. Она показываетъ, къ изумленію старыхъ морскихъ націй, что въ двадцатомъ вѣкѣ для состязанія на морѣ существуютъ совершенно иныя условія, чѣмъ прежде. И раньше чѣмъ успѣваютъ опомниться противники, въ 10—15 лѣтъ Германія становится на одно изъ первыхъ мѣстъ среди нихъ.

Прежде считали, что для того, чтобы имѣть хорошій флотъ, надо имѣть прибрежное населеніе, привыкшее къ морю, надо обладать берегами съ развитымъ каботажемъ. Но съ успѣхами техники морского судостроенія все это измѣнилось. Теперь та страна получала преимущества, у которой оказывалось боль-

ше каменнаго угля, быстрѣе развивалась металлургія и выше стояла техническая выучка. Теперь нужны были не смѣлые моряки, привыкшіе къ бурямъ и непогодамъ, а опытные механики, электротехники и всякаго рода спеціалисты *).

Казалось, что невыгодное географическое положеніе должно служить препятствіемъ для созданія германскаго флота. Морская граница Германіи проходитъ у морей неглубокихъ, далеко отстоящихъ отъ міровыхъ путей къ колоніямъ, притомъ разобщенныхъ между собой, что представляетъ большія неудобства въ стратегическомъ отношеніи. Германія показала, что и этого рода трудности могутъ быть преодолѣны сознательнымъ коллективнымъ усиліемъ націи. Она смѣло принялась за добываніе новыхъ колоній. А стратегическое затрудненіе она обошла, создавъ искуственное внутреннее сообщеніе между морями и этимъ получивъ возможность вмѣсто двухъ флотовъ, балтійскаго и сѣвернаго, имѣть одинъ, который можетъ дѣйствовать на Балтійскомъ морѣ и на Сѣверномъ, смотря по надобности.

Лучшія колоніи и гавани были разобраны. Но

---

*) По производству каменнаго угля Германія приблизилась къ Англіи, по производству желѣза обогнала, а по производству стали далеко ушла впередъ. Въ 1900 Англія производила 229 м. тоннъ угля, а Германія 150; въ 1908 эти цифры были уже 266 и 215 милл. тоннъ. Желѣзо добывалось: въ 1900 г. въ Англіи 9, въ Германіи $8^1/_2$ милл. тоннъ, а въ 1908 г. цифры были 10 и 12 милл. тоннъ. Стали производилось въ Англіи $6^1/_2$ милл., въ Германіи 11 милл. тоннъ.

Германія и изъ этого извлекла пользу, заключивъ выгодные торговые договоры и явившись въ качествѣ „жильца“ у чужихъ хозяевъ. Расходъ по содержанію помѣщеній падалъ на собственниковъ, а „жильцы“ пользовались всѣми правами владѣнія *).

Само собою разумѣется, что одинъ этотъ фактъ быстраго движенія впередъ за счетъ всѣхъ остальныхъ партнеровъ долженъ былъ вызвать извѣстное раздраженіе и обострить взаимныя отношенія. Однако же, самъ по себѣ, этотъ фактъ еще не вызывалъ международнаго конфликта. Никакая теорія „равновѣсія“ не можетъ помѣшать внутреннему росту отдѣльныхъ національныхъ единицъ, входящихъ въ систему этого равновѣсія. Иначе пришлось бы сдѣлать тотъ абсурдный выводъ, который и сдѣлалъ одинъ фанатическій защитникъ идеи равновѣсія **): государства, усиливающіяся путемъ внутренняго развитія, періодически ослаблять посредствомъ отдѣленія отъ нихъ соотвѣтственныхъ кусковъ.

Не можетъ быть сомнѣнія, что именно на такомъ фактѣ внутренняго роста основывается усиленіе международнаго положенія Германіи,—поскольку усиленіе это прочно и неотвратимо. На этотъ фактъ ссылаются обыкновенно, прежде всего, и представители германскаго общественнаго мнѣнія.

Какъ извѣстно населеніе Германіи растетъ съ такой быстротой, которая уступаетъ лишь естествен-

---

*) См. Marcel Dubois, La crise maritime, 37.

**) См. Charles Dupuis, цитата изъ Donnadieu, стр. 98—100.

мому приросту населенія въ Россіи и на Балканахъ и фактическому приросту населенія Соединенныхъ Штатовъ, благодаря огромному приливу переселенцевъ. Въ десятилѣтіе 1871—1880 г. цифра германскаго населенія возростала ежегодно на полмилліона. Къ концу XIX вѣка ежегодный приростъ достигъ трехъ четвертей милліона. Въ настоящее же время цифра эта доходитъ почти до милліона прироста ежегодно. Еще важнѣе отмѣтить, что увеличеніе этого прироста въ такой короткій промежутокъ времени достигнутъ не только естественнымъ процессомъ, но и культурными успѣхами націи. Цифра смертности населенія, доходившая въ былые годы (1871) до 31 на тысячу, въ настоящее время (1908) сведена, благодаря успѣхамъ гигіены и санитаріи, до 19 чел. на тысячу. Къ тому же внутренній ростъ производительныхъ силъ пріостановилъ выселеніе нѣмцевъ изъ Германіи, достигавшее прежде до 221 тысячи въ годъ (1881). Теперь (1909) цифра эмигрантовъ упала до 25 тысячъ т. е. съ 4,86% до 0,39% населенія *). Въ результатѣ прироста, густота населенія увеличилась (съ 1871 по 1902) съ 76 до 120 чел. на квадр. километръ. Куда же дѣвался весь этотъ приростъ населенія? Онъ двинулся, главнымъ образомъ, въ города и превратилъ Германію изъ государства земледѣльческаго въ

*) Unsere Kolonialwirtschaft in ihrer Bedeutung für Industrie, Handel und Landwirthschaft, Hgb. vom Kolonial — Wirthschaftl. Komitee, 1910, Berlin и цитированный сборникъ Handels-und Machtpolitik.

государство промышленное. Въ началѣ XIX столѣтія три четверти всего населенія Германіи занималось земледѣліемъ. Въ концѣ вѣка при земледѣліи осталась лишь одна треть, а по послѣдней переписи (1907) значится уже 28,7% всего населенія. Вмѣстѣ съ разслоеніемъ населенія, естественно, измѣнились и самыя условія народнаго хозяйства. Въ первой половинѣ XIX столѣтіи Германія еще могла стоять на своихъ собственныхъ ногахъ, производя сама для себя все нужное для своего потребленія. Она могла даже вывозить продукты земледѣлія, ввозя за то предметы чужой промышленности и колоніальные товары. Въ настоящее время, характеръ внѣшней торговли совершенно измѣнился. Германія, напротивъ, ввозитъ къ себѣ продукты земледѣлія (ибо своего зерна хватаетъ ей лишь на нѣсколько мѣсяцевъ прокормленія), и сырье для своей фабричной переработки. А вывозитъ она предметы своей промышленности. Такимъ образомъ, начинаетъ чувствоваться зависимость отъ внѣшняго рынка. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ приниматься мѣры, чтобы завоевать себѣ рынки для сбыта продуктовъ быстро развивающейся національной промышленности. Создается собственный торговый флотъ и пріобрѣтаются колоніальные рынки, оберегаемые отъ иностранной конкурренціи высокими охранительными пошлинами. Вмѣстѣ съ тѣмъ является необходимость вооруженной защиты своей внѣшней торговли, необходимость созданія военнаго флота.

VII. **Идеологія германскяго соперничества.**

Вся эта связь событій сдѣлалась аксіомой для всякаго нѣмца. Она болѣе или менѣе сознается и за предѣлами Германіи. Но этими одними явленіями матеріальнаго роста и ихъ неизбѣжными послѣдствіями далеко не ограничивается роль новаго пришельца на международной аренѣ. Новое положеніе создаетъ и новую идеологію. И ее, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду глава современной Германіи, указывая своему народу, что его „будущность—на водѣ". Рѣчь идетъ здѣсь уже не о фактахъ и ихъ послѣдствіяхъ, а о надеждахъ и перспективахъ. На основѣ первыхъ, быстрыхъ успѣховъ начертывается планъ политики на будущее время. И въ пользу этого плана вліятельныя сферы хотятъ заинтересовать и расположить общественное мнѣніе страны. Для этой цѣли создаются спеціальныя патріотическія организаціи, организуется патріотическая печать, устраиваются серіи популярныхъ лекцій, наконецъ издаются въ огромномъ количествѣ экземпляровъ пропагандистскія брошюры и продаются по дешевой цѣнѣ. Что именно проповѣдуется при помощи всѣхъ этихъ средствъ, какое настроеніе создается въ населеніи? Для характеристики остано-

вимся прежде всего на самомъ умѣренномъ, и осторожномъ выраженіи новой національной политики. Я воспользуюсь для этой цѣли лекціей первокласснаго германскаго экономиста, весьма далекаго отъ крайностей шовинизма, Густава Шмоллера, читанной этимъ ученымъ, и изданной въ серіи другихъ однородныхъ лекцій по порученію „вольнаго союза для организаціи лекцій о флотѣ“ *).

Чтобы опредѣлить положеніе, занятое Германіей, Шмоллеръ дѣлитъ всю исторію отношеній между „политикой торговли“ и „политикой силы“ на три періода, смотря по тому, давало ли государство свою поддержку національной промышленности или, наоборотъ, воздерживалось отъ этой поддержки. Первый періодъ—это періодъ образованія современныхъ національныхъ государствъ, періодъ борьбы за обладаніе колоніями и путями всемірной торговли: XVI — XVIII столѣтіе. Это—время господства меркантилизма, требовавшаго, чтобы вся сила государства, весь вѣсъ его армій, штыковъ и пушекъ былъ положенъ на вѣсы международнаго коммерческаго состязанія. Это—тотъ періодъ, когда страны, добивавшіяся преобладанія, окружали себя барьеромъ охранительныхъ или запретительныхъ пошлинъ, чрезвычайно строго относились къ правамъ иностранцевъ, жестоко эксплуати-

---

*) Сборникъ этихъ интересныхъ лекцій изданъ въ двухъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ, выражающимъ основную мысль ихъ,—Handels-und Machtpolitik, Reden und Aufsätze im Auftrage der „freien Vereinigung für Flottenvorträge“, herausgegeben von Gustav Schmoller, Max Sering, Adolph Wagner. 2 Aufl: Stuttgart, 1900.

ровали колоніи, варварски относились къ международному праву и вели рядъ войнъ для пріобрѣтенія колоній и для достиженія коммерческихъ выгодъ. Наполеоновскія войны явились послѣднимъ грандіознымъ примѣненіемъ этой политики.

Затѣмъ наступаетъ второй періодъ. Послѣ высшаго и односторонняго напряженія меркантилизма, это противоположная односторонность—свободныхъ, либеральныхъ международныхъ отношеній. Этотъ періодъ, руководившійся мыслью, что международная торговля основана на взаимной выгодѣ сторонъ и что государство не должно вмѣшиваться въ область свободнаго промышленнаго соперничества, характеризуетъ собой середину XIX столѣтія *). Въ это именно время создается либеральная теорія свободы торговли, вырабатываются взгляды на необходимость равноправныхъ и мирныхъ отношеній между державами, полагается начало болѣе широкому и гуманному толкованію международнаго и морского права, формулируются впервые требованія объ ограниченіи вооруженій, объ отказѣ отъ блокады, отъ обыска и захвата кораблей; устанавливается болѣе справедливое обращеніе съ колоніями и обладаніе колоніями начинаетъ признаваться болѣе тягостнымъ, чѣмъ выгоднымъ дѣломъ. Это—тѣ теоріи, которыя я приводилъ, говоря о Кобденѣ,—тѣ самыя, которыя проводилъ въ жизнь Гладстонъ.

*) См., въ развитіе мысли Шмоллера, характеристику отмѣченныхъ имъ трехъ періодовъ въ книжкѣ B. Nogaro и M. Moye, Les régimes douaniers, Paris, Armand Colin, p.p. 320.

Но и этотъ второй періодъ тоже проходитъ къ концу XIX столѣтія. Уже протекціонистское движеніе семидесятыхъ годовъ является предвѣстіемъ перемѣны. Обстоятельства вновь перемѣнились. Тѣснѣе стало жить на земномъ шарѣ, увеличилось повсюду количество населенія и національное производство, усложнились условія сбыта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, усилилась международная конкурренція. Явилась тенденція подѣлить то, что еще не было подѣлено, разобрать между собою оставшіяся ничьими земли и обратить ихъ въ колоніи. Естественно, что этотъ третій періодъ повелъ къ возвращенію всѣхъ признаковъ, отличавшихъ періодъ меркантилизма: къ новымъ запретамъ и пошлинамъ, къ монополизаціи кабелей и угольныхъ станцій, къ суровому примѣненію международнаго права, къ росту вооруженій, къ захвату рынковъ, „сферъ вліянія", колоній и т. д. Шмоллеръ напоминаетъ, что благодаря этому новому приливу международнаго хищничества, территорія Великобританіи съ 1866 по 1899 годъ увеличилась съ 12,6 мил. квадр. кил. до 27,8 кв. килом. т. е. на 15,2 мил. кв. килом. Соединенные Штаты за 100 лѣтъ (1800—1900) увеличили свою территорію съ 2 мил. кв. кил. до 9,3 милл., т. е. на 7,3 милліона. Россія расширила свои предѣлы съ 1866 по 1899 годъ съ 12,9 мил. до 22,4 мил. кв. кил., т. е. на 9,5 мил. Такимъ образомъ, на мѣсто ряда мирныхъ, приблизительно равносильныхъ государствъ явились „три гигантскія, завоевательныя міровыя имперіи". Франція и Германія пріобрѣли за тотъ же промежутокъ времени всего только 2—3 мил. кв. кил.

Какой же выводъ слѣдуетъ отсюда? Выводъ тотъ, что нельзя зѣвать, что наступаетъ послѣдняя минута „неизбѣжной ликвидаціи умирающихъ государствъ, неизбѣжнаго раздѣла міра между культурными націями". Вмѣстѣ съ тѣмъ, снова выступаютъ на первый планъ надменные насильники, „die arroganten Gewaltmenschen, люди съ моралью капитана морскихъ разбойниковъ".

Самъ Шмоллеръ еще не дѣлаетъ отсюда тѣхъ выводовъ, которые вскорѣ сдѣланы были его соотечественниками. Онъ даже „опасается рецидива" старой эпохи меркантилизма. Онъ съ негодованіемъ отвергаетъ подозрѣнія „крестьянскихъ и мелкобуржуазныхъ круговъ", будто усиленіе флота подсказано крупными промышленниками или шовинистами—мечтателями. Онъ не раздѣляетъ опасеній, что военные планы могутъ втянуть Германію въ морскія войны и колоніальныя авантюры, что они вызовутъ дальнѣйшее усиленіе морскихъ вооруженій другихъ державъ и т. п. „Я самъ былъ бы противникомъ флота, если бы раздѣлялъ, подобныя опасенія", заявляетъ категорически Шмоллеръ. Но, по его убѣжденію, „не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы мы вбили себѣ въ голову желаніе—сдѣлаться морской державой перваго ранга". „Мы хотимъ лишь усилиться настолько, чтобы великія державы насъ уважали и искали бы нашей поддержки. Мы хотимъ быть рѣшающимъ факторомъ (Zünglein an der Wage) при послѣдней рѣшительной борьбѣ... между Англіей и Россіей"!

Вотъ какъ разсуждалъ ученый германскій профессоръ 12 лѣтъ тому назадъ. Вы чувствуете, какъ много

за эти 12 лѣтъ перемѣнилось. О грядущей неизбѣжной войнѣ между Англіей и Россіей никто уже не говоритъ болѣе. Наоборотъ, вырисовывается совершенно неожиданно новая возможность, возможность грядущей борьбы между Англіей и Германіей, — какъ говорятъ военные авторитеты, тоже „неизбѣжной". Опасность эта настолько реальна, настолько существенна, что, кромѣ соревнованія въ постройкѣ новыхъ судовъ, Англія выражаетъ свой страхъ въ цѣломъ рядѣ новыхъ предохранительныхъ мѣръ *). Она поспѣшила уже въ 1905 году вернуть со всѣхъ океановъ поскорѣе къ себѣ домой всѣ свободные броненосцы и устроила свой „домашній флотъ" въ Ламаншѣ и на восточномъ берегу Великобританіи, для того чтобы быть въ самомъ короткомъ разстояніи отъ новыхъ военныхъ гаваней Германіи въ Сѣверномъ морѣ. Въ ожиданіи возможнаго столкновенія строятся новыя флотиліи миноносцевъ, создаются новыя морскія базы, оборудываются доки и т. д.

---

*) См. объ этомъ Hislam, The admiralty of the Atlantic (имѣется русскій переводъ), London, Longmans, Green and C⁰, (1908, стр. 70—108.

VIII. **Пангерманизмъ и военные романы.**

Насколько основательны опасенія, которыми продиктованы всѣ перечисленныя мѣры? Къ сожалѣнію, они до извѣстной степени оправдываются состояніемъ умовъ въ самой Германіи. Ибо германское общественное мнѣніе, искусно обрабатываемое всѣми указанными выше способами, пошло много дальше тѣхъ взглядовъ, которые я только что приводилъ изъ лекцій Шмоллера. Я не говорю здѣсь о теченіи пангерманизма, которое доводитъ до крайностей, до каррикатуры, націоналистическія увлеченія современнаго германскаго патріотизма. Но опасность заключается въ полной неопредѣленности границы, которая отдѣляетъ воззрѣнія пангерманистовъ отъ взглядовъ серьезныхъ общественныхъ дѣятелей и даже—отвѣтственныхъ политиковъ. Объ этой неопредѣленности свидѣтельствуютъ самые добросовѣстные и объективные изслѣдователи „пангерманской доктрины". То же самое доказывается и новѣйшими наблюденіями публицистовъ *).

*) Я не хочу ссылаться здѣсь на существующую и въ русскомъ переводѣ книгу венгерца Эмиля Рейха: Германская

Осенью 1910 г. одинъ изъ видныхъ англійскихъ дѣятелей Sir Harry Iohnston, посѣтилъ главные города Германіи и имѣлъ рядъ бесѣдъ съ германскими чиновниками, политиками, учеными, директорами промышленныхъ предпріятій и большихъ торговыхъ фирмъ. Его спеціальной цѣлью было уяснить себѣ вопросъ, зачѣмъ Германія такъ напрягаетъ средства своихъ плательщиковъ на свои военныя приготовленія, заставляя тѣмъ самымъ идти на тяжелыя жертвы также и англичанъ, французовъ, русскихъ, австрійцевъ и итальянцевъ. Не лучше ли было бы сговориться, сдѣлать взаимныя уступки и затѣмъ сократить военные расходы? Вотъ что Sir Iohnston услышалъ въ отвѣтъ на свой вопросъ отъ сравнительно болѣе умѣренныхъ своихъ собесѣдниковъ, оставляя совершенно въ сторонѣ отвѣты германскихъ шовинистовъ. Подѣлитесь съ нами, говорили ему, на слѣдующихъ основаніяхъ. За Германіей и за Австро-Венгріей долженъ быть признанъ преимущественный интересъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ Константинополѣ, въ большей части

надменность (Germany's Swelled head, по русски: Современная Германія, СПБ. 1908, пер. А. Вандама). Хотя здѣсь собраны чрезвычайно характерные факты, но автора можно обвинять въ пристрастности. Напротивъ, впечатлѣніе полной объективности производитъ весьма основательная работа англійскаго анонимнаго автора: The pangermanic doctrine, being a study ot German political aims and aspirations, London, Harpers, 1904, стр. 378. Относительно трудности отличить взгляды пангерманистовъ отъ взглядовъ оффиціальныхъ много разъ говоритъ авторъ этой книги, см. напр. стр. 5, 11, 13, 28, 48, 59, 138, 172, 192, 212.

Малой Азіи и въ Месопотаміи. Германское вліяніе должно господствовать отъ устья до устья Дуная, до Босфора и до Евфрата. Голландія дожна, конечно, входить въ сферу германскаго вліянія. Подъ условіемъ тѣснаго оборонительнаго и наступательнаго союза существующаго въ настоящее время, Германія можетъ допустить существованіе въ Голландіи особой династіи и оставить за ней управленіе ея заморскими колоніями. Взамѣнъ этого Англія можетъ спокойно оставаться въ Египтѣ. Франція, въ крайнемъ случаѣ, быть можетъ, могла бы получить выдѣленіе Бельгіи и Люксембурга изъ германской сферы вліянія. Россія могла бы, если бы съумѣла, утвердить свое вліяніе въ китайскомъ Туркестанѣ, Монголіи, Персіи,—разумѣется, насколько это позволитъ интересъ Англіи и Японіи, а также грядущее возрожденіе Китая. Затѣмъ, можно было бы отдать Россіи сферу вліянія въ Сѣверной Арменіи и Трапезундѣ, право на „анклаву" на Босфорѣ, признаніе независимости Даніи и спеціальнаго интереса Россіи добиться доступа къ персидскому заливу. Турецкій султанатъ могъ бы продолжать существованіе въ Малой Азіи, на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ могли бы существовать еще втеченіе столѣтій король или королева Голландіи, Австріи, Чехіи, Болгаріи, Румыніи. Въ Сиріи-Палестинѣ можно было бы создать восточную Бельгію, быть можетъ, еврейское государство.

А если на этотъ планъ раздѣла „сферъ вліянія" державы не согласятся добровольно? Тогда будемъ продолжать вооруженія и готовиться къ рѣшенію спора оружіемъ.

Испытаніе, быть можетъ, будетъ трудно; но за-то, въ случаѣ побѣды, Германія уже не ограничится перечисленнымъ спискомъ минимальныхъ требованій. Франція поплатилась бы, въ такомъ случаѣ, введеніемъ въ „сферу германскаго вліянія“ не только Голландіи, но и Бельгіи и даже Пикардіи. Это было бы началомъ „дуэли“ съ Англіей. Правда, уничтожить англійскій флотъ „втеченіе ближайшихъ тридцати лѣтъ кажется невозможнымъ“, а слѣдовательно, и идея высадки въ Англіи пока неосуществима. Но германскій флотъ достаточно силенъ, чтобы воспрепятствовать приближенію британскаго флота къ Голландіи, Бельгіи и Даніи. И даже соединенная русско-французская армія не будетъ въ состояніи воспрепятствовать оккупаціи Нидерландовъ. За casus belli Германія сочтетъ также, если Россія вздумала бы добиваться верховенства надъ Болгаріей, занятія Константинополя или владычества надъ Малой Азіей *).

Когда я изложилъ въ русской печати только часть результатовъ, полученныхъ Джонстономъ въ итогѣ его анкеты, то изложенные имъ взляды были сочтены утопическими и несерьезными въ нѣкоторыхъ органахъ прессы. Однако, если сравнить эти требованія съ тѣмъ, что всегда говорили о тѣхъ же предметахъ пангерманцы, то нельзя не придти къ заключенію, что здѣсь мы, дѣйствительно, какъ замѣ-

*) Анкета Джонстона изложена авторомъ въ The Nineteenth Century and after, December, 1910.

тилъ и самъ Джонстонъ, имѣемъ дѣло лишь съ первымъ шагомъ, съ тѣмъ, что считается непосредственно осуществимымъ и достойнымъ стать задачей ближайшей практической политики. За исключеніемъ Россіи, область будущихъ пріобрѣтеній которой очерчивается въ анкетѣ, послѣ ея пораженія, тѣснѣе и болѣе условно,—во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ не только обширная пангерманская литература, но и отвѣтственные германскіе политики въ разное время высказывали мнѣнія, которыя шли гораздо дальше изложеннаго. Интересно отмѣтить, что этихъ дальнѣйшихъ выводовъ не исключаютъ и собесѣдники Джонстона. Они лишь умалчиваютъ о нихъ, оставляя своего интервьюера догадываться, что зрѣлый плодъ, въ результатѣ требуемыхъ теперь уступокъ, самъ упадетъ къ ногамъ горманской націи хотя бы „черезъ столѣтія“ *).

Такимъ образомъ, въ свидѣтельствѣ Джонстона мы имѣемъ новѣйшее и наглядное доказательство, какого рода плоды въ германскомъ общественномъ мнѣніи произвела проповѣдь сторонниковъ „Великой Германіи“. Я прибавлю только къ сказанному, что на воображеніе германскаго читателя старались и стараются дѣйствовать не только путемъ серьезныхъ политическихъ сочиненій или, хотя бы, памфлетовъ.

---

*) Подробный списокъ произведеній пангерманской литературы, съ точнымъ изложеніемъ ихъ содержанія, см. въ цитированной книгѣ анонимнаго англійскаго автора: The Pan-Germanic doctrine.

Къ его услугамъ существуетъ еще цѣлая литература романовъ. Въ повѣствовательной формѣ, обыкновенно сообщающей о томъ, что будетъ съ Европой и со всѣмъ міромъ черезъ 10, 20, черезъ 50 лѣтъ, свободно досказывается и то, что остается недосказаннымъ въ произведеніяхъ сухой прозы. И именно эта цѣль патріотическихъ мечтаній, апоѳеозъ грядущей великой Германіи, есть то, что больше всего привлекаетъ и манитъ массу, что создаетъ, сознательно или безсознательно главныя очертанія національнаго идеала.

Остановимся для образца, на нѣсколькихъ произведеніяхъ этого рода *). Передо мной книга довольно извѣстнаго нѣмецкаго публициста, Рудольфа Мартина, носящая эффектное заглавіе: „Берлинъ — Багдадъ". Всемірная германская имперія отъ Берлина до Багдада, не снившаяся и во снѣ Бисмарку и похожая на его твореніе „только по имени", такова мечта пангерманистовъ. Такова же мечта и Р. Мартина. Онъ относитъ осуществленіе этой мечты къ 1916 году. Надежда на осуществленіе германскаго всемірнаго владычества основана въ романѣ Мартина на всемо-

*) Въ послѣдней главѣ The Pangermanic doctrine также излагается нѣсколько болѣе старыхъ образчиковъ, тенденціи которыхъ совершенно совпадаютъ съ тенденціями романовъ, упоминаемыхъ мною. Вотъ заглавія сочиненій, изложенныхъ англійскимъ анонимомъ. Grossdeutschland und Mitteleuropa um das Jahr 1950; Germania triumphans, (событія происходятъ въ 1915 году). Dr. Eisenhart, Die Abrechunng mit England. Другія подобныя сочиненія см. въ приложенной авторомъ библіографіи.

гуществѣ германскаго воздушнаго флота. Правда, побѣда дается этому флоту не сразу. Романъ открывается разсказомъ о русской революціи 1913 года, разразившейся послѣ второй русско-японской войны и побѣды японскаго воздушнаго флота. Революція выдвигаетъ диктатора Михаила Суварова, далеко оставляющаго позади себя Наполеона. Михаилъ Суваровъ заводитъ собственную превосходную воздушную армію, съ ея помощью покоряетъ отдѣлившіяся отъ Петербурга „республики", возстановляетъ единство Россіи и основываетъ центръ своего господства въ Памирѣ. Но онъ сталкивается съ Германіей, которая беретъ подъ свою защиту непокоренныя Суваровымъ „республики" латышскую, польскую и украинскую. Суваровъ бомбардируетъ своимъ воздушнымъ флотомъ Берлинъ, наноситъ германской столицѣ страшныя потери, но застигнутый германскими воздушными кораблями, спасается въ Памиръ. Армія „молодого Куропаткина" капитулируетъ въ Варшавѣ, и 10 мая 1916 г. германскій канцлеръ заключаетъ съ русской республикой миръ отъ имени „германско-австрійской федераціи". За два дня до этого, „какъ въ 1871 году", германскій императоръ заключаетъ федеративный союзъ съ Австро-Венгріей, съ Турціей, съ Балканскими государствами. Изъ владѣній, отнятыхъ у Россіи, образуются „королевства" балтійское, польское и украинское, первые два подъ властью принцевъ изъ дома Гогенцоллерновъ. Кавказъ отдается султану. Монархи получаютъ голосъ въ федеральномъ совѣтѣ: прусскій король—17, австрійскій императоръ—9, венгерскій король—6, „балтійскій"—3, „польскій"—4.

Депутаты всѣхъ федерированныхъ государствъ посылаются въ берлинскій рейхстагъ, число членовъ котораго доходитъ до 1.000. Конечно, всѣ объединенныя государства процвѣтаютъ и довольны. Нѣмцы и поляки рады своему объединенію, султанъ заводитъ себѣ воздушный гаремъ. Месопотамія—превращается въ сплошной садъ подъ руководствомъ нѣмецкихъ колонистовъ и администраторовъ. Нѣмцамъ принадлежитъ половина голосовъ въ багдадскомъ „ландтагѣ". Разумѣется, воздушная армія остается „исключительной привиллегіей истинныхъ нѣмцевъ". Послѣ изображенія всѣхъ чудесъ новой эры, Мартинъ переходитъ къ описанію окончательнаго разсчета „Берлино-Багдадской федераціи" съ ея соперниками. Въ этомъ періодѣ, пятнадцать лѣтъ спустя послѣ „Варшавскаго мира", осуществляются и всѣ остальныя мечтанія пангерманцевъ. Начинается съ Голландіи, которая, боясь захвата японцами своихъ азіатскихъ колоній, добровольно отдается подъ покровительство Германіи, входя въ составъ самой Германской имперіи. Затѣмъ, въ качествѣ „базъ" для своего воздушнаго флота, Германія чувствуетъ нужду въ горныхъ вершинахъ Швейцаріи и Марокко. Швейцаріи предоставляется на выборъ присоединиться или къ германской имперіи или къ федераціи. Обсуждая эти вопросы, конференція въ Потсдамѣ рѣшаетъ кстати подѣлить Бельгію между Германіей и Франціей, отдать Англіи Конго, а Марокко и Персію присоединить къ германо-австрійской федераціи. Англія протестуетъ, но сдается передъ угрозой войны, тѣмъ болѣе что въ тоже время Суваровъ, успѣв-

шій сдѣлаться „царемъ“, нападаетъ съ своимъ воздушнымъ флотомъ на Индію. Чтобы отразить русское нашествіе, Англіи приходится обратиться къ помощи Германіи. Однако, эта помощь обходится недешево. 5 апрѣля 1931 г. между обоими государствами заключается конвенція, по которой Англія уступаетъ германской федераціи всѣ свои южно-африканскія владѣнія.

Конечно, всѣ узоры, вышитые плодовитымъ воображеніемъ Р. Мартина по этой канвѣ, носятъ самый фантастическій характеръ. Самая канва, однако, не представляетъ ничего фантастическаго. И авторъ отъ времени до времени считаетъ долгомъ напомнить читателю, что большая часть тѣхъ успѣховъ Германіи, о которыхъ онъ разсказываетъ, предсказывалась такими писателями, какъ Листъ, Рошеръ, де-Лагардъ, Родбертусъ и т. д., и что ко многому (Голландія, Польша, Прибалтійскій край, Тріестъ) стремился уже Бисмаркъ.

Большинство военныхъ романовъ описываемаго типа не идутъ такъ откровенно до самаго конца, какъ Р. Мартинъ. Содержаніе ихъ обыкновенно вращается около ожидаемаго столкновенія Германіи съ Англіей, кончающагося, послѣ разныхъ перипетій и временныхъ неудачъ, пораженіемъ Англіи и раздѣломъ колоній между побѣдителями. Львиная доля добычи достается, разумѣется, Германіи, осуществляющей всю пангерманскую программу завоеваній и аннексій. Два такихъ романа попались мнѣ даже въ русскомъ переводѣ съ нѣмецкаго: „Міровая война, фантазія германца“, А. Нимана и „Всемірная война (гибель англійскаго могущества)“, Зеештерна (послѣдній даже въ

двухъ переводахъ). Не буду излагать здѣсь ихъ содержанія, но остановлюсь еще на одномъ романѣ, который характеризуетъ настроеніе, вызванное этими воинственными планами у другой стороны. Въ нѣмецкой литературѣ разбираемаго типа одной изъ главныхъ темъ является—высадка непріятельскаго войска на берегахъ Англіи. Естественно, что эта опасность и является главнымъ предметомъ опасеній британской широкой публики. Тема эта обсуждается даже въ серьезныхъ военныхъ сочиненіяхъ *). Неудивительно, что она послужила предметомъ сенсаціоннаго романа, печатавшагося въ фельетонахъ „Daily Mail“ и вызвавшаго лестные отзывы со стороны короля Эдуарда, фельдмаршала Робертса, военнаго министра Голдена и др.

Авторъ романа, William Le Queux, начинаетъ свое повѣствованіе съ того достопамятнаго воскреснаго утра 1 сентября 1610 (романъ написанъ въ 1906 г.), когда два лондонскихъ журналиста, кончая на разсвѣтѣ экстренное изданіе газеты, вдругъ замѣтили перерывъ телеграфныхъ сообщеній со всего юго-востока. Черезъ нѣсколько часовъ дѣло выясняется. Германская армія нанесла англійскому флоту ударъ вродѣ того, который намъ нанесли японцы,—и высадилась на англійскомъ берегу. Журналисты ищутъ морское начальство. Но—день воскресный, и начальство отдыхаетъ на дачѣ.

---

*) Hislam, The admiralty of the Atlantic, 133—146. Ср. Fred. T. Iane Heresies of Sea-Power, (я пользовался нѣмецкимъ переводомъ гр. Ревентлова, Ketzereien über Seemacht. Lpz, 1907, стр. 147—158).

Пока его отыскиваютъ на автомобилѣ и находятъ за нѣсколько десятковъ миль отъ Лондона, пока отдаются спѣшныя распоряженія, нѣмцы пользуются переполохомъ и занимаютъ постепенно большую часть Англіи. Послѣ осады и бомбардировки Лондона, они овладѣваютъ столицей Великобританіи и конфискуютъ капиталы лондонскихъ банковъ. Но на югъ отъ Темзы организуется возстаніе, и нѣмцевъ выгоняютъ изъ Лондона. Тѣмъ не менѣе, по мирному договору Германія сохраняетъ за собой Голландію и Данію, занятыя ея войсками, обращаетъ въ свою собственность голландскія колоніи и отдаетъ Египетъ—Турціи. Мораль романа видна изъ его послѣднихъ строкъ. Таковы послѣдствія того, что англичане въ 1806 г. уменьшили свой военный и морской бюджетъ (см. ниже). Надо прибавить, что романъ Le Queux сопровождается рядомъ подробнѣйшихъ реляцій о предполагаемыхъ сраженіяхъ, съ картами и планами, что придаетъ ему дѣйствительный интересъ для военныхъ.

Ограниченіе вооруженій.

IX. Реальныя условія успѣха идеи мира.

Мы ознакомились теперь съ тѣми причинами, которыя затрудняютъ водвореніе мирныхъ отношеній между цивилизованными націями. Нельзя не видѣть, что все это—могущественныя причины, самыя сильныя, которыя можно себѣ представить. Національныя нужды дѣйствуютъ здѣсь въ одномъ направленіи съ выгодами и интересами самыхъ вліятельныхъ общественныхъ группъ. Инстинкты, предразсудки націй—все это вліяетъ въ томъ же самомъ направленіи,—въ направленіи подготовки къ войнѣ, въ лучшемъ случаѣ разрѣшающейся длительнымъ состояніемъ невыносимаго вооруженнаго мира. Что можно противопоставить всей этой совокупности могущественныхъ причинъ, всему этому сильнѣйшему напору, который дѣйствуетъ въ направленіи войны? Конечно, при извѣстной реальной обстановкѣ трудно вообще противопоставить что-либо серьезное инстинктивному стремленію къ захватамъ путемъ прямаго насилія. Представьте себѣ, что вы находитесь среди націи мало культурной, которая

только начинаетъ свое историческое существованіе и у которой борьба за существованіе выражается въ постоянной взаимной междоусобицѣ. Единственной формой борьбы въ такой средѣ будетъ война: война между тѣсными родовыми союзами сперва, война между болѣе или болѣе широкими соединеніями людей— впослѣдствіи. Въ такомъ состояніи общества рано и преждевременно было бы говорить объ устройствѣ взаимныхъ отношеній на началахъ хотя бы даже и „вооруженнаго“ мира. Мало того, война на этомъ уровнѣ культуры является тѣмъ факторомъ созиданія, тѣмъ институтомъ „божественнаго порядка“, который дѣйствуетъ и въ природѣ, по закону Дарвина. Весь вопросъ только въ томъ, можно ли законы „зоологическаго дарвинизма“ безъ всякихъ измѣненій прилагать къ человѣческой соціологіи. На этотъ вопросъ пацифисты, вмѣстѣ съ Кропоткинымъ и Новиковымъ, отвѣчаютъ отрицательно. Не всякая „борьба“ есть непремѣнно „война“. „Борьба“, быть можетъ, такъ же „вѣчна“, какъ человѣческое существованіе на нашей планетѣ. Но формы борьбы измѣняются вмѣстѣ съ культурой. И можно себѣ представить такую обстановку, въ которой война между политическими союзами окажется такимъ же анахронизмомъ, какимъ теперь представляется самосудъ и самоуправство между отдѣльными лицами. Тамъ, какъ и здѣсь, употребленіе открытой силы можетъ, въ концѣ концовъ, ограничиться состояніемъ „необходимой обороны“ *).

*) Развитіе этихъ мыслей см. у Fried a Handbuch, I, стр. 13 и 43.

Представьте себѣ, дальше, другое положеніе. Представьте, что населеніе земного шара состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ одна является цивилизованными націями, между которыми отношенія мира возможны, а другая является тѣмъ, о чемъ я только что упомянулъ,—племенами низшей культуры или безсознательной этнографической массой, которая служила и служитъ соблазнительнымъ предметомъ для раздѣла между культурными націями. Пока есть что̀ дѣлить, пока раздѣлъ земли продолжается, до тѣхъ поръ трудно говорить объ устройствѣ постоянныхъ мирныхъ отношеній. До тѣхъ поръ, пока претензіи державъ, первенствующихъ или руководящихъ, не пришли въ равновѣсіе, до тѣхъ поръ будетъ длиться и борьба за преобладаніе.

Но возможно спросить себя, однако: эта война всѣхъ противъ всѣхъ, или хотя бы этотъ раздѣлъ земли, раздѣлъ некультурныхъ націй между культурными—будетъ-ли продолжаться до безконечности? Очевидно, нѣтъ. Мы уже живемъ въ такое время, когда давнымъ давно прекратилось на всемъ земномъ шарѣ то состояніе, при которомъ слабо населенныя, пустыя пространства служили ареной для постоянныхъ массовыхъ переселеній народовъ. Періодъ первоначальнаго кочеванья и борьбы народовъ за новыя, лучшія мѣста навсегда прекратился. Число пустырей сократилось, и въ настоящее время границами между народами служатъ не лѣса, болота и пустыни, а мясо и кровь населенія, объединеннаго въ націи и сознающаго свою связь съ національнымъ цѣлымъ. Это наблюденіе, въ общемъ, вѣрно даже относительно того громаднаго міро-

ваго процесса, который въ теченіе тысячелѣтій давалъ сильный толчокъ для массовыхъ переселеній народовъ. Борьба человѣческихъ расъ за мѣста на земномъ шарѣ приходитъ къ концу. Бѣлой расѣ досталась львиная доля въ этой борьбѣ. Вычисляютъ, что теперь бѣлый человѣкъ занимаетъ въ десять разъ больше мѣста на землѣ, чѣмъ занималъ около времени Р. Х. Но этимъ разселеніе бѣлой расы уже доведено почти до крайнихъ возможныхъ предѣловъ. Географія и климатъ положили границу, за которую бѣлый человѣкъ уже можетъ переходить далѣе только въ качествѣ завоевателя, господина, а не въ качествѣ переселенца, грозящаго вытѣснить туземныя расы, истребить ихъ и занять ихъ мѣсто. Обширный „черный поясъ", тянущійся на пространствѣ 23 градусовъ широты на сѣверъ и на югъ отъ экватора, навсегда останется недоступенъ для обитанія бѣлаго человѣка. Сюда принадлежитъ и пустынный пока сѣверъ Австраліи, и вся Африка, за исключеніемъ крайней своей сѣверной и южной части. На 140 милліоновъ цвѣтного населенія Африки можно насчитать не болѣе $1^1/_2$ милл. бѣлыхъ, скопившихся на этихъ окраинахъ. Единственной частью свѣта, которая остается еще спорной—но и то не въ смыслѣ заселенія, а въ смыслѣ завоеванія, остается Азія. Но именно въ Азіи и обрисовывается съ особой наглядностью тотъ внутренній процессъ среди цвѣтныхъ расъ, который кладетъ предѣлъ дальнѣйшему наступательному движенію бѣлаго человѣчества.

Дѣло въ томъ, что цвѣтныя расы, которыми до сихъ поръ распоряжались по-хозяйски представители

высоко-культурной бѣлой расы—тоже не остались въ прежнемъ состояніи полной безсознательности и безпомощности. Они заимствовали технику націй, которыя на нихъ нападали или ими владѣли. Въ интересахъ самообороны, они выработали или вырабатываютъ и государственную организацію, и болѣе или менѣе сильную центральную власть, которая способна вести націю противъ врага. Національное самосознаніе цвѣтныхъ расъ именно подъ угрозой уничтоженія со стороны бѣлыхъ расъ проснулось и дѣлаетъ быстрые успѣхи. Быстрыми шагами развивается и ихъ культура.

Въ Азіи эти успѣхи являются наиболѣе чувствительными. Истекшее двадцатилѣтіе дало міру новую великую державу, Японію, которая сама уже мечтаетъ о завоеваніяхъ, о первенствѣ среди желтой расы и о преобладаніи на Тихомъ океанѣ. Но за Японіей, съ ея 65 милліонами населенія, поднимается Китай, съ 450 милліонами. Раздѣлъ Китая,—эта мечта, овладѣвшая европейскими націями въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка, теперь уже является несбыточной и опасной фантазіей. Быстро ростущее населеніе Китая еще не грозитъ никакимъ нашествіемъ бѣлой расѣ. Но оно уже твердо рѣшилось оберегать себя въ своихъ собственныхъ границахъ и выгнать, во что бы то ни стало, пришельцевъ изъ своей собственной земли. Правда, передъ европейской техникой Китай еще безсиленъ. Но это вопросъ нѣсколькихъ лѣтъ, быть можетъ десятилѣтій. И горько раскается тотъ, кто поспѣшитъ воспользоваться этой послѣдней отсрочкой для какихъ-нибудь захватовъ въ Китаѣ. Наиболѣе передовые изъ

европейцевъ, англичане, уже озабочены не новыми завоеваніями, а тѣмъ, какъ бы заблаговременно создать сильную оборонительную позицію противъ грядущихъ азіатскихъ имперіализмовъ. И они находятъ единственное средство обороны въ томъ, чтобы парализовать одинъ азіатскій имперіализмъ — другимъ; чтобы создать свою, независимую отъ Европы, систему азіатскаго равновѣсія. Ихъ писатели начинаютъ даже предлагать соотечественникамъ поступиться для этого своими старыми завоеваніями, вернуть Индіи, съ ея 310 милліонами, самую широкую самостоятельность, даже независимость *).

Такимъ образомъ, даже Азія,—эта послѣдняя угроза всемірному равновѣсію, перестаетъ быть приманкой для дѣлежа и ставитъ предѣлъ дальнѣйшему наступательному движенію бѣлой расы. Напомню, что только что упомянутыя три азіатскія государства, вмѣстѣ взятыя, заключаютъ въ себѣ половину всего человѣчества, населяющаго землю (825 милл. изъ 1.700 милл.), и что бѣлая раса составляетъ лишь треть всего этого населенія (600 милл. противъ 1.100 милл. цвѣтныхъ).

При болѣе быстромъ темпѣ размноженія цвѣтныхъ расъ ихъ перевѣсъ долженъ еще болѣе усилиться.

Итакъ не только эпоха дѣлежа земли приходитъ къ концу, но и подѣленныя уже или намѣченныя къ раз-

*) См. развитіе этихъ мыслей, не составляющихъ еще, конечно, достоянія всего англійскаго общественнаго мнѣнія, въ новой книгѣ извѣстнаго знатока Китая, Putnam Weale, The conflict of colour, London, 1910. Macmillan.

дѣлу территоріи противятся этому дѣлежу и стремятся вернуть себѣ полную независимость, находя опору этому своему стремленію въ быстро растущемъ національномъ самосознаніи и въ реальной потребности—сберечь свои земли для собственнаго, быстро растущаго населенія.

Такимъ образомъ складывается мало-по-малу та обстановка, которая составляетъ предварительное необходимое условіе для торжества идеи мира и для установленія между народами взаимнаго равновѣсія на какомъ-либо иномъ началѣ, чѣмъ открытая физическая борьба за первенство, за міровое преобладаніе. Но въ то же время, и въ самой Европѣ развиваются и становятся все сильнѣе внутреннія силы, дѣйствующія противъ войны.

Прежде всего, въ несравненно большей степени, чѣмъ границы между расами и государствами всего міра, границы между національными государствами цивилизованной Европы достигли состоянія почти полной устойчивости *). Предметомъ спора и соперничества остается только Юго-Восточной уголъ Европы. Здѣсь еще можно ждать въ ближайшемъ будущемъ новой вооруженной борьбы за національную независимость нѣкогда покоренныхъ народностей и за преобладаніе вліянія той или другой группы великихъ державъ. Но и этотъ предметъ разногласій является строго ограниченнымъ. И именно здѣсь можно особенно отчетливо наблюдать, какъ борьбѣ за преобла-

*) Ср. уже цитированное выше сочиненіе Schlief. Der Frieden in Europa, глава: Stabilität.

даніе противополагаются усилія для сохраненія равновѣсія. Какова бы ни была развязка этого частнаго спора, можно предвидѣть, что къ замѣтному нарушенію европейскаго равновѣсія она не поведетъ. Война наступательная, съ цѣлью торриторіальныхъ пріобрѣтеній, еще можетъ сохранять свою привлекательность въ области колоній. Но въ самой Европѣ такая война рѣшительно вышла изъ моды. Европейская война до такой степени противорѣчила бы современному состоянію взаимныхъ европейскихъ культурныхъ связей и высокой сложности европейскаго народнаго хозяйства и международнаго обмѣна, что одна мысль о ней вызываетъ все болѣе рѣшительное осужденіе общественнаго мнѣнія передовыхъ націй.

Я упомянулъ здѣсь только бѣгло о тѣхъ реальныхъ условіяхъ современной международной жизни, которыя надежнѣе всего ведутъ къ уменьшенію вражды и военныхъ столкновеній между народами. Къ этимъ условіямъ мы еще вернемся ниже. Мы увидимъ, какое сильное вліяніе имѣетъ при этомъ ростъ солидарности культурныхъ интересовъ между современными цивилизованными націями. Я упоминалъ уже раньше, какъ самая тяжесть, дороговизна и сложность войны приводятъ къ необходимости задолго къ ней готовиться и ограничиваетъ примѣненіе этого средства только самыми важными причинами. Произволъ и капризъ властителей, личныя увлеченія людей, стоящихъ у кормила правленія, тѣмъ менѣе оказываютъ теперь вліянія, тѣмъ менѣе оставляютъ риска для случайныхъ столкновеній, чѣмъ болѣе внѣшняя политика выходитъ

изъ сферы тайныхъ кабинетныхъ интригъ и становится доступной контролю общественнаго мнѣнія. Правда, тутъ являются новыя опасности со стороны коллективной психологіи массы съ ея извѣстными особенностями, съ ея способностью подчиняться гипнозу минутнаго настроенія, часто внушеннаго извнѣ. Но такъ или иначе, правильно или неправильно понятый, національный интересъ, а не династическія и личныя соображенія являются при этомъ мотивами столкновенія націй.

Въ итогѣ, нельзя отрицать, что уже самимъ стихійнымъ ходомъ вещей, также какъ и сознательными усиліями цивилизованныхъ націй создается мало-помалу обстановка, все болѣе благопріятная для мирнаго разрѣшенія разногласій между нарядами. Въ настоящее время обстановка эта благопріятнѣе, чѣмъ когда-либо прежде, такъ какъ вѣковое развитіе народовъ создало въ наше время условія, никогда прежде не существовавшія въ исторіи. При этихъ условіяхъ пересмотръ вопроса о мирѣ является не только существеннымъ и важнымъ – такимъ онъ былъ всегда—но и возможнымъ, и обѣщающимъ благопріятное разрѣшеніе. Естественно, что въ подобной обстановкѣ идея мира крѣпнетъ, становится на новое, твердое основаніе и мало по малу начинаетъ пріобрѣтать кредитъ даже у людей, до сихъ поръ считавшихъ эту идею утопіей, и даже вредной,—„сномъ, и притомъ совсѣмъ не прекраснымъ“ (выраженіе Мольтке).

X. Три ступени развитія идеи мира.

Идея мира не такъ стара, какъ фактъ войны. Но, все же идея эта имѣетъ весьма почтенную давность. И въ своемъ развитіи она прошла нѣсколько ступеней, которыя постепенно приблизили ее къ той твердой и окончательной постановкѣ, въ которой она является теперь передъ нами. Ничто, быть можетъ, не въ состояніи такъ успѣшно побороть недовѣріе и скептицизмъ къ идеѣ мира, какъ знакомство, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, съ этими прошлыми ступенями, пройденными и уже оставленными позади этой идеей въ ея постепенномъ развитіи.

Первая форма, въ которой является идея мира, есть форма моральнаго требованія, обращеннаго къ совѣсти человѣка, во имя предписаній религіи. Какъ всякое моральное требованіе, оно есть абсолютное и безусловное. Убійство есть грѣхъ. Война есть убійство, тѣмъ болѣе ужасное и возмутительное, если оно узаконено. Религіозно-нравственный протестъ противъ войны опирается на прямое ученіе Основателя христіанства. Такъ оно понималось многими отцами церкви и практиковалось первыми христіанами. Но ученіе Христа было вообще „не отъ міра

сего". Оно стояло внѣ государства, и уже римскіе современники и враги христіанства трактовали его, какъ ученіе противогосударственное. Позднѣе, когда церковь вошла въ государственныя рамки, и война была санкціонирована церковной властью. Но всегда оставались кружки и секты, которые съ этимъ толкованіемъ не соглашались. Черезъ рядъ этихъ сектъ, стремившихся къ возстановленію духа и ученія первоначальнаго христіанства, христіанскій протестъ противъ войны дошелъ и до нащего времени. Только недавно онъ воплотился въ ученіе о „непротивленіи злу" величайшаго изъ нашихъ писателей. Какъ безусловное требованіе вѣры и совѣсти, это ученіе не боялось вступать въ борьбу съ законами и требованіями государства, вызывая преслѣдованія и создавая жертвы. Послѣдовательно развитое, оно есть вообще отрицаніе закона и государства во имя свободнаго общенія людей въ духѣ любви и братства.

При всей нравственной высотѣ и красотѣ этого ученія, при всемъ несомнѣнномъ и огромномъ значеніи его для созданія настроеній, благопріятствующихъ дѣлу мира, проповѣдь мира, какъ извѣстнаго правоваго порядка человѣческихъ отношеній, не можетъ стать на точку зрѣнія „непротивленія". Наша ближайшая задача есть не упразднить законы и право, сдѣлавъ ихъ ненужными и уничтоживъ всѣ перегородки между людьми. Наша задача, напротивъ, создать и укрѣпить эти перегородки, ограждающія кругъ личнаго дѣйствія каждаго и дѣлающія его неприступнымъ въ этомъ собственномъ кругѣ проявленій

его воли. Свободная личность, защищаемая правомъ, есть личность, огражденная извнѣ, поставленная подъ защиту закона и права. Защита эта только и можетъ быть—защита силой. „Противленіе злу“ въ извѣстныхъ случаяхъ есть гражданскій долгъ и обязанность. Безъ защиты права самими носителями этого права не можетъ водвориться то торжество закона и права, которое есть ближайшая задача усовершенствованнаго обшежитія.

Надо прибавить къ сказанному, что миръ, основанный на совѣсти, война, отрицаемая во имя требованій морали—это и есть то пониманіе войны и мира, которое вызвало законное недовѣріе и сомнѣніе со стороны противниковъ „пацифизма“. Именно такая проповѣдь и давала оправданіе очень распространенному взгляду на защитниковъ мира, какъ на утопистовъ, безпочвенныхъ моралистовъ, людей „не отъ міра сего“.

Такой взглядъ могъ бы имѣть основаніе, если бы проповѣдь мира ограничивалась морально-религіознымъ требованіемъ или хотя бы смотрѣла на него, какъ на свое главное оружіе. Но дѣйствительность не соотвѣтствуетъ этому представленію о „пацифистахъ“. Уже очень давно проповѣдь мира была поставлена и на другія основанія, болѣе реальныя. Если нельзя основать мира на велѣніи совѣсти, то нельзя-ли основать миръ на началѣ прямо противоположномъ, на силѣ?

Этотъ взглядъ появлялся всякій разъ, какъ жизнь создавала для него подходящую обстановку. То, что

оказывалось невозможно для моралиста, быть можетъ,моглобыть осуществлено завоевателемъ? Завоеватели всѣхъ временъ, дѣйствительно, провозглашали идею общаго мира, какъ послѣднюю цѣль и оправданіе своихъ завоеваній. Плутархъ уже приписываетъ эту цѣль—соединить людей въ одномъ всемірномъ согласіи и гармоніи—завоевателю древности, Александру Македонскому. Римская имперія тоже освѣжила на время идею „римскаго мира". Въ средніе вѣка эта дѣйствительность превратилась въ мечту о возстановленіи имперіи, какъ всемірной „монархіи", обезпечивающей человѣчеству миръ. Идея такой „монархіи", какъ извѣстно, развивалась великимъ поэтомъ средневѣковья, Данте. Но и въ наше время идея всемірнаго мира возрождалась не разъ въ связи съ идеей всемірнаго владычества. Отголоски ея мы видимъ у Наполеона. Къ ней же, сознательно или безсознательно, возвращается талантливый идеологъ и властитель германской „Имперіи", умѣющій соединять гимны въ честь мира съ безпрерывной подготовкой къ войнѣ.

Однако же, идея универсальной власти есть, по существу, идея господства одной націи надъ всѣми другими. Это есть идея національнаго избранничества. Быть можетъ, она льститъ самолюбію народа, увлекающагося этой идеей, поддерживаетъ въ немъ самомнѣніе и самоувѣренность... Но это идея не нашего времени. Ибо дѣйствительность и опытъ исторіи показываютъ, что всемірное владычество одного народа надъ другими есть не меньшая утопія, чѣмъ идея мира,

основаннаго на добровольномъ, братскомъ согласіи человѣчества,—но только гораздо болѣе опасная. Современность не мирится съ первенствомъ, а требуетъ мирнаго сожитія народовъ, основаннаго по крайней мѣрѣ, на теоретическомъ признаніи ихъ взаимной независимости и принципіальнаго равенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ и идея мира должна принять третью форму: не мира, основаннаго на совѣсти и свободѣ, и не мира, основаннаго на силѣ и порабощеніи, а мира, основаннаго на добровольномъ согласіи.

Первая мысль о такомъ обоснованіи идеи мира является тоже довольно давно. Она возникаетъ, какъ только складывается для нея благопріятная обстановка: сосуществованіе нѣсколькихъ централизованныхъ государствъ Европы, отношенія между которыми могутъ быть устроены на началахъ взаимнаго равновѣсія и равенства. Но въ своемъ развитіи и эта мысль проходитъ двѣ различныя фазы.

Первая изъ нихъ была очень ярко выражена уже въ 1623 году, за два года до появленія знаменитаго трактата Гуго Гроція de jure pacis et belli, въ небольшомъ памфлетѣ, „Новый Киней", авторомъ котораго былъ Эмерико Круче. Для уничтоженія войны и для установленія свободы торговли Круче предлагалъ избрать „городъ, въ которомъ всѣ государи постоянно держали бы своихъ пословъ, съ тѣмъ чтобы разногласія, могущія возникнуть, были разрѣшаемы сужденіемъ всего собранія".

Какъ извѣстно, теперь мечта Круча близка къ осуществленію. Городъ, въ который государства посы-

лаютъ своихъ пословъ для разрѣшенія разногласій, существуетъ. Онъ называется Гаагой. Правда, вмѣсто „постояннаго“ собранія имѣется пока лишь списокъ третейскихъ судей, изъ которыхъ можно выбирать составъ суда,—и компетенція этого трибунала пока еще очень ограничена. Но принципъ уже принятъ теперь, а полнота его примѣненія есть лишь вопросъ времени. Однако, прежде чѣмъ надежды Круче стали на этотъ путь практическаго осуществленія, нужно было исполниться одному предварительному условію. Нужно было, чтобы внутренній строй европейскихъ державъ принялъ видъ, безъ котораго правовое объединеніе націй было невозможно. Круче обращался къ „суверенамъ“. Гарантіей того, что они согласятся подчиниться рѣшеніямъ международнаго трибунала, было у него только то, что непослушный „заслужитъ неодобреніе (disgrâce) всѣхъ другихъ государей, которые найдутъ способъ привести его въ разумъ“. Очевидно, такой санкціи было недостаточно. И, вѣкъ спустя, аббатъ С. Пьеръ придумалъ новый мотивъ. Въ своемъ „мемуарѣ, какъ сдѣлать миръ постояннымъ въ Европѣ“ (1707—12), Сенъ-Пьеръ тоже обращался къ монархамъ. Но онъ полагался не на ихъ благоразуміе, а на разсчетъ ихъ выгоды. Ихъ союзъ долженъ былъ не только гарантировать имъ ихъ владѣнія, но и застраховать ихъ противъ возмущеній ихъ собственныхъ подданныхъ. Это былъ уже первый набросокъ священнаго союза. И затѣмъ, возобновляя предложеніе Круче, С. Пьеръ добавлялъ, что половина дохода, который будетъ сбереженъ изъ военнаго бюджета „послѣ общаго

замиренія", должна быть обращена „на частные и домашніе расходы" государей. Однако, именно это обращеніе къ частичнымъ мотивамъ и подчеркнуло еще разъ слабую сторону плана, основаннаго на усмотрѣніи неограченныхъ монарховъ. До тѣхъ поръ, пока націи и государства считались собственностью монарховъ, ихъ вотчиной, было трудно говорить о созданіи правовыхъ отношеній между народами. Только тогда, когда каждое отдѣльное государство превратилось въ правовое, сдѣлалось субъектомъ, а не объектомъ права, стало возможно основать на правѣ и взаимныя отношенія націй. Такимъ образомъ, и основать идею мира на соглашеніяхъ можно было лишь тогда, когда соглашеніе это могло быть заключено отъ имени народовъ, а не властителей. Именно на эту точку зрѣнія сталъ Руссо, въ своей критикѣ аббата С. Пьера. А вслѣдъ за Руссо еще принципіальнѣе обосновалъ тотъ же взглядъ объ автономной личности государствъ—Кантъ *).

Итакъ, вотъ тотъ окончательный видъ, который приняла теорія общаго мира, со времени Руссо и Канта. Международный миръ, по этой теоріи, могъ быть созданъ только путемъ правовой надстройки надъ правовыми государствами, только правовой международной организаціей цивилизованныхъ націй.

---

*) См. для всего предыдущаго, кромѣ книгъ Шлифа и Дюбуа, небольшую, но поучительную книжку Giorgio del Vecchio, prof. nell. Universita di Messina. Il fenomeno della guerra e l'idea della pace. Torino. 1911.

XI. Международная организація человѣчества.

Возможно ли однако созданіе международнаго правового организма? Не есть ли это тоже утопія, вродѣ мира, основаннаго на совѣсти, или мира, основаннаго на всемірномъ владычествѣ?

Отвѣтить на это легко. Въ возможности организаціи цивилизованнаго человѣчества сомнѣваться поздно. Эта организація даже и въ настоящее время, несмотря на весь хаосъ и анархію международныхъ отношеній, есть уже совершившійся фактъ. Человѣчество уже организовано въ цѣломъ рядѣ отношеній. Съ каждымъ годомъ нити этой организаціи становятся гуще и крѣпче. Возьмемъ для примѣра область международныхъ сообщеній. Это та область, которая особенно сблизила между собой всѣ части міра и связала ихъ въ одинъ общій организмъ, части котораго чувствительно реагируютъ на все, что происходитъ въ каждой точкѣ этого организма. Франклинъ въ 1775 г. употребилъ 42 дня, чтобы переплыть черезъ Атлантическій океанъ. Еще въ серединѣ XIX в. на этотъ переѣздъ требовалось двѣ недѣли. Теперь лучшіе океанскіе пароходы англійскихъ и германскихъ линій перевозятъ въ Нью-Іоркъ меньше чѣмъ въ 5 дней.

Самое количество сообщеній увеличилось непомѣрно. Въ 1820 г. въ цѣломъ свѣтѣ числилось 6 пароходовъ. Въ 1860 ихъ стало 820. А въ 1908 г. ихъ было 20.746. И вмѣсто сотенъ и тысячъ тоннъ прежнихъ пароходовъ, теперешніе океанскіе пароходы вмѣщаютъ уже десятки тысячъ тоннъ. Не менѣе грандіозный переворотъ находимъ и въ развитіи желѣзно-дорожной сѣти. Вмѣсто 38.000 километровъ рельсоваго пути, насчитывавшихся въ 1850 г., теперь это число уже подходитъ къ милліону. Провозъ удешевился въ 20 и болѣе разъ. Къ такому же удешевленію стремится и почтовая пересылка. Всемірный почтовый союзъ охватывавшій въ годъ своего основанія (1875) 332 милліона обитателей земнаго шара, теперь обнимаетъ 1.150 милліоновъ, т. е. двѣ трети всего человѣчества. Почтовая корреспонденція числится десятками милліардовъ, телеграфная—сотнями милліоновъ, грандіозныя всемірныя организаціи новостей печати, техника иллюстрацій, кинематографы совершенно уничтожили разстоянія между самыми отдѣленными точками земнаго шара. Сокращеніе разстояній и облегченіе сношеній радикально измѣнили положеніе всемірнаго рынка. Цѣна золота въ Буэносъ Айресѣ, урожай хлѣба въ Австраліи, сборъ шерсти въ Соединенныхъ Штатахъ, убой скота въ Чикаго немедленно отзываются на уровнѣ цѣнъ въ Берлинѣ и въ Парижѣ, въ Вѣнѣ и въ Будапештѣ. Міровая торговля, составлявшая 29 милліардовъ въ 1860 г. теперь превосходитъ 123 милліарда. Соотвѣтственно повысилась и производительность труда. Рабочій въ бумагопрядильномъ производствѣ теперь можетъ въ

три дня при десятичасовомъ трудѣ создать такое же количество товара, на какое въ 1840 г., ему нужно было потратить цѣлый годъ при четырнадцати часахъ работы въ сутки. Увеличилось, разумѣется въ огромныхъ размѣрахъ, и потребленіе.

Естественно, что весь этотъ гиганскій ростъ поводовъ и способовъ для взаимнаго общенія человѣчества долженъ былъ создать совсѣмъ новую область международной жизни, съ своими особыми учрежденіями и бюрократіей. Въ настоящее время, такія проявленія международнаго общенія, какъ почта, телеграфъ, пассажирское и торговое движеніе, торговые договоры и желѣзнодорожные тарифы, подводные кабели, маяки и морскіе сигналы, пользованіе рѣками, проливами и морями, все это уже регулировано международными соглашеніями, союзами и организаціями. Но и этимъ, далеко, не ограничивается сфера отношеній, регламентированныхъ международно. Область правовыхъ отношеній, уголовнаго и частнаго права, выдача преступниковъ, бракъ, разводъ, опека, область отношеній экономическихъ и соціальныхъ, какъ охрана рабочаго труда, выпускъ сахара, область внѣшней и внутренней культуры, уничтоженіе торговли рабами и человѣческимъ товаромъ, санитарный надзоръ противъ заразныхъ болѣзней—все это устанавливается въ наше время международными учрежденіями. Число правительственныхъ конгрессовъ, собирающихся для регулированія всѣхъ перечисленныхъ и другихъ подобныхъ вопросовъ, постоянно увеличивается. За тридцать лѣтъ съ середины прошлаго столѣтія (1850—80) ихъ было 28,

за слѣдующія двадцать (1880—1900) уже 48, а за десять лѣтъ нашаго вѣка 49. Въ той же пропорціи растетъ и свободное общеніе культурнаго человѣчества по всевозможнымъ интересующимъ его вопросамъ научнаго, моральнаго и техническаго характера. Такихъ международныхъ конгрессовъ было, за 40 лѣтъ съ 1840 по 1880 гг. 247. За послѣдніе 20 лѣтъ XIX вѣка уже—445. А за первое десятилѣтіе 20-го вѣка насчитываютъ уже 790 конгрессовъ. Выработалась уже и нѣкоторая зачаточная система международнаго управленія. Около трехъ дюжинъ постоянныхъ международныхъ должностей, комиссій и центральныхъ управленій уже функціонируютъ въ наше время *). И немудрено, если даже такой осторожный цѣнитель развитія международнаго права, какъ императоръ Вильгельмъ II, принужденъ былъ признаться въ 1904 г., въ своей рѣчи въ Куксгавенѣ: „Солидарность между людьми культурныхъ странъ постепенно дѣлаетъ успѣхи въ самыхъ различныхъ областяхъ...и эта солидарность незамѣтно, но и неудержимо“ переходитъ въ программу государственныхъ дѣятелей.

„Незамѣтно, но и неудержимо“. Мы вспомнимъ эти слова, когда увидимъ, какъ они оправдываются на самомъ имп. Вильгельмѣ, какъ разъ въ той области, къ которой онъ относился съ сугубой осторожностью: въ области сознательнаго и намѣреннаго созданія правовой международной организаціи.

*) См. Alfr. Fried, Das Internationale Leben der Gegenwart. Его же Annuaire de la vie internationale IV годъ 1908—1909. Bruxelles. Его же Handbuch, I, 26—40, 122—135 и брошюра: Internationalismus und Patriotismus.

XII. **Организаціи борьбы за правовую организацію народовъ.**

Я не могу, здѣсь, къ сожалѣнію, разсказать этой уже достаточно долгой и богатой событіями исторіи со всей подробностью, какой она заслуживаетъ *). Скажу только, что борьба за правовую организацію человѣчества сама ведется уже организованнымъ и систематическимъ образомъ. Многочисленныя существующія организаціи, объявившія „войну—войнѣ", охватываютъ все цивилизованное человѣчество, находясь другъ съ другомъ въ постоянной, правильно организованной связи. „Общества мира", „междупарламентскій союзъ третейскаго суда" и наконецъ, гаагскія конференціи правительствъ составляютъ три послѣдовательныя ступени развитія всего движенія въ пользу мира Эти учрежденія являются, въ то же время, тремя этажами стройнаго зданія пацифизма.

Основной фундаментъ и, такъ сказать, нижній этажъ

---

*) Сжатый, но очень содержательный очеркъ исторіи движенія до 1906 г. даетъ Fried въ своей популяризаціи: Die moderne Friedensbewegung. Подробнѣе см. въ его же Handbuch der Friedensbewegung, 2-е изданіе, гдѣ обзоръ фактовъ доведенъ до послѣдняго момента (1911).

широко развѣтвленной пацифистской организаціи, такъ называемыя „общества мира“, скоро будутъ насчитывать уже цѣлое столѣтіе существованія *). Обязанные своимъ происхожденіемъ преимущественно религіознымъ и моральнымъ побужденіямъ, „общества мира“ привлекли съ теченіемъ времени все болѣе разнообразный и обширный составъ членовъ. Международные конгрессы этихъ обществъ восходятъ своимъ началомъ къ 1848—9 гг. Съ 1888 г. они становятся постоянными и періодическими, выдѣляя (1891) правильно-функціонирующій исполнительный органъ, бюро въ Бернѣ. Однако же, именно разнообразіе состава, широта, смѣлость и связанная съ этимъ отвлеченность постановки вопросовъ и принимаемыхъ резолюцій лишили конгрессы мира непосредственнаго вліянія на выработку нормъ международныхъ правовыхъ отношеній и вызвали извѣстное недовѣріе къ нимъ въ сферахъ, профессіонально занятыхъ текущими вопросами международнаго права. Поэтому, давно уже среди друзей мира чувствовалась потребность создать болѣе отвѣтственную и близкую къ текущей политикѣ международную организацію мира. Болѣе смѣлымъ эта организація рисовалась, какъ полный международный парламентъ, облеченный правами **). Болѣе осторож-

*) Первое общество мира основано въ 1815 г. въ Ньюіоркѣ, по иниціативѣ квакера Давида Додджа. Въ слѣдующемъ 1816 основано первое европейское общество въ Лондонѣ квакерами Алленомъ и Прайсомъ. См. Fried. Friedensbewegung, 63.

**) Въ этомъ смыслѣ уже въ 70 годахъ XIX вѣка высказывались испанскій депутатъ Маркоарту, Edmond Thiaudière на

ные, какъ другъ Кобдена и Гладстона Henry Richard, секретарь лондонскаго общества мира, и бельгійскій депутатъ Кувреръ, предпочитали ограничиться періодическимъ совѣщаніемъ небольшого кружка заинтересованныхъ членовъ разныхъ парламентовъ, чтобы подготовлять параллельные практическіе шаги представительства разныхъ странъ *). Практически рѣшеніе вопроса пошло по средней линіи. По иниціативѣ секретаря „рабочаго общества мира", W. Randall Cremer'a, Фредерикъ Пасси устроилъ (31 октября 1888) предварительное совѣщаніе англійскихъ и французскихъ парламентаріевъ. На этомъ „историческомъ" совѣщаніи, на которомъ присутствовали 9 англичанъ и 31 французъ, единогласно основанъ былъ „междупарламентскій союзъ третейскаго суда и мира", и назначенъ первый его конгрессъ въ Парижѣ, во время выставки 1889 г. Въ текущемъ году, въ Римѣ собирается уже 17-й конгрессъ междупарламентскаго союза, и число его участниковъ, навѣрное, приблизится къ тысячѣ. За этотъ промежутокъ междупарламентскій

парижскомъ конгрессѣ мира 1878 г., швейцарскій профессоръ международнаго права Александръ Laya на конгрессѣ 1879 г. и т. д.

*) См. письма Richard'a и Couvreur'a въ мемуарахъ Frédéric Passy, Pour la Paix, Paris, Charpentier, 1909. Стр. 93—95 и 217—220 «Au lieu d'une conférence nous entendions créer un cénacle dans lequel nous n'aurions admis qu'une élite de parlementaires, auteurs de propositions concertées à l'avance, et se réunissant une fois par an pour délibérer en secret sur les questions à introduire dans leurs parlements respectifs».

союзъ получилъ правильное устройство, создалъ свой органъ, далъ толчекъ къ образованію національныхъ группъ союза во всѣхъ парламентахъ міра. Члены союза, въ качествѣ парламентскихъ дѣятелей разныхъ странъ, явились посредниками между центральной организаціей союза и отдѣльными правительствами. Рядъ резолюцій, принятыхъ конгрессами союза *), оказалъ несомнѣнное вліяніе на разработку интересующихъ союзъ вопросовъ международнаго права. Ростъ вліянія междупарламентскаго союза сказался и въ оффиціальныхъ знакахъ вниманія правительствъ и главъ государствъ, въ которыхъ поочередно засѣдаетъ конгрессъ, къ его дѣятельности. Большая часть денежныхъ взносовъ на содержаніе центральныхъ органовъ и на расходы по текущей дѣятельности союза дѣлается не парламентскими группами союза, а непосредственно, самими правительствами.

Разумѣется, при всемъ своемъ вліяніи, междупарламентскій союзъ не есть „парламентъ міра". Но это уже и не простая организація свободныхъ „обществъ мира". На базисѣ этихъ обществъ междупарламентскій союзъ явился вторымъ этажемъ международной постройки. Зданіе оставалось бы, однако,

---

*) Сборникъ этихъ резолюцій только что появился въ новомъ (2) изданіи, съ предисловіемъ и библіографіей генер. секретаря союза, Chr. L. Lange, Résolutions des conférences et décisions principales du Conseil, 1911, Misch et Thron. Съ предыдущаго изданія (1905) И. Н. Ефремовымъ, сдѣланъ русскій переводъ: Постановленія конференцій и совѣта союза, уставъ союза. СПБ. 1908.

недостроеннымъ, если бы вслѣдъ за свободнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія и за свободнымъ обмѣномъ мыслей отвѣтственными политиками разныхъ странъ не были организованы и правильныя сношенія по вопросамъ мира между самими представителями правительствъ, рѣшенія которыхъ могли непосредственно служить матеріаломъ для выработки положеній дѣйствующаго международнаго права.

Эту цѣль, конечно, и имѣли парламентаріи, какъ представители законодательной власти. Любопытно, что первая мысль о междупарламентскихъ совѣщаніяхъ именно и возникла изъ желанія согласовать законодательную иниціативу различныхъ палатъ по кореннымъ вопросамъ мира. Такимъ кореннымъ вопросомъ Henry Richard'у и его друзьямъ, уже въ 1878—1884 гг., представлялся вопросъ объ ограниченіи вооруженій *). По конфиденціальнымъ сообщеніямъ Куврера, уже тогда (1884) „составлялось нѣчто вродѣ дипломатическаго совѣщанія, если и не вполнѣ оффиціальнаго, то все же предполагавшаго дѣйствовать съ разрѣшенія правительствъ, съ цѣлью изученія вопроса объ

*) Въ 1878 г. Richard предлагаетъ (быть можетъ, передавая желаніе Вирхова) de réunir quelques membres des différents parlaments européens, en vue d'examiner la question du désarmement. Въ 1884 г. Richard пишетъ William Jones'у и Frédéric Passy, «qu'il serait désirable de réunir un certain nombre de representants des différents Parlements de l'Europe, afin de discuter ensemble au sujet de la question des armements, ef d'étudier la possibilité d'agir respectivement, dans ce but, dans nos différentes Chambres.

ограниченіи вооруженій. Трудности, къ которымъ приводитъ постоянный ростъ бюджетовъ европейскихъ націй, заставляютъ правительства задуматься. Движеніе началось въ Австріи, будетъ поддержано Манчини, отъ имени Италіи; Жюль Ферри, когда къ нему обратились, отвѣтилъ, что французск;е дефициты не внушаютъ тревоги, но онъ готовъ войти въ разсмотрѣніе предложенія подъ условіемъ компенсаціи для Франціи".

Послѣднія слова Жюля Ферри, звучащія еще рѣзче въ подлинномъ текстѣ, сами по себѣ показываютъ, почему попытка пацифистовъ на этотъ разъ заглохла. Когда въ январѣ 1887 г. Фредерикъ Пасси внесъ въ палату предложеніе, чтобы правительство пользовалось всѣми благопріятными случаями для возбужденія переговоровъ съ другими правительствами объ улаженіи международныхъ столкновеній путемъ посредничества, то парламентская коммисія рѣшила оставить предложеніе безъ разсмотрѣнія, такъ какъ невозможно предаваться подобнымъ иллюзіямъ, въ виду общихъ приготовленій къ войнѣ. Однако, уже въ 1889 г. лордъ Сольсбери вновь поднялъ вопросъ. По его порученію былъ составленъ мемуаръ, въ которомъ указывалось, между прочимъ, что въ шесть лѣтъ (1882—88) семь главныхъ европейскихъ державъ истратили на морскія и сухопутныя вооруженія больше $9^1/_2$ милліардовъ рублей. Приготовленный для кабинета, мемуаръ былъ сообщенъ, германскому императору. Онъ произвелъ на императора такое впечатлѣніе, что частнымъ образомъ Вильгельмъ II далъ знать о своемъ намѣреніи созвать европейскій конгрессъ „съ цѣлью об-

судить практическія мѣры для обезпеченія общаго мира". Лѣтомъ 1891 года германскіе оффиціозы уже принялись подготовлять общественное мнѣніе. Но затѣмъ намѣреніе это было оставлено, какъ сообщаютъ, вслѣдствіе неблагопріятнаго отношенія Франціи. Вскорѣ, однако, въ 1894 г., въ печати заговорили, „изъ вѣрныхъ источниковъ", о намѣреніи имп. Александра III, „что нибудь сдѣлать для облегченія невыносимой тягости военныхъ вооруженій". Еловицъ сообщилъ по этому поводу разговоръ датскаго короля съ испанскимъ государственнымъ дѣятелемъ. M-me Новикова написала горячій призывъ въ Westminster Gazette, а W. Stead въ Review of Reviews призывалъ „англійскую демократію" взять на себя иниціативу возбужденія вопроса объ одновременномъ сокращеніи вооруженій, имѣя въ виду, что „царь серьезно желаетъ дѣйствовать въ этомъ направленіи, какъ только представится удобный случай". Дѣйствительно, англійское правительство предприняло ожидавшійся отъ него практическій шагъ. Лордъ Розбери обратился къ бар. Сталю съ предложеніемъ, чтобы русское правительство приняло на себя иниціативу созыва конференціи для ограниченія вооруженій. Предложеніе было принято сочувственно, но моментъ признанъ неудобнымъ, въ виду начавшейся войны между Китаемъ и Японіей. Кончина имп. Александра III положила конецъ переговорамъ. Наконецъ, послѣдній толчокъ данъ былъ въ 1896—7 гг., опять таки, дѣятельностью междупарламентскаго союза и англійскихъ государственныхъ дѣятелей Русскій дипломатъ Базили присутствовалъ

на засѣданіяхъ междупарламентской конференціи въ Будапештѣ, серьезно заинтересовался ими и сдѣлалъ соотвѣтственный докладъ министерству иностр. дѣлъ. Докладъ не вызвалъ сочувствія. Но послѣ рѣчи Сольсбери въ ноябрѣ 1897 г., гдѣ высказывалась надежда, что „постепенно удастся побудить державы мирно сговариваться о всѣхъ предметахъ разногласій и наконецъ соединить ихъ въ какой нибудь международной конституціи", Базили возобновилъ свои представленія о международномъ соглашеніи по поводу разрушеній. На этотъ разъ докладу былъ данъ ходъ: гр. Ламсдорфъ, доложилъ о немъ государю. Около этого же времени былъ принятъ государемъ упоминавшійся раньше банкиръ Бліохъ, и его одушевленная проповѣдь противъ войны должна была, конечно, произвести извѣстное впечатлѣніе въ томъ же направленіи *).

---

*) Генезисъ рескрипта 24 августа 1898 г. подробно изложенъ въ книгѣ W. Stead, The United States of Europe, London, 1899, Doubleday and Mc Clure, стр. 256—265. См. его же: La chronique de la conférence, de la Haye 1899. La Haye 1900. Въ качествѣ характернаго документа этого періода агитаціи позволю себѣ привести еще англійскій «меморіалъ» 1894 г., покрытый 35.000 подписей, въ томъ числѣ Бальфура, Герберта Спенсера и цѣлаго ряда выдающихся лицъ, и представленный парламенту. «Постоянный и безпрепятственный ростъ европейскихъ вооруженій достигъ въ настоящее время такого предѣла, который вынуждаетъ на какое-либо совмѣстное дѣйствіе, чтобы добиться освобожденія отъ него. Тягость военныхъ и морскихъ расходовъ грозитъ государствамъ банкротствомъ, парализуетъ промышленность и приводитъ къ обѣднѣнію населенія, отвлекая на разорительныя приготовленія къ убійству тѣ средства, кото-

рыя могли бы быть использованы для цѣлей соціальныхъ улучшеній и реформъ. Это гибельное соперничество вооруженій является неизбѣжнымъ, хотя и печальнымъ результатомъ отсутствія какого-бы то ни было международнаго соглашенія. Только международный сговоръ можетъ остановить его. Мы поэтому почтительно, но серьезно предлагаемъ, чтобы были предприняты сношенія съ европейскими державами, съ цѣлью удостовѣриться, не было ли бы возможно, въ качествѣ перваго шага къ тому, чтобы остановить дальнѣйшій ростъ вооруженій и сократить тягости, почти невыносимыя, придти къ взаимному и общему соглашенію, по которому до конца столѣтія ни одно государство не будетъ увеличивать своихъ военныхъ и морскихъ расходовъ выше цифръ текущаго года, какъ максимума». Этотъ планъ—остановка роста военныхъ бюджетовъ на 5 лѣтъ—рисовался тогда большинству, какъ такой практическій шагъ, который можетъ принять первая гаагская конференція. Ср. Stead, о. с. Онъ же, какъ увидимъ, былъ дѣйствительно предложенъ на конференціи русскимъ правительствомъ.

XIII. **Русскій циркуляръ 24 августа 1899 года.**

Таково происхожденіе знаменитаго циркуляра 24 августа 1899 года. Послѣ ряда только что перечисленныхъ неудачныхъ попытокъ, давняя цѣль обществъ мира и междупарламентскаго союза была, наконецъ, достигнута. Циркуляромъ имп. Николая II зданіе междупарламентской организаціи увѣнчано. Положена первая основа „международной конституціи": созданы гаагскія конференціи. Въ яркихъ и сильныхъ выраженіяхъ этотъ достопамятный документъ формулировалъ все то, о чемъ многократно говорилось на конгрессахъ и конференціяхъ мира, въ рѣчахъ на банкетахъ и въ циркулярахъ къ правительствамъ. Впрочемъ, ничто не можетъ такъ хорошо передать оптимизмъ и широкій идейный размахъ циркуляра, какъ его подлинный текстъ.

„Поддержаніе общаго мира и возможное сокращеніе чрезмѣрныхъ вооруженій, тяготѣющихъ надъ всѣми народами, представляется, при существующемъ положеніи всего міра, идеаломъ, къ достиженію котораго должны быть направлены усилія всѣхъ правительствъ. Къ этому взгляду склонились гуманныя и великодушныя воззрѣнія Его Величества. Въ убѣжденіи, что эта

высокая цѣль отвѣчаетъ самымъ насущнымъ интересамъ и законнымъ стремленіямъ всѣхъ державъ, Императорское правительство полагаетъ, что настоящій моментъ былъ бы очень благопріятенъ для изысканія, путемъ международнаго обсужденія, наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ обезпечить всѣмъ народамъ блага реальнаго и прочнаго мира и, прежде всего, положить конецъ постоянному усиленію существующихъ вооруженій. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ стремленіе къ общему примиренію особенно сильно обнаружилось въ сознаніи цивилизованныхъ націй. Сохраненіе мира было поставлено главной цѣлью международной политики. Во имя его великія державы заключили между собой могущественные союзы. Для лучшаго обезпеченія мира они развили въ небывалыхъ доселѣ размѣрахъ свои военныя силы и продолжаютъ увеличивать ихъ, не останавливаясь ни передъ какими жертвами. Однако же, всѣ эти усилія не были въ состояніи достигнуть благодѣтельныхъ результатовъ желаемаго примиренія. Финансовыя тяжести, постоянно усиливающіяся, поражаютъ народное благосостояніе въ самомъ его источникѣ. Духовная и физическая сила націй, трудъ и капиталъ, въ большей своей части отвлекаются отъ естественнаго назначенія и тратятся непроизводительно. Сотни милліоновъ жертвуются на пріобрѣтеніе страшныхъ орудій разрушенія, которыя считаются сегодня послѣднимъ словомъ науки и которымъ завтра суждено потерять всякую цѣну вслѣдствіе какого нибудь новаго открытія въ той же области. Культура націй, экономическое развитіе ихъ и произ-

водство богатства или парализуются, или задерживаются въ своемъ развитіи. И при всемъ томъ, чѣмъ больше растутъ вооруженія каждой державы, тѣмъ менѣе и менѣе они выполняютъ задачи, поставленныя себѣ правительствами. Экономическіе кризисы, въ значительной степени вызванные системой вооруженій à l'outrance, и постоянная опасность, заключающаяся въ самомъ накопленіи военнаго матеріала, превращаютъ вооруженный миръ нашихъ дней въ подавляющую тяжесть, переносить которую становится все труднѣе и труднѣе народамъ. Такимъ образомъ, становится очевиднымъ, что если бы такое положеніе вещей продолжалось, оно неизбѣжно привело бы къ тому самому перевороту, котораго хотятъ избѣжать и ужасы котораго заставляютъ содрогнуться всякаго мыслящаго человѣка. Положить конецъ этимъ безпрерывнымъ вооруженіямъ и найти способы предупредить бѣдствія, грозящія цѣлому міру, такова высшая задача, которая въ настоящее время лежитъ на всѣхъ государствахъ. Проникнутый этой мыслью, Его Величество повелѣлъ мнѣ предложить всѣмъ правительствамъ, представители которыхъ аккредитованы при императорскомъ дворѣ, созвать конференцію, которая занялась бы обсужденіемъ этой важной проблемы. Такая конференція была бы, съ Божьей помощью, счастливымъ предвѣстьемъ для начинающагося новаго столѣтія Въ ней, какъ въ фокусѣ, соединились бы усилія всѣхъ государствъ, которыя искренно стремятся дать побѣду великой идеѣ всеобщаго мира надъ элементами смуты и раздора. Она закрѣпила бы, въ то же время, ихъ согласіе

совмѣстнымъ освященіемъ началъ справедливости и права, на коихъ покоится безопасность государствъ и благосостояніе народовъ".

Нельзя сказать, чтобы ссылка циркуляра на „благопріятность момента" вполнѣ соотвѣтствовала дѣйствительности. Европа находилась, какъ разъ тогда, въ одномъ изъ пароксизмовъ—желательно думать, что въ послѣднемъ — колоніальнаго расширенія. Англія только что нанесла ударъ французскому самолюбію, заставивъ капитана Маршана со стыдомъ уйти изъ Фашоды и тѣмъ создавъ крайне обостренное положеніе. Америка только-что кончила свою побѣдоносную войну съ Испаніей, потерявшей въ этой борьбѣ свой флотъ, свои колоніи и остатки своего положенія великой державы. Германская морская программа только-что преодолѣла сопротивленіе рейхстага и начала осуществляться. Императоръ Вильгельмъ только-что вернулся изъ театральной поѣздки въ Палестину и, вернувшись, увеличилъ армію на 26.000 человѣкъ. Наконецъ, Россія, идя по стопамъ Германіи и показывая путь Англіи, только-что заняла Портъ-Артуръ, приступивъ тѣмъ, вмѣстѣ съ другими державами, къ тому, что тогда считалось началомъ раздѣла Китая. Такимъ образомъ, имперіализмы англійскій, французскій, американскій, германскій и русскій находились въ полномъ расцвѣтѣ. И циркуляръ 24 августа явился въ 1899 году настолько неожиданнымъ, что соперники Россіи заподозрили въ немъ дипломатическую хитрость, а единственный союзникъ, Франція,—обидную попытку закрѣпить невыгодный для нея status quo, созданный ея

пораженіемъ и Франкфуртскимъ миромъ. Пацифисты испугались самой рѣшительности манифеста, считая очень труднымъ и отдаленнымъ достиженіе той цѣли, которую циркуляръ намѣтилъ, какъ очередную и неотложную. Сокращеніе вооруженій, по общему мнѣнію, могло быть только слѣдствіемъ длиннаго ряда частичныхъ успѣховъ международной правовой организаціи и замиренія народностей. Постановленное же, какъ ближайшая цѣль, оно лишь закрѣпляло положеніе сильныхъ данной минуты, грозило вызвать пересмотръ деликатныхъ вопросовъ, съ трудомъ хранившихся подъ спудомъ усиліями дипломатіи и тѣмъ создать, вмѣсто общаго примиренія, общее обостреніе отношеній. Опасаясь всего этого, къ циркуляру отнеслись осторожно даже многіе изъ тѣхъ, кто не искалъ и не видѣлъ въ немъ никакихъ заднихъ мыслей и никакого макіавеллизма. Одиноко выдѣлился голосъ Стеда, который въ статьяхъ и книгахъ рисовалъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ личность молодого монарха и горячо призывалъ общественное мнѣніе стараго и новаго свѣта къ грандіозной демонстраціи для поддержки циркуляра и конференціи, въ формѣ всеобщаго „паломничества мира“ въ С.-Петербургъ.

XIV. **Первая гаагская конференція.**

Разумѣется, оффиціально, пріемъ русскаго циркуляра былъ самый дружественный. Раньше или позже, всѣ правительства отвѣтили на приглашеніе принять участіе въ конференціи согласіемъ. Но и Муравьеву пришлось, въ дополнительномъ циркулярѣ отъ 16 января, сдѣлать необходимыя оговорки и точнѣе опредѣлить программу занятій конференціи. Еще раньше, чѣмъ представители государствъ собрались, предметъ дѣятельности конференціи былъ ограниченъ и введенъ въ болѣе дѣловыя рамки. Пріостановка и, „въ будущемъ", ограниченіе роста армій и военныхъ бюджетовъ продолжали, однако, оставаться первымъ пунктомъ программы. На первый разъ предлагалось „не увеличивать военныхъ и морскихъ силъ втеченіе опредѣленнаго періода" (напр. пяти лѣтъ). Другимъ пунктомъ, гораздо болѣе осуществимымъ, но за то прямо противорѣчившимъ основной задачѣ пацифизма, былъ поставленъ рядъ мѣръ для „гуманизаціи войны". Регламентація „права войны", съ цѣлью смягченія ея ужасовъ, считается многими пацифистами не шагомъ впередъ, а шагомъ назадъ отъ признанія войны въ принципѣ явленіемъ неправовымъ и подлежа-

щимъ полному уничтоженію *). Какъ бы то ни было, регламентація войны поддавалась всего легче международному обсужденію, и по этому именно пути—кодификаціи сухопутнаго и морского права — пошла дѣятельность правительственныхъ международныхъ конференцій. Правовѣрный пацифизмъ могъ бы совершенно отказаться считать труды конференціи своимъ дѣломъ, если бы въ программѣ не стоялъ еще третій пунктъ: вопросъ о посредничествѣ и о третейскомъ судѣ между готовящимися вступить въ вооруженную борьбу государствами. Припомнимъ, что самое развитіе пацифистскихъ организацій ведетъ свою непрерывную исторію отъ знаменитаго третейскаго разбирательства спора объ Алабамѣ (1872). Случаи третейскихъ разбирательствъ встрѣчались въ международной практикѣ и въ древности, и въ среднія вѣка. Начиная же съ конца XVII столѣтія,—третейское разбирательство, входитъ постепенно въ практику дипломатіи. Вполнѣ регулярной эта практика становится съ конца XVIII в., со времени англо-американскаго договора Джея. За XIX столѣтіе мы имѣемъ 122 случая, когда международные споры кончались путемъ третейскаго разбирательства. Такимъ образомъ, практичность и исполнимость по крайней мѣрѣ этой части программы Гаагской конференціи не могла подвергаться сомнѣнію. Правда, и тутъ намѣренія Россіи были заподозрѣны. Ей приписывалась съ германской стороны мысль лишить про-

*) См. напр. Schlief, Der Frieden in Europa, первыя главы.

тивника преимущества, которое давала ему быстрота его мобилизаціи. Чѣмъ практичнѣе и исполнимѣе было предложеніе, тѣмъ болѣе оно казалось опасной ловушкой. И уже русскій циркуляръ старался примирить державы съ мыслью о третейскомъ судѣ, формулируя этотъ вопросъ въ самыхъ осторожныхъ выраженіяхъ. Междупарламентскія конференціи давно уже требовали обязательнаго третейскаго суда. Русская программа говорила только о добровольномъ обращеніи къ третейскому суду. Пацифизмъ стремился распространить третейскій судъ на всѣ случаи столкновеній. Циркуляръ Муравьева ограничивалъ вопросъ „случаями, которыя поддаются примѣненію подобныхъ средствъ". Наконецъ, задача пацифистовъ заключалась въ созданіи постояннаго международнаго трибунала третейскаго суда. А дополнительный циркуляръ Муравьева рѣшался лишь, въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, заговорить объ „установленіи какой-нибудь однообразной практики примѣненія посредничества и третейскаго суда".

И однако же, даже и всѣ эти уступки, которыя на самой конференціи привели къ самой скромной постановкѣ вопроса, не устранили предубѣжденій противъ задачъ конференціи. Особенно рѣзко выразилось недовѣріе къ ея цѣлямъ со стороны Германіи. Передъ самымъ открытіемъ конференціи появилась брошюра д-ра Штенгеля Der ewige Friede, въ которой, не совсѣмъ на тему, доказывалась необходимость, важность и даже святость войны; осмѣивалась, тоже не на тему, идея „вѣчнаго мира", о которомъ никто и не говорилъ, а мысль

о международномъ трибуналѣ объявлялась нарушеніемъ суверенитета отдѣльныхъ государствъ. Что и самъ императоръ одобрялъ эти мысли, стало ясно, когда проф. Штенгель былъ назначенъ уполномоченнымъ на конференцію. Другимъ представителемъ Германіи явился графъ Мюнстеръ, человѣкъ, который, по выраженію Эндру Уайта, американскаго посланника въ Берлинѣ, „придерживался взглядовъ, бывшихъ современными полвѣка тому назадъ". Уайтъ разсказываетъ въ своей автобіографіи, что когда у него зашелъ разговоръ о конференціи съ Вильгельмомъ II, то императоръ такъ объяснилъ смыслъ этого назначенія: „Для этой конференціи нуженъ больше всего здравый человѣческій смыслъ. Я посылаю туда графа Мюнстера, потому что онъ обильно одаренъ этимъ смысломъ" *).

Уайтъ, правда, понялъ эти двусмысленныя слова по своему. Для американца торжество здраваго смысла и заключалось въ побѣдѣ мирныхъ стремленій. Для его собесѣдника „здравый смыслъ", — очевидно, долженъ былъ явиться коррективомъ къ безпочвенному идеализму теоретиковъ и мечтателей.

Смыслъ назначеній окончательно вскрылся, когда на засѣданіяхъ конференціи германскіе делегаты стали энергически противиться осуществленію постояннаго третейскаго трибунала и хотя бы частичной, для незначительныхъ споровъ, обязательности обращенія къ

---

*) Для дальнѣйшаго ср. Alfred Fried, Der Kaiser und der Weltfrieden, Berl. 1910, стр. 89—109.

третейскому суду *). Кончилось тѣмъ, что единственный германскій делегатъ, стоявшій на сторонѣ третейскаго суда, проф. Цорнъ объявилъ, что принужденъ воздержаться отъ голосованія. Послѣдовалъ моментъ чрезвычайнаго смущенія. Германскіе делегаты уѣхали, и дальнѣйшія засѣданія были пріостановлены. Гаагская конференція повисла въ воздухѣ. Тогда Уайтъ послалъ своего уполномоченнаго въ Берлинъ съ длиннымъ и настойчивымъ письмомъ къ Бюлову. Онъ писалъ, что, отказавшись даже отъ первой, скромной и невинной попытки, императоръ рискуетъ сорвать конференцію и навлечь на себя общую ненависть. Напротивъ, давъ свое согласіе, онъ имѣетъ случай выдвинуться, какъ покровитель мира, передъ Россіей и Франціей и создать способъ, которымъ рядъ международныхъ пререканій можетъ быть улаженъ безъ помощи парламента. Аргументы Уайта были хорошо выбраны и подѣйствовали. Согласіе Германіи на скромныя формулы, выработанныя гаагскимъ конгрессомъ, было дано *).

---

*) По русскому проекту предлагалось ввести обязательность третейскаго суда въ случаяхъ требованій матеріальнаго вознагражденія, въ случаяхъ спорныхъ толкованій договоровъ, относящихся къ сообщеніямъ и къ частному праву, а также соглашеній для охраны международныхъ учрежденій, созданныхъ договорами о почтѣ, телеграфѣ, кабеляхъ, желѣзныхъ дорогахъ и судоходствѣ. Сюда же должны были относиться споры о договорахъ, охраняющихъ культурные интересы, напр., авторское право, затѣмъ споры о договорахъ, касающихся монеты и вѣса, санитаріи, наслѣдственнаго права, выдачи преступниковъ, регулированія границъ, судебной защиты и т. д.

**) Скромныя формулы относительно посредничества и тре-

Легко себѣ представить, что вопросъ о пріостановкѣ и ограниченіи вооруженій встрѣтилъ на конференціи еще больше затрудненій, чѣмъ вопросъ о третейскомъ судѣ. Англія, въ лицѣ своего лорда адмиралтейства, Гошена, уже за нѣсколько дней до открытія конференціи (9 марта) высказала готовность „уменьшить или измѣнить программу постройки новыхъ су-

---

тейскаго суда, выработанныя первой гаагской конференціей, сводятся къ слѣдующему:

Конвенція 29 іюля 1896 г. о посредничествѣ:

ст. 2: «Въ случаѣ серьезнаго разногласія или конфликта, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ оружію, подписавшія державы соглашаются обращаться, поскольку позволятъ обстоятельства, къ добрымъ услугамъ или къ посредничеству одной или нѣсколькихъ дружественныхъ державъ». Ст. 5: «Функціи посредника прекращаются съ того момента, когда установлено, или одною изъ спорящихъ сторонъ или самимъ посредникомъ, что предложенные имъ способы примиренія не приняты». Ст. 7: «Принятіе посредничества не можетъ имѣть послѣдствіемъ, если только это не оговорено спеціально, остановки, задержки или замедленія мобилизаціи или другихъ подготовительныхъ мѣръ къ войнѣ. Если посредничество слѣдуетъ за открытіемъ военныхъ дѣйствій, оно не пріостанавливаетъ текущихъ военныхъ операцій, если противоположное не оговорено спеціально . Относительно третейскаго суда конвенція 1899 г. исходила изъ тѣхъ основаній, что 1) третейскій судъ признается желательнымъ (а не обязательнымъ), 2) примѣняется только въ вопросахъ юридическихъ (а не политическихъ) и 3) судьи выбираются для каждаго случая самой державой, (а не составляютъ постояннаго учрежденія). Первая гаагская конференція провела лишь постоянный списокъ судей, изъ котораго, если хотѣли, могли выбирать

довъ и держаться существующей пропорціи, ... если другія державы будутъ склонны сократить свои программы". Эту же мысль о пропорціональномъ сокращеніи судостроенія англійскіе делегаты развивали и на конференціи. Но „существующая пропорція", какъ она сложилась въ результатѣ усиленнаго судостроенія 1877—1898 г.г., составляла 40 бро-

---

своихъ арбитровъ спорящія державы. Вмѣсто общаго договора о третейскомъ судѣ между всѣми державами по цѣлой категоріи вопросовъ, державы предпочитали заключать отдѣльные договоры другъ съ другомъ безъ точнаго опредѣленія круга вопросовъ, но съ исключеніемъ категорій, наиболѣе важныхъ. Параграфомъ 19-мъ конвенціи оговорено было право державъ «заключать новые, общіе или частные договоры, съ цѣлью распространить обязательное третейское разбирательство на случаи, которые будутъ найдены подходящими». Такъ какъ большинство на конференціи стояло за принятіе обязательности, то этотъ п. 19 послужилъ толчкомъ къ заключенію цѣлаго ряда договоровъ, явившихся какъ бы продолженіемъ дѣла первой гаагской конференціи. Первый изъ европейскихъ договоровъ этого рода заключенъ въ 1903 г. между Англіей и Франціей. Вотъ, для образца, опредѣленія франко-испанскаго договора объ арбитражѣ, представляющія общее мѣсто этихъ договоровъ: «разногласія юридическаго порядка или относящіяся къ истолкованію договоровъ, существующихъ между условливающимися сторонами, которыя не будутъ улажены дипломатическимъ путемъ, будутъ представляться на разсмотрѣніе постояннаго третейскаго суда, установленнаго гаагской конференціей 29 іюля 1899 г., но, однако же, подъ условіемъ, чтобы они не затрогивали ни жизненныхъ интересовъ, ни независимости или чести двухъ договаривающихся государствъ, а также чтобы они не касались интересовъ третьихъ державъ».

неносцевъ, въ то время какъ Соединенные Штаты за тотъ же промежутокъ выстроили только 12. Франція 11, Германія 7. Мы видѣли, что и Америка и Германія вступали какъ разъ въ періодъ усиленнаго судостроенія. Предложеніе Англіи могло быть понято какъ желаніе закрѣпить тѣ пропорціи, выдерживать которыя даже она была не въ состояніи. Германскіе делегаты и дали соотвѣтственный отвѣтъ. Пусть тѣ націи, для которыхъ вооруженія составляютъ невыносимую тяжесть, и сокращаютъ свои вооруженія. Германія можетъ еще, безъ всякой опасности для себя, увеличивать и свой флотъ, и свою армію. Она должна это дѣлать, находясь въ центрѣ Европы и будучи со всѣхъ сторонъ окруженной возможными противниками именно эта мысль встрѣтила одобреніе императора Вильгельма въ статьѣ Шлиффена, о которой упоминалось выше). И германскіе делегаты категорически отказались отъ какихъ бы то ни было сокращеній вооруженій. Надо прибавить, что въ самые дни засѣданій конференціи имп. Вильгельмъ произнесъ свою рѣчь въ Висбаденѣ, въ которой лучшимъ залогомъ мира объявлялся „остро отточенный мечъ". Разумѣется, этимъ опредѣлилась и позиція Франціи, еще не охладѣвшей къ идеи „реванша". „Le désarmement? C'est bien simple. Que messieurs les vainqueurs commencent". Эти слова Гамбетты продолжали выражать общее національное чувство, если не національную мысль. При такихъ условіяхъ, немудрено, что русское предложеніе остановить ростъ военныхъ бюджетовъ на 5 лѣтъ, а морскихъ на три года, несмотря

на краснорѣчивую защиту русскаго военнаго уполномоченнаго Жилинскаго, была единодушно свергнута. Конференція ограничилась платоническимъ пожеланіемъ. „Конференція полагаетъ, что прогрессивное ограниченіе вооруженій, тяготѣющихъ въ настоящее время надъ міромъ, въ высшей степени желательно для увеличенія духовнаго и матеріальнаго благосостоянія человѣчества". Лордъ Сандерсонъ, говоря въ палатѣ лордовъ объ этой неудачѣ, объяснялъ ее тѣмъ, что „нельзя было найти такой формулы, которая не заключала бы въ себѣ никакой двусмысленности и была бы одинаково справедливой по отношенію ко всѣмъ державамъ. Да, если бы такая формула и была найдена, нельзя было имѣть увѣренности, что она будетъ выполняться, а создать контроль надъ ея выполненіемъ державы не согласились бы".

Оптимисты, ожидавшіе, что первая гаагская конференція положитъ начало организаціи „Соединенныхъ штатовъ Европы", также какъ и широкіе круги общественнаго мнѣнія, возлагавшіе на конференцію большія, хотя и неясныя надежды, были жестоко разочарованы ея результатами. Напротивъ, люди посвященные въ подробности трудной и долгой работы созданія международной правовой организаціи, не могли не видѣть въ самомъ фактѣ созыва конференціи, въ самой ея формѣ важнаго и значительнаго шага къ осуществленію этой организаціи. Конференція оставила по себѣ и первые зачатки международныхъ правовыхъ учрежденій, хотя и въ хаотическомъ безформенномъ видѣ. Она дала толчекъ къ ряду третейскихъ договоровъ,

хотя и съ весьма ограниченной компетенціей *). Все дѣло было теперь въ томъ, чтобы этотъ первый шагъ повелъ къ соотвѣтствующей практикѣ международнаго права и чтобъ онъ не оставался единственнымъ. Объ этомъ позаботились какъ общества мира, такъ, въ особенности, конгрессы междупарламентскаго союза.

---

*) См. перечень этихъ договоровъ въ Handbch Fried'a, I. стр. 185—189. По разсчету Фрида, до конца 1910 заключено со времени I гаагской конференціи всего 343 договора (въ 147 документахъ). Изъ нихъ до сихъ поръ остаются въ силѣ 167 договоровъ, заключенныхъ между 40 государствами.

XV. **Вторая гаагская конференція.**

Уже въ 1904 г. междупарламентская конференція, собравшаяся въ С. Луи, сдѣлала слѣдующее постановленіе. „Просвѣщенное общественное мнѣніе и современная цивилизація требуютъ, чтобы разногласія между народами разрѣшались и упорядочивались точно также, какъ и разногласія между частными лицами, рѣшеніями судовъ на основаніи общепризнанныхъ началъ права. Поэтому настоящее собраніе обращается къ правительствамъ всего міра съ просьбой послать уполномоченныхъ на международную конференцію, имѣющую состояться въ то время и въ томъ мѣстѣ, какъ будетъ опредѣлено ими, съ цѣлью изслѣдовать: 1) вопросы, для изслѣдованія которыхъ гаагская конференція выразила желаніе созвать новую конференцію; 2) переговоры о третейскихъ соглашеніяхъ между державами, которые будутъ вызваны на конференцію и 3) пользу учрежденія международнаго конгресса, который будетъ созываться періодически для обсужденія международныхъ вопросовъ. Собраніе проситъ президента Соединенныхъ Штатовъ пригласить всѣ націи послать своихъ уполномоченныхъ на подобную конференцію“. Рузевельтъ принялъ порученіе союза. Уже 31 октября 1904 г. Джонъ Гэй разослалъ ко всѣмъ правитель-

ствамъ циркуляры о созывѣ второй гаагской конференціи. Программа конференціи была намѣренно оставлена открытой до обмѣна мнѣній между державами. Въ этотъ моментъ, однако, русско-японская война еще не кончилась, и Россія просила отложить конференцію до заключенія мира. Въ октябрѣ 1906 г. миланскій конгрессъ мира снова обратился къ Рузевельту съ просьбой поторопить Россію. Наконецъ, конференція была назначена на 1907 годъ. Друзья мира имѣли достаточно времени, чтобы обсудить въ промежуткѣ, если не программу, то основныя темы занятій.

За исключеніемъ регламентаціи „права" войны, которою пацифисты менѣе интересовались, чѣмъ практическіе политики и дипломаты, темы эти оставались, все прежнія. Обязательность третейскаго суда и постоянный органъ этого суда; пріостановка и сокращеніе вооруженій. Но послѣ неудачи первой конференціи правительства сдѣлались еще осторожнѣе и недовѣрчивѣе по отношенію къ этимъ вопросамъ, чѣмъ прежде. Едва исполнивъ порученіе междупарламентскаго конгресса въ С. Луи, президентъ Рузевельтъ, въ своемъ посланіи къ конгрессу С. Ш., заявлялъ; „если бы великія цивилизованныя націи разоружились, то это было бы возвращеніемъ къ варварству, въ той или другой формѣ". „Пока сцѣпленіе между народами и чувство международныхъ правъ и обязанностей не будутъ болѣе прочными, чѣмъ теперь, до тѣхъ поръ всякая нація, желающая заставить себя уважать и оказать услуги другимъ, должна будетъ имѣть силу, соотвѣтствующую той задачѣ, которую она считаетъ

себя призванной выполнять въ этомъ мірѣ". Французское правительство, согласившись участвовать въ конференціи, заявляло въ своей декларацiи 5 ноября 1906 г.: „когда миръ цивилизованнаго человѣчества основывается на силѣ оружія, какъ можемъ мы разоружиться, т. е. собственными руками разрушить послѣднюю гарантію нашей независимости? До того счастливаго, но еще неопредѣленнаго дня, когда порядокъ отношеній между націями будетъ измѣненъ, нашъ первый долгъ по отношенію къ отечеству состоитъ въ томъ, чтобы не допустить ни малѣйшаго ослабленія его оборонительной силы". Съ маленькой перемѣной въ оттѣнкахъ, таково же было и мнѣніе Титтони, высказанное въ отвѣтъ Бруніальти въ итальянской палатѣ. Что касается Англіи, она отнеслась къ мысли о „регулированіи вооруженій" съ активнымъ сочувствіемъ. Въ засѣданіи палаты 22 декабря 1905 г. сэръ Эдвардъ Грей предлагалъ даже взять на себя иниціативу ограниченія вооруженій, „въ качествѣ державы, не замышляющей никакого акта нападенія ни противъ какой другой державы". Но онъ прибавилъ къ своему заявленію успокоительную оговорку: „я полагаю, что превосходство британскаго флота ни въ какую эпоху нашей исторіи не было болѣе значительно, чѣмъ теперь". И въ майскомъ засѣданіи 1906 г. морской и военный министръ предложили, для доказательства искренности своихъ намѣреній по отношенію къ конференціи, отмѣнить постройку двухъ броненосцевъ и распустить 20 баталіоновъ пѣхоты. Но при этомъ морской министръ Робертсонъ высказывалъ

увѣренность адмиралтейскаго совѣта, что „несмотря на эти сокращенія, перевѣсъ на морѣ останется за Англіей“, а военный министръ, Голденъ, даже пояснялъ, что его мѣропріятія „увеличатъ на 50% наступательную силу арміи“. А на другой день, 25 мая, министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Фицъ-Морисъ, заявлялъ, что онъ „рѣшительно воспротивится“ всякому договору о сокращеніи вооруженій, и сомнѣвается въ согласіи англійскаго народа, „даже если бы другія державы были склонны пойти на ограниченія“ *). Англійское правительство, однако же, вошло на конференцію съ опредѣленнымъ предложеніемъ. Оно соглашалось ежегодно сообщать о предполагаемыхъ вооруженіяхъ и о суммахъ, которыя предполагается на нихъ затратить, тѣмъ державамъ, которыя съ своей стороны согласятся дѣлать то же самое.

Германія отнеслась къ возможности вновь поднять на конференціи главные спорные вопросы — рѣзко отрицательно. Она согласилась принять участіе во второй конференціи лишь подъ тѣмъ условіемъ, что ни вопросъ о третейскомъ судѣ, ни, въ особенности, вопросъ о вооруженіяхъ не будутъ поставлены. Бюловъ заявилъ въ рейхстагѣ, что въ обсужденіи вопроса о сокращеніи вооруженій Германія не будетъ участвовать. „Если намъ предложатъ что-нибудь практическое“, оговорился онъ, „то мы посмотримъ“.

Однако же, несмотря на такое общее отношеніе правительствъ, ни общественное мнѣніе, ни организаціи

*) Général Pédoya, Les conférences de La Haye, Paris, Pûeff, 1907.

мира не сложили оружія. Лондонскій междупарламентскій конгрессъ 1906 г. спеціально занялся подготовкой для конференціи обоихъ острыхъ вопросовъ: объ обязательномъ арбитражѣ и объ ограниченіи вооруженій. По первому вопросу былъ выработанъ примѣрный текстъ третейскаго договора, который потомъ дѣйствительно сдѣлался исходной точкой обсужденій и рѣшеній второй гаагской конференціи. По второму вопросу д'Эстурнель де Констанъ представилъ докладъ. Въ этомъ докладѣ, помимо обычныхъ аргументовъ и бѣглаго очерка отношеній правительства къ вопросу, представитель французской парламентской группы особенно настаивалъ на необходимости предварительной подготовки общественнаго мнѣнія и предварительной разработки вопроса объ ограниченіи вооруженій отдѣльными національными группами. „Не надо себя обманывать: здѣсь мы можемъ высказать наши убѣжденія; но дѣйствовать надо не здѣсь. Каждый долженъ исполнить свой долгъ у себя, убѣждать, обращать въ свою вѣру, бороться... Наши международныя демонстраціи, при всей ихъ пользѣ, не болѣе, какъ откликъ или сигналъ. Сила междупарламентскаго союза зависитъ отъ степени энергіи отдѣльныхъ національныхъ группъ". Согласно съ этимъ, и постановленіе Лондонской конференціи союза, кромѣ обращенія къ правительствамъ съ просьбой поставить вопросъ объ ограниченіи вооруженій въ программу второй гаагской конференціи, заключало въ себѣ предложеніе группамъ союза—оказать воздѣйствіе на свои правительства и парламенты. Только что появившаяся

тогда русская группа не могла выполнить этого порученія. Въ самые дни засѣданій конференціи первая Дума была распущена. La Douma est morte, vive la Douma: этими знаменитыми словами привѣтствовалъ русскихъ делегатовъ на конференціи Кемпбелль-Баннерманъ.

Но за подготовку правительствъ энергически взялся русскій спеціалистъ по международному праву, профессоръ Мартенсъ. Мартенсъ предпринялъ для этой цѣли поѣздку по европейскимъ дворамъ. По возвращеніи Мартенса, результаты его объѣзда и сдѣланныя правительствами оговорки были сообщены державамъ русскимъ правительствомъ въ концѣ марта 1907 г. Конференція была окончательно назначена на начало іюля *).

По обоимъ главнымъ вопросамъ, насъ интересующимъ, и вторая гаагская конференція не добилась удовлетворительныхъ результатовъ. Требованіе выработать общій и обязательный третейскій договоръ натолкнулось, главнымъ образомъ, опять на сопротивленіе Германіи. Ея представитель, бар. Маршалль фонъ-Биберштейнъ, призналъ, правда, желательнымъ самый принципъ обязательности третейскихъ договоровъ. Но онъ рѣшительно протестовалъ противъ заключенія общаго договора между державами. Онъ признавалъ возможнымъ заключать лишь отдѣльные договоры по конкретнымъ, всякій разъ особо опредѣляемымъ случаямъ. Англо-американскій проектъ обязательнаго договора былъ, однако,

---

*) См. для дальнѣйшаго Alfr. Fried, Die zweite Haager Konferenz, ihre Arbeiten, ihre Ergerbnisse, ihre Bedeutung, Lpz. 1908.

принятъ въ комиссіи тридцатью двумя государствами противъ девяти, при трехъ воздержавшихся. За согласившимися государствами стоитъ почтенная цифра населенія въ 1 милліардъ 200 милліоновъ, тогда какъ отказавшіяся государства представляютъ лишь 220 милліоновъ. Тѣмъ не менѣе, уступая принципу единогласія, большинство воздержалось отъ проведенія своего рѣшенія въ жизнь. Конференція ограничилась декларацiей, въ которой для извѣстнаго рода споровъ признавалась возможность обязательнаго разрѣшенія третейскимъ судомъ.

По вопросу объ ограниченіи вооруженій не удалось добиться даже и такого успѣха. Президентъ конгресса Нелидовъ заявилъ въ общемъ засѣданіи, что одна попытка обсужденія вопроса въ комиссіи вызвала такія разногласія и пренія приняли такой характеръ, „что вмѣсто желаемаго соглашенія угрожалъ раздоръ, который могъ оказаться гибельнымъ для всѣхъ остальныхъ работъ комиссіи". Въ виду этого общее засѣданіе ограничилось тѣмъ, что выслушало рѣчь сэра Фрая, изложившаго оффиціальное англійское предложеніе, затѣмъ письменныя выраженія сочувствія этому предложенію со стороны Соединенныхъ Штатовъ, Франціи, Испаніи. Депутаты Аргентины и Чили сообщили, что они уже приступили, по договорамъ 1902 и 1903 года, къ разоруженію части своихъ флотовъ и отказались на пять лѣтъ отъ пріобрѣтенія новыхъ военныхъ судовъ. Какъ извѣстно, Англія тоже сократила на 25% свои вооруженія на 1906 г. Примѣры эти, однако, не вызвали подражанія. Конференція ограничилась под-

твержденіемъ прежней резолюціи 1899 г., заявивъ при этомъ, „что находитъ чрезвычайно желательнымъ, чтобы правительства снова занялись серьезнымъ изученіемъ этого вопроса“.

Несмотря на эти неудачи, вторая конференція, однако же, представляетъ несомнѣнный шагъ впередъ, сравнительно съ первой. По своему составу она была дѣйствительно всемірной конференціей, такъ какъ въ ней участвовали 18 южно- и центрально-американскихъ государствъ, не присутствовавшихъ на первой гаагской конференціи, но уже гораздо раньше Европы практиковавшихъ третейскій судъ и выработавшихъ формы третейскихъ договоровъ. Расходясь, вторая конференція высказала пожеланіе о созывѣ третьей конференціи приблизительно въ тотъ же срокъ, какой прошелъ между первыми двумя (т. е. въ 1915 году). Вмѣстѣ съ тѣмъ, наученная собственнымъ опытомъ, конференція рѣшила, что на будущее время за два года до созыва слѣдующей конференціи долженъ быть собранъ предварительный комитетъ для подготовки ея работъ. Такимъ образомъ, положено было первое основаніе періодичности созывовъ, что должно превратить гаагскую конференцію изъ случайнаго въ постоянно-дѣйствующее учрежденіе. Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ въ совмѣстныхъ обсужденіяхъ, несомнѣнно создали атмосферу, благопріятствовавшую устраненію предразсудковъ и взаимнаго недовѣрія. Въ сферѣ регламентаціи права войны опять было сдѣлано много положительнаго. Между прочимъ, была подготовлена лондонская конференція морскихъ державъ, собравшаяся въ 1909 г.

и выработавшая давно ожидавшуюся кодификацію существующаго морского права, съ существенными улучшеніями сравнительно съ дѣйствующей практикой. Но, что всего важнѣе, вторая конференція подала надежду на возможность продолженія дальнѣйшей работы надъ созданіемъ международно-правовой организаціи человѣчества. Оба вопроса, не разрѣшенные ею, остались въ наслѣдство послѣдующимъ конференціямъ. И междупарламентскій союзъ не уставалъ напоминать о неразрѣшенныхъ задачахъ и готовилъ исподволь матеріалъ для ихъ разрѣшенія. Число отдѣльныхъ третейскихъ договоровъ увеличивалось съ каждымъ годомъ и содержаніе ихъ постепенно расширялось. Наконецъ въ текущемъ году Америка и Англія завели переговоры о заключеніи договора о третейскомъ судѣ, обязательномъ во всѣхъ случаяхъ, не исключая и такъ называемыхъ „вопросовъ чести". Проектъ договора, предложенный президентомъ Тафтомъ и въ настоящее время обсуждаемый, таковъ, что осуществленіе его должно составить цѣлую эпоху въ исторіи международныхъ отношеній. Соглашеніемъ между Англіей и Америкой создастся огромный всемірный оазисъ мира, притягательная сила котораго будетъ соотвѣтствовать силѣ и могуществу двухъ родственныхъ между собой передовыхъ государствъ. Текстъ проекта уже сообщенъ Франціи и, по ея желанію, Германіи *).

---

*) Нелишне будетъ указать, что и учрежденный первой гаагской конференціей и усовершенствованный второю, гаагскій третейскій трибуналъ не остался на бумагѣ. Спеціально, чтобы

Что касается другого вопроса, объ ограниченіи вооруженій, въ послѣдніе годы въ парламентахъ передовыхъ націй не прекращаются требованія объ этомъ, возобновляясь при каждомъ обсужденіи морскихъ бюджетовъ *). Не останавливаясь на болѣе раннихъ примѣрахъ, приведу лишь для образца парламентскія пренія послѣдней весны.

—

дать ему работу и тѣмъ поощрить другія державы пользоваться имъ, президентъ Рузвельтъ, по настоянію д'Эстурнеля-де-Констана, въ 1902 г. передалъ на разсмотрѣніе гаагскаго трибунала споръ Соед. Штатовъ съ Америкой о церковныхъ имуществахъ въ Калифорніи. Въ 1903 г. состоялся второй третейскій процессъ, по поводу исковъ Германіи, Англіи и Италіи съ Венецуэлы; въ 1904 г. третій—по поводу спора нѣсколькихъ европейскихъ государствъ съ Японіей—объ обложеніи налогами имущества европейцевъ; въ 1905 г. четвертый—споръ между Франціей и Англіей изъ-за Маската, поконченный комцомиссомъ. Пятымъ было серьезное столкновеніе между Германіей и Франціей въ Казабланкѣ, въ былое время легко могшее послужить поводомъ для войны. До апрѣля 1911 г. возбуждено передъ гаагскимъ трибуналомъ еще четыре дѣла, въ томъ числѣ нашъ споръ съ Турціей о неуплаченныхъ процентахъ съ военнаго вознагражденія 1877 г. См. перечень этихъ дѣлъ, а также „неосуществившихся войнъ" у Fried'a, Handbuch, 96 - 103, 239, 263 -269. Русскій инцидентъ съ гулльскими рыбаками былъ разсмотрѣнъ въ другомъ порядкѣ, тоже предусмотрѣнномъ первой гаагской конвенціей: въ порядкѣ междугосударственной „слѣдственной комиссіи".

*) Сборникъ главнѣйшихъ парламентскихъ рѣчей по вопросамъ объ ограниченіи вооруженій и объ арбитражѣ печатается междупарламентскимъ союзомъ. Вышло три выпуска Documents interparlamentaires, посвященныхъ этимъ рѣчамъ (III—V).

XVI. **Пренія объ ограниченіи вооруженій въ палатахъ.**

23 февраля, по поводу законопроекта о закладкѣ двухъ броненосцевъ, соціалистъ Марсель Самба́ (Sembat) предложилъ французской палатѣ депутатовъ принять слѣдующее постановленіе. „Палата приглашаетъ правительство, прежде чѣмъ предлагать постройку новыхъ броненосцевъ, войти въ переговоры съ иностранными державами, именно съ Германіей и съ Англіей, объ одновременномъ сокращеніи вооруженій". „Я не думаю, говорилъ депутатъ-соціалистъ, чтобы подобное давленіе сразу привело къ успѣху. Но во что я вѣрю,— это то, что при всякомъ новомъ налогѣ, всякій разъ какъ Германія и Англія почувствуютъ увеличеніе податной тягости, раздадутся голоса, все болѣе многочисленные и вліятельные: въ этомъ новомъ налогѣ, однако же, вовсе не было нужды, такъ какъ стоило только послушаться Франціи, чтобы остановиться на этомъ пути". Въ отвѣтъ Самба́, министръ иностранныхъ дѣлъ Пишонъ перечислилъ неудачи всѣхъ прежнихъ попытокъ ограничить вооруженія и кончилъ свою рѣчь словами: „нѣтъ ничего для насъ опаснѣе, какъ ослабить себя въ тотъ моментъ, когда другія державы усиливаются. Это не было бы ни предусмотрительнымъ,

ни разсудительнымъ, ни благоразумнымъ". Чтобы спасти предложеніе отъ крушенія, болѣе умѣренный членъ палаты, Тренье, предложилъ сохранить только слова о переговорахъ съ иностранными державами. И это предложеніе вызвало протестъ Пишона и было отвергнуто палатой. Тогда явилась третья, еще болѣе умѣренная формула резолюціи: „палата приглашаетъ правительство употребить всѣ усилія, чтобы въ согласіи съ дружественными и союзными державами, поставить въ программу ближайшей гаагской конференціи одновременное ограниченіе вооруженій". Пишонъ заявляетъ, что въ виду того, что авторы формулы предоставляютъ дипломатіи самой выбрать моментъ для этого шага, а самый шагъ является повтореніемъ того, что сдѣлано было уже французскими делегатами на гаагской конференціи, онъ принимаетъ формулу. Затѣмъ формула принимается огромнымъ большинствомъ.

Пренія въ англійской палатѣ общинъ, 13 марта, кончились тоже устраненіемъ болѣе радикальнаго соціалистическаго предложенія и принятіемъ болѣе умѣреннаго. Но самые дебаты развернулись въ Лондонѣ шире и содержательнѣе, чѣмъ въ Парижѣ. Рамсей Макдональдъ, лидеръ рабочей партіи, предложилъ принять резолюцію, „что эта палата съ тревогой смотритъ на огромный ростъ въ послѣдніе годы расхода на армію и флотъ, и полагаетъ, что онъ долженъ быть уменьшенъ". Болѣе умѣренная формула, Кинга, предлагала признать, что палата „съ глубокой озабоченностью и сожалѣніемъ смотритъ на продолжающуюся необходимость поддержанія въ этой странѣ обширныхъ

вооруженій и привѣтствовала бы установленіе международныхъ соглашеній, которыми великія державы ограничили бы одновременно свои военныя приготовленія". Главный аргументъ защитниковъ радикальнаго предложенія былъ тотъ, что морскія вооруженія Англіи такъ чрезмѣрны, что могутъ быть безъ вреда ограничены независимо отъ взглядовъ и рѣшеній другихъ націй. Сторонники болѣе умѣренной формулы исходили изъ желанія сочетать „національную безопасность и международную дружбу" и ставили рѣшенія Англіи въ зависимость отъ рѣшенія другихъ державъ. Однако, морской министръ Маккенна заявилъ, что въ текущемъ году онъ „впервые можетъ предвидѣть сокращеніе расхода" въ будущемъ, „при условіи, что не будетъ дальнѣйшихъ прибавленій къ германскому закону о флотѣ, а мы имѣемъ всѣ основанія думать и надѣяться, что этого не будетъ". Еще рѣшительнѣе высказался сэръ Эдвардъ Грей, министръ иностранныхъ дѣлъ. Повторивъ утвержденія Маккенна, что „мы достигли высшей точки прилива" и что „это будетъ зависѣть отъ иностранныхъ морскихъ программъ", Грей намекнулъ на то, что съ Германіей шли уже переговоры и что есть надежда не только на то, что Германія останется „въ предѣлахъ своего закона о флотѣ", но что она замедлитъ и его осуществленіе. Однако, „единственнымъ обстоятельствомъ, которое можетъ реально повліять на размѣры морскихъ и сухопутныхъ расходовъ", сэръ Грей считалъ развитіе третейскаго суда. И онъ воспользовался случаемъ, чтобы горячо привѣтствовать попытку президента Соеди-

ненныхъ Штатовъ—расширить сферу третейскаго разбирательства на вопросы, затрагивающіе „честь, территорію и деньги“ націи. „Въ соглашеніи этого рода можетъ быть рискъ. Нужно быть готовыми при случаѣ поступиться національной гордостью“. Но все это—возможно при „высокомъ подъемѣ общественнаго настроенія“. „То, что невозможно для одного поколѣнія, возможно для другого. Оно становится возможнѣе для нашихъ преемниковъ именно благодаря тому, что предыдущее поколѣніе оказываетъ давленіе въ этомъ направленіи, хотя бы оно и не достигло своей цѣли“. Послѣ этой рѣчи Грея палата приняла огромнымъ большинствомъ предложеніе Кинга, отвергнувъ предложеніе соціалистовъ.

Въ германскомъ рейхстагѣ пренія велись 30 марта и отличались своеобразнымъ характеромъ. Здѣсь тоже внесены были два предложенія. Одно, соціалъ-демократическое, предлагало рейхстагу „просить имперскаго канцлера въ виду того, что французская палата депутатовъ и англійская палата общинъ выразили готовность ограничить вооруженія, немедленно сдѣлать шаги къ осуществленію международнаго соглашенія объ общемъ ограниченіи вооруженій въ связи съ отмѣной каперства“. Другое предложеніе, исходившее отъ членовъ германской междупарламентской группы, не усматривая въ резолюціяхъ французской и англійской палатъ „готовности“ приступить къ дѣлу немедленно, ограничивалось просьбой къ имперскому канцлеру „высказать съ своей стороны готовность войти въ общіе переговоры съ другими великими дер-

жавами, какъ скоро одной изъ державъ будутъ сдѣланы предложенія объ одновременномъ и равномѣрномъ ограниченіи расходовъ на вооруженія". Соціалъ-демократы доказывали рейхстагу необходимость принять свое предложеніе словами изъ рѣчи Грея, что невыносимость военныхъ тяжестей способна вызвать не столько войну, сколько внутреннюю революцію. Свободомыслящіе и члены междупарламентской группы убѣждали правительство тѣмъ, что, въ сущности, оно само уже стало на указываемый путь и что отказъ отъ принятія предложенія можетъ испортить безъ всякой нужды международное положеніе Германіи. Фонъ-Бетманнъ-Гольвегъ произнесъ обширную рѣчь, въ которой, какъ разъ, безъ всякой нужды сталъ на точку зрѣнія, которой боялись друзья мира. Онъ, прежде всего, повторилъ свое заявленіе отъ 19 декабря 1910 г., что, хотя британское правительство и заводило не разъ разговоръ объ установленіи договоромъ силы флота отдѣльныхъ державъ, но „не представляло предложеній, которыя могли бы дать поводъ къ опредѣленному отвѣту, принятію или отклоненію". Президентъ Соединенныхъ Штатовъ 6-го того же декабря выразился, что онъ „еще не назначилъ членовъ въ комиссію для изученія вопроса объ ограниченіи вооруженій, потому что обратился къ другимъ державамъ и ждетъ ихъ отвѣта, готовы-ли они работать совмѣстно путемъ-ли назначенія такихъ-же комиссій или путемъ посылки уполномоченныхъ для совмѣстной дѣятельности съ нашими членами комиссіи". А германскій канцлеръ не исполнилъ пожеланія гаагской конференціи (о серьез-

номъ изученіи вопроса) потому, что „не нашелъ никакой пригодной формулы". „Чтобы другія правительства были счастливѣе меня, прибавилъ фонъ-Бетманнъ-Гольвегъ, „объ этомъ мнѣ ничего не извѣстно. Сколько я знаю, и другія работы надъ вопросомъ не привели еще къ практическому результату. Я, по крайней мѣрѣ, еще нигдѣ не встрѣтилъ какого-либо осязаемаго предложенія, такого, которое хоть сколько-нибудь входило бы въ подробности и о которомъ можно было бы серьезно спорить". Если бы канцлеръ ограничился одними этими соображеніями, это было бы только повтореніемъ старой точки зрѣнія гр. Бюлова, только высказанной въ болѣе любезныхъ выраженіяхъ. Въ сущности, предложеніе междупарламентской группы лишь предлагало канцлеру ждать чужого почина, и Бетманнъ-Гольвегъ иронически высказалъ за это авторамъ предложенія свою „искреннюю благодарность". Но имперскій канцлеръ не ограничился тѣмъ, что занялъ выжидательную позицію. Онъ перешелъ затѣмъ къ критикѣ по существу самой идеи ограниченія вооруженій Тутъ онъ далъ волю своему скептицизму, высказавъ соображенія, о которыхъ тоже можно было бы выразиться, какъ выразился Уайтъ о гр. Мюнстерѣ, что „полвѣка назадъ они были господствующими". Соціалъ-демократическій ораторъ, д-ръ Франкъ, ограничился утвержденіемъ, что „полвѣка спустя рѣчь канцлера будетъ казаться курьезомъ". „Ни въ какомъ другомъ парламентѣ великое дѣло всесвѣтнаго мира не обсуждалось такъ мелко, такъ боязливо, такъ близоруко, какъ вчера оно обсуждалось здѣсь руководителемъ государственной политики",

прибавилъ д-ръ Франкъ. И онъ приложилъ къ имперскому канцлеру саихи „другого великаго франкфуртца“:

Daran erkenn'ich der gelehrten Herrn,
Was Ihr nicht fasset, steht Euch meilenfern,
Was Ihr nicht tastet, fehlt Euch ganz und gar,
Was Ihr nicht rechnet, glaubt Ihr, sei nicht wahr.

Фонъ-Бетманнъ Гольвегъ задался мыслью доказать, что рейхстагъ „поставилъ себѣ, быть можетъ идеальную, но практически неосуществимую задачу“. Во первыхъ, „если державы хотятъ заключить соглашеніе объ общемъ разоруженіи (вопросъ шелъ о другомъ), то прежде всего они должны сговориться о томъ, на какое значеніе вообще отдѣльныя націи должны претендовать по отношенію другъ къ другу. Нужно составить своего рода табель о рангахъ (eine Rangordnung), въ которую каждая нація должна быть внесена за нумеромъ вмѣстѣ съ допускаемой для нея сферой вліянія,—въ томъ родѣ, какъ это существуетъ для промышленныхъ синдикатовъ“. Употребивъ это рискованное сравненіе, канцлеръ обострилъ и вскрылъ его смыслъ, прибавивъ, что Англія, конечно, уже потребовала себѣ перваго мѣста въ табели о рангахъ, заявивъ, что ея флотъ долженъ быть въ состояніи справиться съ любой комбинаціей державъ. „Это, конечно, ея право..., но совсѣмъ другое дѣло—дѣлать изъ этой претензіи основу соглашенія, которое должно быть принято мирнымъ согласіемъ другихъ державъ. А что, если возникнутъ встрѣчныя претензіи? Если другія державы недо-

вольны удѣленнымъ имъ контингентомъ?„ Чтобы уже окончательно поставить точку надъ і, фонъ-Бетманнъ-Гольвегъ прибавилъ, что „по крайней мѣрѣ для Германіи онъ можетъ дать лишь одинъ отвѣтъ: Германія претендуетъ на такое положеніе въ мірѣ, которое соотвѣтствуетъ совокупности ея національныхъ силъ, и ея боевыя силы должны быть соразмѣрны этой претензіи“.

Въ основѣ этого отвѣта лежитъ знакомая намъ мысль, что „сумма національныхъ силъ“ именно и измѣряется боевымъ состязаніемъ. Если такъ, если сумма національныхъ силъ не есть данное, а есть искомое, и если это искомое можетъ быть найдено только на бранномъ полѣ, тогда, разумѣется, всякій разговоръ объ ограниченіи вооруженій есть праздныя слова. Но это—точка зрѣнія, далекая отъ международной современности. Въ наше время претензіи соразмѣряются и взвѣшиваются иными методами чѣмъ прежде и держава, которая захотѣла бы силой перемѣстить свой удѣльный вѣсъ въ ущербъ вѣсу другихъ державъ, вызвала бы противъ своихъ претензій всеобщую коалицію *).

Фонъ-Бетманнъ-Гольвегъ продолжалъ: допустимъ, что націи позволятъ международному конгрессу продиктовать себѣ положеніе, которое имъ слѣдуетъ занять въ мірѣ. Какимъ же масштабомъ будетъ измѣряться

---

*) Подобное впечатлѣніе производятъ франко-германскіе переговоры о Мароккскомъ вопросѣ, происходящіе въ тотъ моментъ, когда печатаются эти строки.

ихъ сравнительная сила? Этого масштаба усердно искали, но пока еще не нашли. Пусть даже его нашли. Но какъ устроить контроль за соблюденіемъ этого масштаба? Наполеонъ I позволилъ Пруссіи имѣть только 42.000 солдатъ. А прусскому патріотизму, несмотря на безпощадное примѣненіе средствъ контроля, удалось выставить вчетверо сильнѣйшую армію! „Господа, закончилъ канцлеръ свою критику: кто хоть разъ продумаетъ серьезнымъ и дѣловымъ образомъ вопросъ объ общемъ разоруженіи, тотъ долженъ придти къ заключенію, что оно неразрѣшимо, пока люди суть люди и государства суть государства“.

Соціалистъ Франкъ и особенно свободомыслящій Конрадъ Гаусманъ подвергли рѣчь канцлера рѣзкой и язвительной критикѣ Они указали на старомодность его аргументовъ, все тѣхъ же со времени первой гаагской конференціи. какъ будто въ мірѣ ничего новаго съ тѣхъ поръ не случилось. Они отмѣтили и то, какую плохую услугу канцлеръ оказываетъ репутаціи Германіи и ея императора, какъ какого то Störenfried, о сопротивленіе котораго сокрушаются всѣ мирныя усилія Европы. Но, что всего важнѣе, Гаусманъ указалъ на полное противорѣчіе между старомодными разсужденіями канцлера—и его невольными уступками требованіямъ времени. Въ самомъ дѣлѣ, Бетманнъ-Гольвегъ въ той же рѣчи, въ которой доказывалась невозможность и высмѣивалась наивность мысли объ „всеобщемъ разоруженіи“, заявилъ, однако, о принятіи имъ предложенія Англіи, составляющаго первый практическій шагъ къ ограниченію вооруженій. Это было

то же предложеніе, которое на второй гаагской конференціи не было даже допущено до обсужденія, вслѣдстіе противодѣйствія Германіи. Англійское правительство теперь, какъ тогда, предлагало устроить правильный обмѣнъ свѣдѣній о программахъ предстоящихъ вооруженій, чтобы устранить всякій поводъ для подозрѣній въ тайномъ намѣреніи—опередить соперника. „Мы тѣмъ легче могли присоединиться къ этой мысли", заявилъ германскій канцлеръ, „что наша программа судостроенія открыта и извѣстна всему свѣту; мы поэтому объявили, что готовы войти объ этомъ въ соглашеніе съ Англіей, въ надеждѣ, что это приведетъ къ ожидаемому успокоенію общественнаго мнѣнія въ Англіи". „А какъ же контроль", крикнулъ при этомъ одинъ членъ рейхстага, при громкомъ смѣхѣ всей правой.

Этотъ маленькій эпизодъ особенно наглядно показываетъ, какъ мало-по-малу даже Германія втягивается въ общее русло развитія европейскаго пацифизма, рискуя иначе все болѣе и болѣе остаться изолированной. Можно предвидѣть, что пройдетъ немного времени, и она принуждена будетъ пойти на дальнѣйшіе уступки и въ вопросѣ о третейскихъ договорахъ. И послѣдній аргументъ фонъ-Бетмана-Гольвега: вопросъ неразрѣшимъ, потому что люди всегда останутся людьми,—аргументъ, который его авторъ вмѣстѣ съ многими и многими, все еще считаетъ неотразимымъ, лучше всего показываетъ источникъ его ошибки.

Дѣйствительно, читая подрядъ англійскія и германскія парламентскія пренія нельзя не чувствовать, что

въ лондонской палатѣ общинъ и въ берлинскомъ рейхстагѣ говорили и спорили вовсе не тѣ же люди. Въ каждой національной средѣ, очевидно, есть свои общепризнанныя истины и свои унаслѣдованныя заблужденія. Но вы чувствуете, въ то же время, что въ этихъ двухъ міровозрѣніяхъ вы имѣете дѣло не только съ мѣстными и національными различіями, съ равноправными типами культуры. Вы сталкиваетесь здѣсь съ двумя различными ступенями культуры. И вы знаете, сравнивая обѣ, въ какую сторону суждено развиваться общей культурѣ человѣчества. Если вопросъ „неразрѣшимъ" только потому, что сегодняшніе люди остаются еще тѣми людьми, какими были „полвѣка назадъ", то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что они останутся таковыми и „полвѣка спустя", принимая слишкомъ уже долгій срокъ соціалистическаго депутата.

Вопросъ разрѣшимъ. Но разрѣшеніе его зависитъ, прежде всего, отъ измѣненія способа смотрѣть на вещи. Императоръ Вильгельмъ, также какъ и его канцлеръ, отвѣтили на предложенія англійскаго правительства тѣмъ соображеніемъ, что войны теперь ведутся не кабинетами, а народами, и что германскій народъ никогда не позволитъ своему правительству согласиться на разоруженіе. Прогрессивные депутаты рейхстага уже отвѣтили, что въ этомъ аргументѣ заключается клевета на народъ. Народъ, демократія больше всего нуждается въ мирѣ. Она все сильнѣе будетъ стремиться къ поддержанію мира, по мѣрѣ того какъ въ народной психологіи раціональные мотивы будутъ по-

лучать перевѣсъ надъ эмоціональными и инстинктивными. Въ этомъ смыслѣ совершенно правъ одинъ писатель, сводящій весъ нашъ вопросъ къ одной краткой формулѣ: „борьба съ войной есть борьба съ предразсудками“. Правъ и другой защитникъ пацифизма, считающій задачи мирнаго движенія задачами „умственной оптики“, т. е. навыка дальше смотрѣть и яснѣе видѣть вещи.

Если стать на эту точку зрѣнія, то можно легко замѣтить, до какой степени извращаетъ перспективу ходячее мнѣніе о пацифизмѣ. Пацифистовъ считаютъ утопистами въ томъ же смыслѣ, въ какомъ прежде считали утопистами соціалистовъ. По общему убѣжденію, эти люди хотѣли сдѣлать то, что дѣлается только въ сказкахъ: въ одну ночь перенести въ окружающую насъ дѣйствительность всю свою „музыку будущаго“. Проповѣдники мира и добра среди окружающей злобы и борьбы, какъ они казались смѣшны и наивны! Лѣнивый только не смѣялся надъ ними. „Побѣждаетъ только сильный; слабый становится добычей сильнаго“. Какъ будто эта истина, провозглашенная въ рейхстагѣ германскимъ канцлеромъ фонъ-Бетманномъ-Гольвегомъ, осталась неизвѣстной англійскому министру сэру Грею?

Нѣтъ, этими разсужденіями нельзя побить современнаго пацифизма. Ибо современный пацифистъ не есть фанатикъ немедленнаго „всеобщаго разоруженія“ и „вѣчнаго мира“. Вещи, которыя казались „революціонными“ въ пацифизмѣ, какъ антимилитаризмъ, уничтоженіе армій, современный пацифистъ

объявляетъ оппортунистическими и реформаторскими. „Реформаторы“ пацифизма, всѣ эти дипломаты, министры и т. д., борятся лишь съ симптомами, съ послѣдствіями извѣстнаго настроенія умовъ. Но надо бороться съ причинами. Истинно „революціонный“ пацифизмъ есть тотъ, который мало-по-малу измѣняетъ самую почву, на который пышно произрастаютъ плевелы милитаризма. Чтобы уничтожить плевелы, надо докопаться до ихъ основъ и вырвать корни *).

И безнадежному ученію, что „люди всегда остаются людьми“, „революціонный“ пацифизмъ смѣло противопоставляетъ обратное ученіе: „люди всегда мѣняются“. Но мѣняются какъ? Если они должны измѣниться такъ, какъ этого требуютъ моралисты, какъ требуетъ Толстой, то тогда, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ мы имѣемъ дѣло съ „музыкой будущаго“? Нѣтъ, смыслъ требуемаго измѣненія другой. И силы, его производящія, суть тѣ же силы, которыя дѣйствовали въ прошломъ, на пространствѣ исторіи. Только дѣйствіе этихъ силъ безконечно значительнѣе теперь, когда онѣ не тратятся стихійно, съ расточительностью слѣпой природы, а направляются цѣлесообразно къ достиженію желаемаго результата.

---

*) Различеніе между «революціоннымъ» и «реформаторскимъ» пацифизмомъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно сдѣлано въ текстѣ, проводится подробно въ брошюрѣ Alf. Fried, Die Grundlagen des revolutionären Pacifismus, Tübingen, 1908, pp. 68 и др.

XVII. **Война не вызывается интересами націй.**

Недавно эта идея была блестяще развита въ книжкѣ англійскаго писателя, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ Norman Angell. Появившись въ концѣ 1909 г. подъ заглавіемъ Europe's Optical Illusion, книжка Нормана Энджеля сразу обратила на себя общее вниманіе. Втеченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ послѣ ея появленія авторъ получилъ отклики на свою книгу, прямо или косвенно, отъ четырехъ главъ государствъ. Книга была послана и императору Вильгельму. О впечатлѣніи, которое она произвела въ кругахъ, близкихъ къ императору, можно судить по тому, что германскій посланникъ въ Лондонѣ, Вольфъ-Меттернихъ, произнесъ 17 марта 1910 г. въ Англійской Лигѣ третейскаго суда рѣчь, которую онъ построилъ, въ значительной степени, на аргументахъ, заимствованныхъ изъ книги Н. Энджелля.

Во второмъ изданіи, въ концѣ 1910 г., книга появилась уже расширенной вдвое, подъ названіемъ The great Illusion. Тогда же она была переведена на французскій, нѣмецкій, испанскій, голландскій, шведскій и норвежскій. Несомнѣнно, работа Энджеля заслуживаетъ стать извѣстной и русскому читателю.

Norman Angell начинаетъ съ того же замѣчанія о пацифистахъ-моралистахъ, которое мы дѣлали ранѣе. Онъ не удивляется, что моральная проповѣдь мира имѣетъ сравнительно мало успѣха и не можетъ убѣдить противниковъ. Вѣдь тотъ, кто призываетъ человѣчество къ миру во имя высокихъ моральныхъ побужденій, собственно говоря, безсознательно становится на ту же самую точку зрѣнія, на которой стоятъ защитники войны. Моралистъ-пацифистъ соглашается, что война выгодна, что побѣда можетъ принести пользу націи. Онъ лишь доказываетъ безнравственность войны и требуетъ отъ людей отреченія отъ того, что они считаютъ своимъ интересомъ. Очевидно, такое требованіе встрѣтитъ отпоръ со стороны всѣхъ тѣхъ, кто считаетъ, что альтруизмъ въ международныхъ отношеніяхъ неприложимъ и неумѣстенъ. Если война приноситъ, дѣйствительно, выгоду, то развѣ не слѣдуетъ для національной выгоды пойти на рискъ,—разъ риску постоянно подвергаются даже и отдѣльныя лица въ чисто личныхъ матеріальныхъ интересахъ? Никакой государственный человѣкъ не сочтетъ себя вправѣ отказаться отъ войны, если она можетъ улучшить положеніе его народа. Но въ томъ-то и вопросъ, что надо еще доказать, что война въ самомъ дѣлѣ выгодна. Никто не пробовалъ провѣрить при свѣтѣ современныхъ данныхъ это утвержденіе, которое издавна принимается за аксіому, не требующую никакихъ доказательствъ. Норманъ Энджеллъ пробуетъ усумниться въ безспорности этого положенія и выставляетъ рядъ доказательствъ противнаго.

Прежде всего, онъ задаетъ читателю рядъ слѣдующихъ вопросовъ:

1. Правда ли, что богатство, процвѣтаніе и благосостояніе націй зависятъ отъ ихъ политической силы?

2. Правда ли, что изъ завоеванія одной націи другой можно получить какія-нибудь осязательныя серьезныя выгоды?

3. Даетъ ли политическая или военная побѣда націи какую-либо выгоду отдѣльнымъ членамъ націи-побѣдительницы надъ побѣжденными?

4. Можетъ ли одна нація отнять силой часть матеріальнаго богатства у другой?

5. Можетъ ли нація „овладѣть", въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, чужой территоріей такъ, чтобы отъ этого произошла какая-нибудь реальная выгода для отдѣльныхъ гражданъ?

На всѣ эти вопросы для цивилизованныхъ государствъ Европы, Норманъ Энджеллъ отвѣчаетъ безусловно-отрицательно: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Никакой выгоды ни отъ захвата территоріи, ни отъ отнятія матеріальныхъ благъ, ни отъ завоеванія получиться не можетъ. Давая такой отвѣтъ, Энджеллъ руководится, главнымъ образомъ, слѣдующимъ соображеніемъ. Современное богатство не нуждается въ военной защитѣ, потому что оно неуловимо. Оно приняло такія формы, въ которыхъ его захватить нельзя. И если нападающій захочетъ отнять чужую собственность этого рода, то онъ принесетъ больше вреда себѣ, чѣмъ тому, на кого нападаетъ. Захватъ чужихъ богатствъ оказывается такъ невыгоденъ, что не стоитъ

къ нему стремиться. Война въ наше время перестала быть прибыльнымъ предпріятіемъ.

Остановимся на нѣсколькихъ иллюстраціяхъ только-что высказанныхъ мыслей. Невозможно конфисковать чужую собственность. Какъ доказать это? Норманъ Энджеллъ беретъ примѣръ въ одномъ изъ упомянутыхъ выше военныхъ романовъ. Въ немъ разсказывается, какъ нѣмцы, взявши Лондонъ, разграбили подвалы англійскаго банка. Можно ли ограбить англійскій банкъ?

Во-первыхъ, англійскій банкъ держитъ въ наличности меньше золота, чѣмъ другіе. Онъ имѣетъ такой большой кредитъ, что ему не нужно большихъ запасовъ. Но далѣе. Чего добьются германскіе завоеватели, если они возьмутъ эти запасы изъ англійскаго банка? Вѣдь, англійскій банкъ связанъ цѣлой сѣтью съ другими банками, въ томъ числѣ и съ германскими. И первымъ послѣдствіемъ грабежа въ Лондонѣ будетъ прекращеніе платежей и паденіе цѣнныхъ бумагъ въ Берлинѣ. Если у германскаго генерала, разрѣшившаго грабежъ, есть текущій счетъ въ берлинскомъ банкѣ, то онъ легко можетъ превратиться въ нуль. За каждый фунтъ стерлинговъ, взятый изъ англійскаго банка, германская торговля заплатитъ тысячу фунтовъ. И весь германскій финансовый міръ поспѣшитъ употребить все свое вліяніе на германское правительство, чтобы прекратить событія, гибельныя для германской торговли.

Дальше. Говорятъ, что удачное германское нашествіе можетъ въ корнѣ разрушить торговлю Англіи и

обречь на голодъ ея сорокамилліонное населеніе. Но отнять торговлю у населенія можно только тогда, если это населеніе будетъ цѣликомъ уничтожено. Иначе, какъ вы уничтожите готовность сорокамилліоннаго населенія добывать себѣ пропитаніе трудомъ рукъ своихъ? Вѣдь, благосостояніе народа зависитъ отъ естественнаго богатства страны, отъ соціальной дисциплины, отъ промышленной предпріимчивости, знанія рынковъ,—словомъ, отъ всѣхъ тѣхъ навыковъ, которые пріобрѣтаются годами, поколѣніями, столѣтіями. Англія будетъ торговать, пока будетъ существовать спросъ на ея товары и готовность отвѣчать спросу. Силой нельзя заставить покупателей брать товары у меня, а не у моего сосѣда, если онъ производитъ ихъ выгоднѣе для покупателя. Такъ, канадскіе торговцы держатъ своихъ коммерческихъ агентовъ въ Лондонѣ, но заказы черезъ этихъ агентовъ, вмѣсто Англіи, идутъ во Францію, въ Германію, въ Швейцарію. Да и, наконецъ, если англійскіе товары въ одинъ прекрасный день совсѣмъ исчезнутъ съ рынка,—значитъ ли это, что ихъ, несомнѣнно, замѣнятъ германскіе? Для этого потребовалось бы чудо. Германія должна была бы сразу утроить и учетверить свою производительность и соотвѣтственно увеличить свой оборотный капиталъ, что очевидно невозможно. Наконецъ, вѣдь, что такое торговля? Это есть актъ не односторонній, а двухсторонній. Вы продаете, но вѣдь вы и покупаете. Всякая покупка есть продажа и всякая продажа есть покупка. Одно не можетъ происходить безъ другого. Съ кѣмъ ведетъ торговлю Англія, т.-е. кому она про-

даетъ и у кого покупаетъ? Съ иностранными державами, въ томъ числѣ въ большихъ суммахъ и съ Германіей. Что произойдетъ, если Англія лишится способности покупать чужіе товары и продавать свои собственные? Это значитъ только, что англійскій рынокъ будетъ потерянъ для Германіи. Другими словами, даже если бы удалось лишить Англію торговли, то это значило бы, прежде всего, обѣднѣніе германскаго рынка.

Неужели, спрашиваетъ Н. Энджеллъ въ заключеніе этого отдѣла книги,—неужели тому, что самоочевидно для банкира, суждено остаться навѣки непонятнымъ для правителя?

Перейдемъ къ другой мнимой аксіомѣ. Говорятъ, что война можетъ принести матеріальную выгоду, если не въ видѣ грабежа подваловъ англійскаго банка, то въ видѣ военнаго вознагражденія. Напр. Германія взяла огромную контрибуцію въ 5 милліардовъ франковъ у Франціи. Энджеллъ останавливается на этомъ случаѣ, чтобы разобрать, принесла-ли Германіи пользу эта контрибуція.

Эти деньги могли пойти на покупку чужихъ товаровъ, т. е. выйти изъ страны, или могли остаться въ странѣ. Что произошло бы, если бы они пошли на покупку чужихъ товаровъ? Это значило бы, что ввозъ иностранныхъ товаровъ увеличился; другими словами, контрибуція создала бы огромную конкурренцію собственному внутреннему производству. Это значило бы, что правительство парализуетъ дѣйствіе собственной системы протекціонизма. Конечно, это вызвало бы

сильнѣйшее раздраженіе производителей противъ власти. — Но, конечно, не всѣ 5 милліардовъ пошли на покупку чужихъ товаровъ. Часть денегъ должна была остаться въ странѣ. Что же бываетъ, когда страна неожиданно получаетъ больше средствъ денежнаго обращенія, чѣмъ ей нужно по состоянію ея производства? Эти средства обращенія, т. е. деньги, дешевѣютъ, что отражается на подъемѣ цѣнъ всѣхъ остальныхъ цѣнностей. Въ результатѣ, страна теряетъ возможность вывозить свои вздорожавшіе товары въ другія страны, гдѣ деньги дороги, а товары дешевы. Т. е. сокращается вывозъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ не сократиться и разсчитанное на вывозъ производство. Въ такомъ положеніи страна должна пережить промышленный кризисъ. Все это и произошло въ Германіи. Цѣны стали дороже, слѣдовательно, германскій вывозъ оказался въ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Наоборотъ, Франція вступила въ періодъ самаго большого промышленнаго оживленія, по той же самой причинѣ. Съ своими подорожавшими деньгами и подешевѣвшими товарами, она оказалась опасной конкурренткой на міровомъ рынкѣ. Ея вывозъ увеличился, и богатство къ ней притекло. Что это было такъ, призналъ самъ Бисмаркъ въ своей рѣчи 2 мая 1879 г. „Мы видимъ, говорилъ онъ, что Франція лучше насъ переноситъ стѣсненное положеніе дѣлъ въ цивилизованномъ мірѣ... Мы видимъ, что у ней больше рессурсовъ, чѣмъ у Германіи“. „Еще въ 1877 г., говорилъ онъ въ одной изъ позднѣйшихъ рѣчей (29 ноября 1881), я былъ впервые пораженъ общимъ и возра-

ставшимъ обѣднѣніемъ въ Германіи, сравнительно съ Франціей. Я видѣлъ заброшенныя доменныя печи, пониженный уровень благосостоянія, ухудшеніе положенія рабочихъ и вообще страшное разстройство дѣлъ". Издатель рѣчей Бисмарка отмѣчаетъ при этомъ, что, дѣйствительно, „торговля и промышленность были въ жалкомъ состояніи. Тысячи рабочихъ оставались безъ дѣла, зимой 1876 — 1877 безработица приняла большіе размѣры и пришлось устроить правительственныя работы и безплатную раздачу горячей пищи". Цѣны дорожали, а заработная плата падала. Цѣлымъ рядомъ цитатъ изъ ученыхъ спеціалистовъ Энджеллъ доказываетъ несомнѣнную связь этихъ явленій съ французской контрибуціей.

Далѣе, говорятъ, что, побѣдивъ Англію, германцы могли бы отнять у ней колоніи. — Но нельзя извлечь рѣшительно никакой выгоды изъ обладанія англійскими колоніями. И, потерявъ ихъ, Англія рѣшительно ничего не потеряетъ. Для Англіи, пожалуй, даже экономически выгоднѣе, чтобы ея колоніи изъ нея отдѣлились. Пока они въ рукахъ Англіи, она должна быть крайне осторожна въ обращеніи съ ними.

Весь долгій опытъ колоніальнаго управленія привелъ англичанъ къ тому выводу, что удержать колоніи можно лишь путемъ воздержанія отъ излишняго настаиванія даже на самыхъ законныхъ требованіяхъ, путемъ признанія полнаго равноправія колоній съ метрополіей и путемъ отказа отъ примѣненія силы, даже когда колоніи неправы: „пожалуй даже особенно тогда, когда онѣ неправы". Особенно ярокъ приводи-

мый Энджеллемъ примѣръ изъ области отношеній Англіи къ новѣйшей изъ ея колоній, къ бурамъ.

Англія потратила $2^1/_2$ милліарда рублей, чтобы покорить буровъ и настоять на своихъ требованіяхъ — равенства британскихъ подданныхъ съ туземцами. Что вышло изъ этого въ концѣ концовъ? Англійское правительство дало бурамъ автономію и въ настоящее время управленіе Трансваалемъ находится въ рукахъ прежней бурской партіи, которая только-что провела тѣ же самыя правила противъ равноправія туземцевъ, изъ-за которыхъ начата была война. Парламентъ санкціонировалъ актъ уніи, которымъ окончательно устанавливалось, отношеніе буровъ къ туземцамъ, хотя отношеніе это и противорѣчило англійскому принципу. Асквитъ прямо высказалъ, что это дѣлается во имя невмѣшательства въ самоуправленіе автономной колоніи. Однимъ словомъ, колоніи Англіи настолько самостоятельны и независимы, что владѣніе ими не даетъ Англіи особыхъ преимуществъ. Колоніи свободно устанавливаютъ тарифы противъ метрополіи, преграждаютъ доступъ къ себѣ части британскихъ подданныхъ. Если теперь и принимаются мѣры для взаимнаго соглашенія въ вопросахъ тарифовъ и самообороны, то это есть результатъ вполнѣ свободнаго колоніальнаго законодательства, нисколько не стѣсняемаго англійскимъ правомъ „собственности“ на колоніи. Очевидно, и Германія, только что начинающая свою колоніальную дѣятельность, не будетъ въ состояніи вести въ колоніяхъ репрессивной политики,—вродѣ той, отъ которой сто лѣтъ тому назадъ Англіи пришлось отказаться.

Теперешняя политика Англіи примѣняется ею не изъ филантропическихъ соображеній, а какъ результатъ горькаго опыта прежнихъ неудачъ, научившихъ, въ концѣ концовъ, ничего не требовать отъ колоній. Было бы безуміемъ требовать теперь того, что двѣсти лѣтъ назадъ оказалось невозможно Вотъ почему нація, которая побѣдила бы Англію и даже взяла бы Лондонъ, была бы не ближе къ обладанію Канадой или Австраліей, чѣмъ Константинополемъ или Петербургомъ

Въ результатѣ всѣхъ приведенныхъ соображеній оказывается, что утвержденіе, казавшееся на первый взглядъ парадоксальнымъ, въ дѣйствительности основано на самомъ точномъ методѣ политико-экономическихъ доказательствъ и подтверждается фактами. При настоящихъ условіяхъ культуры матеріальнаго разсчета въ войнѣ и въ завоеваніи быть не можетъ. И если война всетаки продолжаетъ существовать, то вовсе не потому, что этого требуютъ корыстные разсчеты людей. Наоборотъ, какъ разъ въ области „корыстныхъ“ побужденій, для войны не находится болѣе оправданій. Вызывается же она инстинктами и чувствами, которыя приняты считать болѣе высокими и которые, во всякомъ случаѣ, ничего не имѣютъ общаго съ разсчетомъ матеріальной пользы. Что же это за побужденія и какова ихъ дѣйствительная внутренняя цѣнность?

XVIII. **Война—пережитокъ соціальной психологіи.**

Защитники войны именно высокими мотивами защищаютъ воспитательное значеніе войны. Съ ихъ точки зрѣнія, война есть учрежденіе, созданное провидѣніемъ въ высокихъ цѣляхъ усовершенствованія расы. Война не даетъ людямъ опускаться, поддерживая въ нихъ военныя доблести. Война есть выраженіе „души“ націи, проявленіе ея высокихъ стремленій, удовлетвореніе чувства, воображенія, воли, всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ для цѣли, высшей чѣмъ добываніе насущнаго хлѣба. Эта цѣль—„расширеніе національнаго авторитета надъ чужими обществами“.

Несомнѣнно, соглашается Энджеллъ, война вызывается не раціональными, а главнымъ образомъ эмоціональными мотивами. Но эти мотивы—суть ирраціональные инстинкты и пережитки старыхъ временъ. Это—„тщеславіе, соперничество, желаніе первенствовать, занимать великое положеніе въ мірѣ, имѣть власть или престижъ, простая вражда—къ народамъ, на насъ непохожимъ; скорый отпоръ на насмѣшку или обиду, необдуманное желаніе, вытекающее изъ ссоры или разногласія, одолѣть противника во что бы то ни стало“;

„врожденная ненависть“, существующая между соперничающими націями; заразительная страсть слѣпой борьбы между взаимно ненавидящими другъ друга людьми: словомъ все то, почему люди и народы всегда дрались и всегда будутъ драться, потому что „такова ихъ природа“.

Итакъ, источники войны, какъ защитниками ея, такъ и противниками, одинаково усматриваются въ человѣческой психологіи. Но характеристика психологическихъ мотивовъ, такъ же какъ и отношеніе къ нимъ, у тѣхъ и другихъ совершенно различное. Человѣческая натура неизмѣнна, говорятъ сторонники войны, аргументирующіе психологіей. Въ самой основѣ этой натуры заложены воинственныя наклонности, и эти наклонности даютъ наиболѣе одареннымъ ими народамъ перевѣсъ надъ всѣми остальными. Въ борьбѣ за существованіе переживаютъ, въ исторіи также какъ въ природѣ, наиболѣе сильные.

Опроверженію этихъ положеній Энджеллъ посвящаетъ вторую половину своей книги. Онъ выставляетъ и доказываетъ слѣдующіе четыре положенія. 1) Человѣческая натура вовсе не неизмѣнна. 2) Воинственныя націи вовсе не „наслѣдуютъ землю“. 3) Физическая сила есть постоянно ослабѣвающій факторъ человѣческаго развитія и 4) Факторъ усиливающійся есть—кооперація, и этотъ факторъ сглаживаетъ государственныя границы, такъ какъ кооперація совсѣмъ съ ними не считается.

Правда ли, что человѣческая натура не мѣняется? Вовсе нѣтъ. Человѣкъ мѣняется,—и перемѣны эти,

по закону ускоренія, совершаются чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе. Человѣчество измѣнилось больше за послѣднія 2.000 лѣтъ, чѣмъ за всѣ 300.000 лѣтъ своего существованія. А въ послѣдніе 100 лѣтъ оно измѣнилось больше, чѣмъ въ предыдущія 2.000. Полтораста лѣтъ назадъ люди одобряли рабство и вѣрили въ вѣдьмъ. Полвѣка спустя рабство считалось величайшимъ зломъ. То же произошло и съ обычаемъ— навязывать войной вѣру. Эти измѣненія продолжаются и на нашихъ глазахъ. Спросите даже образованныхъ людей въ Германіи, Франціи, Италіи: они скажутъ вамъ, что отказаться отъ дуэли „несвойственно природѣ“ дворянина. И, однако же, весь англо-саксонскій міръ, колоніи въ Англіи, С.-Америкѣ, Австраліи окончательно отказались отъ убійства на дуэли. Рузевельтъ въ своей Лондонской рѣчи замѣтилъ: „мы презираемъ націю, такъ же какъ презирали бы и отдѣльнаго человѣка, неспособныхъ почувствовать обиды“. Но развѣ представители англо-саксонской расы не будутъ скорѣе презирать такого человѣка, который бы захотѣлъ отмстить за обиду оружіемъ? Переходъ къ болѣе разумному поведенію произошелъ за время двухъ-трехъ послѣднихъ поколѣній. Но онъ не распространился еще на континентальныя страны и не перешелъ еще въ самомъ англо-саксонскомъ мірѣ съ отношеній личныхъ на общественныя. Мы не считаемъ возможнымъ превратить безчестный актъ въ почетный тѣмъ, что лицо обезчещенное будетъ убито. Но мы продолжаемъ говорить, что „оскорбленіе флага“ или „оскорбленіе мундира“ должно быть „смыто кровью“. Очевидно, мы

имѣемъ здѣсь дѣло съ, пережитками міровоззрѣнія, уже сданнаго въ архивъ въ области личнаго поведенія.

Правда ли, что лишь воинственные народы наслѣдуютъ землю? Во-первыхъ, какую передовую націю въ наше время слѣдуетъ считать „воинственной"? Энджеллъ дѣлаетъ любопытное сопоставленіе цитатъ изъ сочиненій авторовъ, принадлежащихъ къ разнымъ національностямъ, но довольно единодушно оплакивающихъ упадокъ воинственности собственнаго народа и ставящихъ ему въ примѣръ другія націи. Генералъ Ли, американецъ, жалуется на упадокъ военныхъ идеаловъ на своей родинѣ. Англійскій публицистъ Блачфордъ почти слово въ слово повторяетъ тѣ же жалобы относительно англичанъ. Тѣ же самые упреки обращаютъ по адресу своего народа французскіе журналисты въ Echo de Paris, Gaulois, Figaro, Journal de Débats, Patrie или Presse, и французскіе писатели такой величины, какъ Бурже, Фаге, Лебонъ, Брюнетьеръ и т. д. Всѣ эти авторы, разумѣется, лучше знаютъ свой народъ, миролюбіе котораго оплакиваютъ, чѣмъ чужіе народы, воинственностью которыхъ они восхищаются. Если мы возьмемъ у каждаго публициста то, что онъ лучше знаетъ, то получимъ, сопоставляя эти указанія, общее наблюденіе, что рѣшительно всѣ народы цивилизованной Европы постепенно и одновременно теряютъ вкусъ и привычку къ войнѣ. Да и какъ можетъ быть иначе? Развиваться и усиливаться могутъ тѣ склонности, которыя находятъ себѣ примѣненіе и пищу въ окружающихъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ, если мы возьмемъ для примѣра нѣмцевъ

которыхъ всѣ остальные считаютъ особенно воинственной націей и особенно часто ставятъ въ образецъ своимъ ссгражданамъ, то что же окажется? Эта наиболѣе воинственная въ Европѣ нація имѣетъ за собой 40 лѣтъ мира. Втеченіе этихъ 40 лѣтъ лишь одинъ годъ Германіи пришлось воевать съ готтентотами и герреросами, и для этого былъ посланъ отрядъ въ 8.000 человѣкъ. Сопоставьте одинъ годъ войны съ 40 годами мира, и 8.000 участниковъ войны съ 60 милліонами населенія, которые никогда войны не видали и не знаютъ ея по личному опыту. Окажется, что едва ли одинъ изъ сотни тысячъ современныхъ нѣмцевъ въ дѣйствительности видѣлъ войну. Такого рода условія, конечно, не могутъ содѣйствовать сохраненію военныхъ привычекъ въ старой цивилизованной Европѣ.

Гдѣ же подобныя привычки сохраняются? Если вѣрить защитникамъ войнъ, они сохраняются у тѣхъ націй, которыя пріобрѣтаютъ первенство передъ остальными, — „наслѣдуютъ землю". Достаточно составить каталогъ этихъ націй, расположивъ ихъ по степени воинственности, чтобы увидать всю абсурдность подобнаго утвержденія. Для государствъ Европы порядокъ получается у Энджелла приблизительно слѣдующій:

Аравія и Марокко.

Турецкая территорія въ цѣломъ.

Наиболѣе безпокойныя балканскія государства. Черногорія.

Россія.

Испанія, Италія, Австрія.

Франція.

Германія.

Скандинавія, Голландія, Бельгія.

Англія.

Не останавливаясь на спорныхъ подробностяхъ этого списка, нельзя отрицать, въ общемъ, что списокъ доказываетъ мысль автора. Сила и значеніе государствъ соотвѣтствуютъ не степени сохранности въ нихъ старыхъ военныхъ инстинктовъ, а степени просвѣщенія и „индустріализаціи" ихъ. То же самое пришлось бы сказать и о Новомъ Свѣтѣ. Въ самомъ низу списка тамъ стояла бы Канада, за ней Соединенные Штаты, а наверху заняли бы мѣсто, какъ самыя воинственныя, южно американскія республики, вродѣ Санъ-Доминго, Никарагуа, Колумбіи, Венецуэла. Въ первые двадцать лѣтъ независимости Венецуэла дала не менѣе 120 крупныхъ сраженій. Каждые выборы тамъ обращаются въ битву, а президенты выбираются изъ военныхъ. Если бы воинственные инстинкты содѣйствовали переживанію государствъ, то эти республики давно вытѣснили бы Соединенные Штаты и Канаду. Въ дѣйствительности, только за послѣдніе годы, вмѣстѣ съ распространеніемъ торговли и промышленности, начинается процвѣтаніе этихъ республикъ. „Рыцарственная" Испанія была вытѣснена изъ этихъ, какъ и изъ другихъ колоній, не болѣе воинственными націями, а болѣе предпріимчивыми и торговыми. Германія не посылала туда солдатъ; но дань, которую она получаетъ съ Испанской-Америки, несравненно больше всего, что идетъ въ Испанію, потому что этотъ доходъ основанъ не на вымогательствѣ, а на „честномъ обмѣнѣ".

Вообще сила, простая физическая сила играетъ все меньше и меньше роли въ человѣческихъ отношеніяхъ. По закону сбереженія силы отношенія прямого принужденія замѣняются отношеніями добровольной кооперацiи. Среднеазіатскій деспотъ, при всей кажущейся неограниченности своей власти, владѣетъ только средствами внѣшняго принужденія. Дѣйствительная власть его — гораздо меньше власти современнаго государя. Онъ можетъ отнять жизнь у своихъ подданныхъ, но часто не въ состояніи овладѣть ихъ кошелькомъ. Способность пріобрѣтенія богатства усиливается въ обратномъ отношеніи съ примѣненіемъ физической силы. Какой-нибудь деспотъ въ лохмотьяхъ, владѣлецъ богато одаренныхъ природой земель, живетъ среди самой отвратительной нищеты окружающихъ его рабовъ. Только съ помощью пытки и казни онъ можетъ овладѣть такой суммой денегъ, которую на другомъ полюсѣ человѣчества, гдѣ-нибудь въ Лондонѣ, коммерсантъ охотно истратитъ на завтракъ въ ресторанѣ ради удовольствія сидѣть за однимъ столомъ съ герцогомъ. А чтобы получить пустой титулъ отъ монарха, лишеннаго всякой власти принужденія, этотъ же коммерсантъ готовъ будетъ пожертвовать на благотворительность въ тысячу разъ большую сумму.

Другими словами, совершенно измѣнилось въ наше время направленіе импульсовъ воли, при помощи которыхъ ведется борьба за существованіе. По мѣрѣ усиленія взаимной зависимости всѣхъ частей государственнаго организма, мы имѣемъ вмѣсто ряда толчковъ, приводящихъ къ простому разрушенію или уничтоже-

нію, непрерывный токъ сознательно направляемаго усилія. Самая война подчинилась тому же общему процессу измѣненія. Въ наше время, руководители армій, изобрѣтатели и производители вооруженій ведутъ жизнь, немногимъ отличающуюся отъ обычныхъ интеллигентныхъ профессій. Побѣда рѣшается не рыцарскими достоинствами, а точностью и научностью разсчета, многолѣтними и тяжелыми предварительными усиліями. Такимъ образомъ, война потеряла прежнюю романтическую привлекательность и сдѣлалась самой прозаической профессіей.

Но самое важное—то, что въ этомъ процессѣ сближенія и выравниванія передового человѣчества измѣняется и самая психологія „патріотизма". „Шовинисты, сторонники военныхъ авантюръ, разжигатели конфликтовъ считаются тѣмъ, что они есть въ дѣйствительности: не патріотами, а крайне вредными и злокачественными элементами". Въ прежнее время, этого рода „патріотизмъ" находилъ почву въ полной разобщенности одного государственнаго организма отъ другого. Въ наши дни отъ этого разобщенія не осталось и слѣда. Черезъ границы, отдѣляющія государства другъ отъ друга, протянулся рядъ нитей, установился рядъ прочныхъ связей и отношеній между родственными элементами и однородными интересами разныхъ государственныхъ единицъ. Прежде всего, уже самое понятіе „нація" не покрывается понятіемъ государства. Сплошь и рядомъ, націи выходятъ за предѣлы государствъ. Еще въ большей степени можно сказать то же самое о религіяхъ, уже совершенно не считающихся съ

государственными границами. Но, далѣе, даже между одинаковыми соціальными классами разныхъ странъ существуетъ болѣе близкая связь и возможность взаимнаго пониманія, чѣмъ между враждебными другъ другу классами одной и той же націи. Пролетаріатъ всего міра уже пришелъ къ сознанію общности своихъ интересовъ, независимо отъ государственной принадлежности. Но и работодатели различныхъ странъ уже вступаютъ во взаимныя обязательства, направленныя къ защитѣ общихъ интересовъ. Аристократія всѣхъ странъ давно уже чувствуетъ взаимное родство. Англійскій лордъ, конечно, скорѣе отдастъ свою дочь за французскаго дворянина старой крови, чѣмъ за лондонскаго поденщика. Наиболѣе тѣсную международную связь представляютъ въ этомъ отношеніи европейскія династіи. Наконецъ, европейскій интеллигентъ, intellectuel, несмотря на всю разницу національныхъ типовъ и мѣстныхъ условій жизни, повсюду носитъ одни и тѣ же родовыя черты. Черезъ него устанавливается общій уровень европейской цивилизаціи, общій языкъ современной культуры, который болѣе всего сближаетъ человѣчество въ одну общую семью. Понятіе европейца нашего времени не ограничивается, конечно, сходствомъ костюма и видимаго обличья. Весь строй чувствъ, мыслей, настроеній въ предѣлахъ культуры всюду болѣе или менѣе одинаковъ. Всякое новое настроеніе волной прокатывается по литературамъ всѣхъ образованныхъ народовъ. Всякая новая мысль, всякое новое открытіе съ чрезвычайной быстротой становятся въ наше время достояніемъ всего человѣчества. А вы-

работанное вѣками прошлой жизни богатство національной мысли и чувства вкладывается въ ту же интернаціональную сокровищницу.

При такихъ условіяхъ уже нѣтъ болѣе мѣста той слѣпой, безоглядной національной злобѣ и ненависти, которой сопровождались столкновенія прежняго времени. Чужое государство не мыслится, какъ цѣлое, какъ личность, къ которой можно было бы отнести всѣ эти враждебныя чувства. Оно представляется сложнымъ аггрегатомъ всевозможныхъ интересовъ и настроеній, среди которыхъ есть враждебныя, но есть и дружественныя. Противники англійской войны съ бурами никоимъ образомъ не могли распространить своего гнѣва на весь англійскій народъ, ибо и среди самихъ англичанъ также было не мало противниковъ этой дорогой и безплодной авантюры. Съ другой стороны и англичане, когда случился извѣстный инцидентъ съ гулльскими рыбаками, отлично поняли, что нельзя возлагать отвѣтственности за случившееся на весь русскій народъ, среди котораго, какъ они знали, было не мало людей, рѣшительно осуждавшихъ тѣ условія, на почвѣ которыхъ подобный эпизодъ только и могъ возникнуть. Вотъ почему весь эпизодъ кончился теперь простымъ посредническимъ разбирательствомъ, тогда какъ при прежнемъ настроеніи расовой вражды изъ него легко могла бы возникнуть война. Многіе вопросы, считавшіеся прежде вопросами „національной чести и достоинства“, въ наше время могли бы быть разрѣшаемы подобнымъ же образомъ.

XIX. **Интеллигенція и война.**

Я передалъ мнѣнія новѣйшаго англійскаго писателя, сочиненіе котораго только - что произвело сенсацію въ Европѣ. Но, когда я излагалъ ихъ передъ многолюдными аудиторіями, слушавшими мою лекцію о вооруженномъ мирѣ, въ обѣихъ столицахъ и во многихъ большихъ городахъ Россіи, въ аудиторіяхъ, столь разнообразныхъ по составу, какъ слушатели Астрахани и Вильны, Таганрога и Риги, я встрѣчалъ вездѣ то заранѣе готовое сочувствіе къ этимъ идеямъ, которое свидѣтельствовало, что для русскаго общества самыя передовыя мысли передоваго общественнаго дѣятеля далеко не чужды и, пожалуй, не новы. Я предупреждалъ, что нѣкоторые изъ тезисовъ Энджелля для непривычнаго уха звучатъ парадоксами. Приступая къ передачѣ ихъ въ первый разъ, я самъ далеко не былъ увѣренъ, насколько они будутъ поняты и признаны, какъ правильные, моей аудиторіей. Но я нигдѣ не встрѣтилъ того психологическаго сопротивленія слушателей, которое свидѣтельствуетъ о серьезномъ разногласіи и дѣйствуетъ, обыкновенно, отраженнымъ путемъ на

самого лектора. Напротивъ, повсюду я нашелъ готовую почву. Аргументы Энджелля дѣйствовали на русское образованное общество такъ же, какъ они подѣйствовали на меня самого при чтеніи его талантливой и выдающейся книги: какъ дѣйствуетъ струя свѣжаго, чистаго воздуха въ спертой атмосферѣ, переполненной отравляющими испареніями.

И, мнѣ кажется, я понялъ причину этого интеллектуальнаго Wahlverwandschaft. Въ ученіяхъ Энджелля я возвращалъ русскому интелигентному обществу его старое, привычное достояніе, только слегка, быть можетъ, позабытое. Вѣдь эти мысли—тѣ же самыя, какія довольно давно уже у насъ проводились тѣми людьми, которыхъ мы привыкли считать своими учителями. И то міровоззрѣніе, на почвѣ котораго сложились эти мысли, есть то самое міровоззрѣніе, которое еще недавно было наиболѣе распространеннымъ среди русской интелигенціи. Правда, этотъ русскій культурный слой, испытавшій на себѣ, нѣсколько поколѣній назадъ, воспитательное воздѣйствіе лучшихъ европейскихъ умовъ, былъ очень тонкій слой. Русская жизнь прорвала его и только-что выбросила теперь на поверхность общественности другіе, болѣе широкіе и глубокіе, но несравненно менѣе затронутые культурой слои. И единство русскаго интеллигентскаго міровоззрѣнія замутилось. То, что еще недавно считалось общепринятымъ и безспорнымъ, стало горячо оспариваться. Я разумѣю здѣсь не столько новые интеллигентскіе же типы мысли и чувства, противопоставленные прежнимъ интеллигентскимъ, сколько появле-

ніе болѣе элементарныхъ навыковъ, принесенныхъ съ собой новыми слоями, выдвинутыми наверхъ развитіемъ русской общественности. Самый фактъ появленія этихъ болѣе широкихъ общественныхъ слоевъ, подъ какимъ бы обличьемъ они ни являлись, есть фактъ положительный. Но я думаю, что и передовому слою старой русской интеллигенціи передъ этимъ нашествіемъ не слѣдуетъ уступать и сдаваться. Ея временный ущербъ для меня лишь показываетъ, что ея историческая задача не кончена. Задача эта остается все та же, какъ и была: проникновеніе культурой все болѣе широкихъ слоевъ.

Когда русская интеллигенція одна только дѣйствовала и говорила на пустой еще тогда общественной аренѣ, мы подверглись нѣкоторой иллюзіи. По этой интеллигенціи, по сливкамъ русскаго общества, мы судили о цѣломъ. Теперь мы яснѣе видимъ, что массы еще далеко не всѣ затронуты и проникнуты идеей. Но за то тѣмъ грандіознѣе, тѣмъ шире рисуется намъ теперь наша собственная задача. Появленіе новыхъ соціальныхъ слоевъ на общественной аренѣ мы не можемъ не привѣтствовать. Но съ ихъ міровоззрѣніемъ, поскольку оно отрицаетъ наше, мы не можемъ не бороться. И если оно дѣлаетъ это, то есть отрицаетъ насъ, увѣренно, громко и шумно, то это не значитъ, что наша собственная увѣренность должна поколебаться. Напротивъ, тѣмъ, значитъ, нужнѣе имъ мы, съ нашими воззрѣніями, выработанными въ горнилѣ тысячелѣтней культуры. И провѣряя эти воззрѣнія вновь у европейскаго источника, находя, что

въ существѣ поступательный ходъ культурнаго человѣчества остается все тотъ же, что онъ идетъ по той же линіи, какъ и полвѣка назадъ, мы должны чувствовать новый приливъ бодрости и новое сознаніе важности нашей интеллигентской миссіи.

Вотъ почему, обращаясь къ друзьямъ-слушателямъ, я часто кончалъ эту лекцію призывомъ: не опускать наше старое интеллигентское знамя. И обращаясь теперь къ болѣе широкой аудиторіи друзей-читателей, я хотѣлъ бы, чтобы въ результатѣ чтенія этой брошюры они убѣдились въ томъ, что движеніе въ пользу мира есть лишь частичный выводъ, естественно и логически вытекающій изъ общественнаго міровоззрѣнія русской интеллигенціи.

Приложеніе.

ПРОТОКОЛЫ

Организаціоннаго и Годичнаго Собраній

Спб. Отдѣленія Общества Мира.

СОСТАВЪ ПРАВЛЕНІЯ.

Предсѣдатель — *профессоръ М. М. Ковалевскій,* Моховая, 32.

Товарищи Предсѣдателя: *Соф. Ип. фонъ-Рутценъ* и *В. В. Философовъ.*

Казначей — *Зоя Львовна Унковская,* Сергіевская, 24.

Помощ. Казначея — *З. В. Ратькова-Рожнова.*

Секретарь — *Е. П. Семеновъ,* Манежный, 16.

Помощ. Секретаря—*Г. С. Саркисовъ,* Александровскій пр , 21.

Члены Правленія: *В. Л. Богушевскій, А. Н. Брянчаниновъ. проф. Чл. Гос. Сов. А. Васильевъ, Чл. Гос. Д. И. Н. Ефремовъ, проф. баронъ Б. Э. Нольде, Чл. Гос. Д. Ф. И. Родичевъ, Чл. Гос. Сов. М. А. Стаховичъ, проф. бар. М. А. Таубе, гр. И. П. Толстой, М. П. Федоровъ. д-ръ А. Н. Шабанова и Ник. Д. Шубинъ-Поздѣевъ.*

I.

ПРОТОКОЛЪ

организаціоннаго собранія СПБургскаго Отдѣленія О-ва Мира, 17 Декабря 1909 г., въ Николаевскомъ залѣ Городской Думы.

Многочисленное Собраніе (списокъ присутствующихъ приложенъ къ протоколу) открыто въ 4 часа предсѣдателемъ М. М. Ковалевскимъ, который въ своемъ привѣтственномъ словѣ показываетъ, насколько настоящій моментъ является наиболѣе благопріятнымъ для основанія и дѣятельности О-ва Мира.

Предсѣдатель даетъ затѣмъ слово профессору Международнаго Права, барону М. А. Таубе, который въ обстоятельной рѣчи выясняетъ роль и значеніе пацифизма:

„Идея Мира разрабатывается теоритически уже давно. Въ послѣдніе годы практическимъ ея проведеніемъ въ жизнь и распространеніемъ занялись въ Европѣ спеціальныя общества мира. Значеніе этихъ обществъ громадно, но дѣятельности обществъ не слѣдуетъ противопоставлять дѣятельность правительствъ, стремящихся къ мирному улаженію международныхъ конфликтовъ. Въ этомъ отношеніи Россія проявила иниціативу не только предложеніемъ созвать гаагскую конференцію, но и передачей на разсмотрѣніе международнаго трибунала гулльскаго инцидента Поэтому вполнѣ своевремен-

нымъ является созданіе обществъ „Мира“ и въ Россіи, но общества эти должны остерегаться увлеченій на весьма опасный путь антимилитаризма. Этотъ путь можетъ оказаться чреватъ послѣдствіями. Насколько идея мира въ умѣренной дозѣ даетъ благопріятные результаты, настолько же, по мнѣнію проф. Таубе, она въ слишкомъ большихъ дозахъ для Россіи, если и не смертельна, то, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно вредна: она дѣйствуетъ ослабляющимъ образомъ на государственный организмъ. Въ стремленіи ко всеобщему миру необходимо держаться „золотой середины“. „Я говорю,— подчеркиваетъ ораторъ,—не только какъ теоретикъ, но и какъ практикъ, причастный министерству иностранныхъ дѣлъ,—едва ли мы переживаемъ мирную эру. Нашему поколѣнію еще придется быть свидѣтелями великихъ потрясеній— борьбы расъ, а не только отдѣльныхъ народностей. Не слѣдуетъ на это закрывать глазъ, и, распространяя идею всеобщаго мира, не должно забывать, что при извѣстныхъ условіяхъ, наше отечество можетъ оказаться вовлеченнымъ въ водоворотъ“.

Предсѣдатель благодаритъ и прибавляетъ, заявляетъ, что О-во Мира ничего узкопартійнаго въ себѣ не заключаетъ и далеко отъ антимилитаристскаго движенія, и даетъ слово кн. Пав. Дм. Долгорукову для ознакомленія собранія съ исторіей О-ва Мира въ Москвѣ, отдѣленіе котораго мы нынѣ открываемъ.

(Рѣчь Пав. Дм. Долгорукова см. Вып. I. О-ва Мира въ Москвѣ, стр. 5).

Предсѣдатель высказываетъ надежду, что петербургское отдѣленіе пойдетъ по стопамъ Московскаго О-ва и станетъ также безпартійной организаціей. Для работы нужны всѣ сочувствующія дѣлу мира силы. Среди присутствующихъ много видныхъ дѣятелей мира, и между ними предсѣдатель парламентской группы, членъ Гос. Думы Ефремовъ.

Предсѣдатель даетъ слово г-ну Ефремову, который говоритъ:

„О дѣятельности междупарламентскихъ союзовъ—арби-

тража (а не мира)". Онъ указываетъ, что эти союзы, въ которые входятъ не теоретики, а практики, преклоняются передъ идеей всеобщаго мира, но они сознаютъ, что, къ несчастью эта идея еще надолго останется утопіей. Поэтому союзы, въ томъ числѣ и недавно образовавшаяся русская группа, преслѣдуютъ болѣе узкія цѣли—созданія подходящихъ условій для организаціи третейскихъ договоровъ, но союзы вѣрятъ, что, идя по этому пути, они подготавляютъ почву для торжества великой идеи всеобщаго мира. Въ скучное, сѣрое время,—говоритъ И. Н. Ефремовъ,—въ періодъ общей апатіи, междупарламентскій союзъ питаетъ надежду и вѣритъ въ возможность идти, хотя и медленно, впередъ".

Предсѣдатель благодаритъ оратора и указываетъ на присутствіе на собраніи члена Гос. Думы и 1-го призыва, Ф. И. Родичева и 2-го М. П. Федорова.

По приглашенію предсѣдателя чл. Гос. Думы, Ф. И. Родичевъ, говоритъ о разницѣ между задачами междупарламентскаго союза и обществъ мира, идущихъ однако къ одной и той же цѣли. Общества мира должны обратить все вниманіе на воспитаніе общества и народа въ духѣ правосознанія. Наличность послѣдняго одна будетъ способствовать улаживать конфликты при помощи права, а не при помощи силы. О-во мира можетъ разсчитывать на успѣхъ, если въ русскомъ обществѣ будутъ элементы, интересующіеся этимъ движеніемъ и готовые придти ему на помощь.

Предсѣдатель указываетъ, что ближайшими сотрудниками О-ва Мира несомнѣнно явятся женскія общества, работающія именно для укрѣпленія правосознанія и распространенія идей мира.

Быв. членъ Гос. Думы, М. П. Федоровъ, смотритъ оптимистически на дѣло О-ва Мира въ Россіи. Наша родина поставлена въ этомъ отношеніи въ исключительно благопріятныя условія. Россія не имѣетъ причинъ ни непримиримыхъ интересовъ, могущихъ вызывать непремѣнно конфликты. Враждебныя отношенія ея къ нѣкоторымъ странамъ, напр. Англіи, питались исключительно предразсудками. Разсѣять эти пред-

разсудки—одна изъ благодарныхъ и непосредственныхъ задачъ обществъ мира

Секретарь собранія, Е. П. Семеновъ, докладываетъ собранію привѣтствія отъ предсѣдателя Постояннаго Международнаго Бюро Мира въ Бернѣ, доктора Гоба, и отъ предсѣдателя О-ва Мира и Свободы, Эмиля Арно, и затѣмъ читаетъ протоколъ подготовительнаго Собранія, 18 Ноября, 1909 года, по организаціи О-ва Мира въ Петербургѣ, который собраніемъ утверждается.

Предсѣдатель объявляетъ перерывъ для производства выборовъ членовъ Правленія.

По возобновленіи засѣданія оглашаются результаты выборовъ (см. выше *Составъ Правленія).*

II.

ГОДИЧНЫЙ ОТЧЕТЪ.

(4 Марта 1911 г.).

Подводя итоги дѣятельности С.-Петербургскаго Отдѣленія Общества Мира за истекшій первый годъ его существованія, мы должны констатировать, что проявленіе этой дѣятельности было довольно скромное.

За годъ мы имѣли всего четыре общихъ собранія подъ предсѣдательствомъ Максима Максимовича Ковалевскаго: первое организаціонное 17 декабря 1909 г., въ залѣ Городской думы, второе торжественное засѣданіе 7 февраля 1910 г. съ французскими Парламентаріями, во главѣ съ д'Естурнель де Констаномъ; третье 5 декабря 1910 г. въ залѣ Губернской Управы, гдѣ читали свои доклады: предсѣдатель Московскаго Общества Мира, князь Павелъ Дмитріевичъ Долгоруковъ, члены Гос. Думы Павелъ Николаевичъ Милюковъ и Иванъ Николаевичъ Ефремовъ, и членъ нашего правленія и представитель нашъ на Международномъ Конгрессѣ Мира въ Стокгольмѣ, Александръ Николаевичъ Брянчаниновъ, и наконецъ четвертое сегодняшнее годичное собраніе, приуроченное Вашимъ правленіемъ къ сообщенію докладовъ гг. Лебука *) и Саркисова и потому нѣсколько запоздавшее.

Мы рѣдко собирались главнымъ образомъ потому, что со-

*) Депутатъ г. Парижа спеціально пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы прочитать въ нашемъ О-вѣ докладъ о Дѣлѣ Мира (L'oeuvre de la Paix).

брать не только публику, но даже и членовъ можно только, привлекши ихъ сюжетомъ докладовъ и именами доклачиковъ и лекторовъ.

Общественныя условія русской жизни при новизнѣ пацифисткаго движенія въ Россіи и малаго съ нимъ знакомства русской публики ставятъ ваше правленіе въ болѣе тяжелое положеніе, чѣмъ то, въ которомъ находятся правленія пацифистскихъ обществъ заграницею. Тамъ при болѣе или менѣе широкой свободной политической жизни, при высокомъ развитіи общественнаго мнѣнія, окрѣпшее и укоренившееся пацифистское движеніе, вышедшее уже изъ періода теоретическаго обоснованія, не нуждается больше въ элементарной пропагандѣ его основныхъ идей и принциповъ, а вошло уже въ обиходъ политической жизни народовъ. Поэтому тамъ собранія пацифистовъ и фактически, и юридически могутъ заниматься практическими вопросами не только общеполитическими, но и злободневными.

Намъ по вышеуказаннымъ причинамъ практическая и текущая политика недоступна. Поэтому мы и должны ограничиваться въ началѣ нашей дѣятельности распространеніемъ даже въ нашей собственной средѣ предусмотрѣнныхъ и въ Уставѣ понятій о международномъ мирѣ, о третейскомъ судѣ, о международныхъ конференціяхъ и конгрессахъ мира, а равно и научной разработкой и популяризаціей основъ международнаго права. Этимъ самымъ обусловливается и возможный составъ нашихъ лекторовъ и докладчиковъ, составъ по преимуществу профессорскій: юристы, международники, историки, или спеціалисты—авторитетные общественные дѣятели.

Ко всѣмъ вышеупомянутымъ неблагопріятнымъ условіямъ какъ разъ въ этомъ году еще прибавились извѣстныя всѣмъ замѣшательства въ университетской жизни, и мы не смогли воспользоваться услугами нѣкоторыхъ профессоровъ, какъ членовъ нашего общества, такъ и вообще друзей мира, на которыхъ мы съ полнымъ правомъ разсчитывали, какъ на докладчиковъ въ нашемъ обществѣ: профессорамъ было не до насъ.

Если намъ приходится указывать на эти общія условія въ оправданіе малаго развитія нашей дѣятельности въ первый годъ существованія, то справедливость требуетъ, чтобы мы указали и на другую причину ея, лежащую не во внѣшнихъ условіяхъ, а въ насъ самихъ. Я имѣю въ виду малый интересъ, который проявляютъ сами члены общества къ своему же дѣлу.

Правленіе, которое собиралось 17 разъ втеченіе этого года, изискивало средства и способы и чаще собираться, и издать какой-нибудь коллективный трудъ по интересующимъ пацифистовъ вопросамъ, и вообще оживить дѣятельность общества.

Но правленіе одно безъ постоянной активной поддержки членовъ О-ва не можетъ съ успѣхомъ нести дѣло. Нужна не только матеріальная поддержка въ видѣ правильнаго скромнаго годового взноса—въ рубль—нужна главнымъ образомъ моральная поддержка въ видѣ большаго интереса со стороны членовъ къ вопросамъ, разработка которыхъ составляетъ цѣль общества

На извѣстный спросъ, на ясно проявленныя потребности, на запросы членовъ О-ва Правленіе съ бо̀льшимъ успѣхомъ могло бы отвѣчать посильнымъ удовлетвореніемъ этимъ выраженнымъ потребностямъ.

Наличность 324 членовъ за одинъ годъ существованія не можетъ считаться незначительной, но въ такомъ центрѣ, какъ Петербургъ, число это могло бы и должно быть гораздо болѣе высокимъ.

Будемъ надѣяться, что изданіе перваго сборника, которое все таки намѣчено Правленіемъ, будетъ первымъ толчкомъ, какъ къ болѣе активной жизни общества, такъ и къ большему сближенію членовъ между собою.

Большимъ подспорьемъ и средствомъ большого оживленія въ дѣятельности О-ва было бы изданіе постояннаго собственнаго ежемѣсячника, о которомъ уже поднимался вопросъ и въ нашемъ Правленіи и въ Правленіи Московскаго О-ва. Собственный пацифистскій органъ, издаваемый по примѣру другихъ пацифистскихъ обществъ, хотя и въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, съ успѣхомъ служилъ бы и связующимъ звеномъ

между русскими пацифистами и средствомъ для расширенія состава и дѣятельности существующихъ уже въ Россіи обществъ мира.

Матеріальныхъ средствъ для такого органа большихъ не надо: считая расходы на каждый № около 150 рублей, можно было бы начать изданіе, если бы первый годъ его существованія былъ обезпеченъ, т. е. если бы собрано было около 1800 рублей.

Моральная поддержка компетентныхъ силъ уже обезпечена. Московское Общество обѣщало свое посильное содѣйствіе такому изданію.

Насколько вышеупомянутый ежемѣсячникъ можетъ быть полезенъ и въ сферѣ, предусмотрѣнной и нашимъ Уставомъ указываетъ послѣдній абзацъ 1 §, который гласитъ:

„2) Общество беретъ на себя задачу служить справочнымъ бюро по всѣмъ вопросамъ международнаго мира, облегчаетъ сношенія между лицами, интересующимися этими вопросами, составляетъ библіотеку соотвѣтствующихъ сочиненій и архивъ справочныхъ по этой части свѣдѣній“.

Ни новизна дѣла, ни недостатокъ средствъ не позволяютъ намъ еще выполнять этотъ пунктъ Устава. Собственный ежемѣсячникъ и могъ бы быть такимъ справочнымъ бюро и живымъ архивомъ, которыхъ пока ничѣмъ инымъ не замѣнить.

Нашему Обществу должно было бы принадлежать первое необходимое усиліе для осуществленія этого полезнаго и необходимаго изданія.

Сочувствіе мірового пацифизма будетъ также на сторонѣ такого изданія, въ немъ мы не сомнѣваемся, тому порукой наше постоянное общеніе съ европейскими пацифистами въ лицѣ Постояннаго Центральнаго Бернскаго Бюро Обществъ Мира. Въ своемъ двухнедѣльномъ Бюллетенѣ оно отмѣчаетъ всѣ факты и проявленія дѣятельности Обществъ Мира въ Россіи. Черезъ него мы получаемъ разныя извѣщенія и свѣдѣнія о движеніи пацифизма за-границею. Мы такимъ образомъ получили приглашенія на прошлогодній Стокгольмскій Конгрессъ Мира и были на немъ представлены нашими

сочленами, чл. Гос. Думы Ив. Ник. Ефремовымъ и Ал. Ник. Брянчаниновымъ, которые и дали о немъ отчетъ на послѣднемъ нашемъ Общемъ Собраніи 5 декабря.

Мы получили также оффиціальное приглашеніе на ближайшій XIX Римскій Конгрессъ Мира, который состоится въ Римѣ отъ 17 до 24 Октября этого года *). Намъ присланъ также проектъ Порядка Дня Римскаго Конгресса, который прошу разрѣшенія огласить здѣсь.

Вотъ этотъ предварительный Порядокъ Дня:

1) Докладъ Бернскаго Бюро о событіяхъ года, касающихся войны или мира: Вопросы дня.

Докладчикъ: г. А. Гоба, ген. секр. Международнаго Бюро Мира, въ Бернѣ.

2) Гаагская Конференція:

а) Кодексъ публичнаго Международнаго Права;

б) Изслѣдованіе истинныхъ причинъ войнъ, происходившихъ съ 1815 года.

3) Ограниченіе вооруженій.

4) Международная организація пацифизма.

5) Международная организація сообщеній для печати.

Мы сможемъ, если вы пожелаете и если время позволитъ, сегодня обсудить и высказаться по поводу перечисленныхъ пунктовъ намѣченнаго Порядка Дня въ Римѣ.

Выработавшему его и приславшему его намъ Бернскому Бюро мы послали поздравительную телеграмму по случаю полученія имъ въ этомъ году Нобелевской Преміи Мира (около 200.000 фр.) и получили отъ него очень любезный отвѣтъ.

Въ такихъ же постоянныхъ отношеніяхъ мы находимся съ Кіевскимъ Обществомъ Мира и особенно съ Московскимъ Обществомъ, съ которымъ мы обмѣнялись въ истекшемъ году лекторами. Предсѣдатель Московскаго Общества читалъ у насъ докладъ о Стокгольмскомъ съѣздѣ, а Вашъ се-

---

*) Послѣднее полученное нами извѣстіе гласитъ, что Конгрессъ Мира соберется въ Римѣ 25 Сентября (до 3 Октября) нов. ст.

кретарь читалъ въ Московскомъ Обществѣ на собраніи въ память Л. Н. Толстого докладъ: Пацифизмъ и Толстой.

Съ Московскимъ Обществомъ мы и уставно связаны, какъ его отдѣленіе.

Въ этомъ смыслѣ мы отъ него получаемъ разныя административныя указанія, какъ, напримѣръ, послѣднее объ измѣненіи способа производства выборовъ въ нашихъ собраніяхъ, предусмотрѣннаго Примѣчаніемъ ко II § Устава: вмѣсто закрытой баллотировки шарами выборы разрѣшено производить подачей записокъ.

Говоря объ уставѣ Общества, я долженъ напомнить г.г. членамъ нашего Общества, что, какъ Отдѣленіе, мы обязаны руководствоваться въ своей дѣятельности уставомъ Московскаго Общества (см. IX §), но мы автономны въ отношеніи состава нашихъ должностныхъ лицъ, списокъ которыхъ разрѣшите огласить еще разъ для свѣдѣнія, въ виду того, что, можетъ быть, не всѣ члены Общества присутствовали на его оглашеніи въ первый разъ и не всѣ читали его въ газетахъ, въ отчетѣ о собраніи, на которомъ они были избраны согласно уставу на три года (см. выше: Составъ Правленія).

Этотъ списокъ, а равно и списокъ членовъ Общества будетъ отпечатанъ и разосланъ вамъ при первой возможности. Мы поэтому покорнѣйше просимъ всѣхъ членовъ Общества сообщить намъ свои точные адреса и имена и отчества. Не видя на нашихъ собраніяхъ всѣхъ членовъ Общества, мы не знаемъ, точно ли они занесены въ наши списки, мы не знаемъ даже, доходятъ ли до нихъ всегда наши повѣстки.

Мы закончимъ нашъ скромный и бѣдный фактами отчетъ пожеланіемъ болѣе энергичной и результатной работы въ будущемъ. Она зависитъ не столько отъ насъ, сколько отъ васъ.

Е. Семеновъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
	Отъ автора	3— 4
I.	Введеніе	5— 12
	Вооруженный миръ.	
II.	Вооруженный миръ—особенность нашего времени	13— 19
III.	Вооруженія и бюджеты Англіи и Германіи	20— 32
IV.	„Эра дреднотовъ". Послѣдній моментъ состязанія	33— 41
V.	Будущая война и ея стоимость	42— 47
VI.	Реальныя причины вооруженій. Англо-Германское соперничество	48— 57
VII.	Идеологія германскаго соперничества	58— 63
VIII.	Пангерманизмъ и военные романы	64— 74
	Ограниченіе вооруженій.	
IX.	Реальныя условія успѣха идеи мира	75— 83
X.	Три ступени развитія идеи мира	84— 90
XI.	Международная организація человѣчества	91— 94
XII.	Организаціи борьбы за правовую организацію народовъ	95—103
XIII.	Русскій циркуляръ 24 августа 1899 года	104—108
XIV.	Первая гаагская конференція	109—118
XV.	Вторая гаагская конференція	119—128
XVI.	Пренія объ ограниченіи вооруженій въ палатахъ	129—141
XVII.	Война не вызывается интересами націй	142—151
XVIII.	Война—пережитокъ соціальной психологіи	152—161
XIX.	Интеллигенція и война	162—165
	Приложеніе:	
	Протоколъ Организаціоннаго и Годичнаго Собраній Спб. Отдѣленія Общества Мира	169—176

Извлеченіе изъ Устава Обществъ.

§ 2. Цѣль Общества.

а) Научная разработка и популяризація основъ международнаго права и распространеніе въ обществѣ здравыхъ понятій о международномъ мирѣ, о третейскомъ судѣ и международныхъ конференціяхъ мира.

б) Для достиженія этой цѣли Общество путемъ печати и живого слово знакомитъ публику съ фактами сближенія народовъ на научномъ, экономическомъ, литературномъ и благотворительномъ поприщахъ, при чемъ въ отношеніи своихъ изданій Общество подчиняется постановленіямъ по дѣламъ печати.

в) Общество старается о распространеніи гуманныхъ воззрѣній на плѣнныхъ, раненыхъ, женщинъ и дѣтей въ военное время, а также заботится о сохраненіи въ неприкосновенности памятниковъ религіи, древности и произведеній искусства.

г) Общество беретъ на себя задачу служить справочнымъ бюро по всѣмъ вопросамъ международнаго мира, облегчаетъ сношенія между лицами, интересующимися этими вопросами, составляетъ библіотеку соотвѣтствующихъ сочиненій и архивъ справочныхъ по этой части свѣдѣній.

§ 6. Дѣйствительные члены избираются на очередныхъ собраніяхъ простымъ большинствомъ голосовъ присутствующихъ членовъ изъ лицъ, рекомендованныхъ не мѣнѣе какъ двумя почетными или дѣйствительными членами Общества. Дѣйствительные члены вносятъ или одинъ рубль ежегодно или тридцать рублей одновременно.

§ 24. Въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи постановленіемъ Общаго Собранія могутъ быть открываемы отдѣлы Общества, Тѣмъ же способомъ Общество можетъ сдѣлать постановленіе о закрытіи отдѣла, если признаетъ это нужнымъ

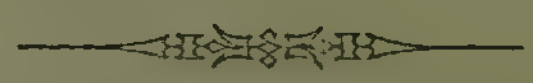
§ 25. Отдѣлы Общества преслѣдуютъ тѣ же цѣли, что и Общество, но ограничиваютъ кругъ своихъ дѣйствій избранною мѣстностью. Отдѣлы руководствуются въ своей дѣятельности уставомъ Общества, при чемъ составъ должностныхъ лицъ опредѣляется Общимъ Собраніе Отдѣла.

Поступило въ продажу

Московское Общество Мира. Выпускъ первый (1909—1910).

Готовятся къ печати:

1) Московское О-во Мира. Выпускъ второй.
2) СПБургское Отдѣленіе Общества Мира. Выпускъ второй.
3) Историческій Обзоръ Современнаго Пацифизма. *Е. П. Семенова.*
4) За Миръ! Воспоминанія Фредерика Пасси.

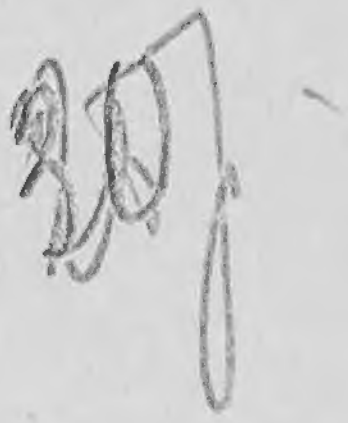


Цѣна 60 коп.

Складъ изданія:

Типографія Б. М. Вольфа, Невскій, № 126.

Продается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ.



10 =

ИА М
3 60-В